
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 1 (13) 2018

Издательство
«МГИМО-Университет»
2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Блинова Ольга Александровна – канд. филол. наук (Россия, Москва, МГИМО);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 1 (13) 2018 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 127 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.), EBSCO, Российский индекс научного цитирования – РИНЦ. Индексируется международной реферативной базой Ulrich's Periodicals.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2018

© Коллектив авторов, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бадаева Н.В.

Механистическая метафора в экономическом дискурсе немецкоязычных масс-медиа в период кризиса 2008–2011 гг. 5

Варфоломеева Ю.Н.

Типологическое разнообразие глагольных предикатов в тематических разновидностях описательных текстов (описании-пейзаже и описании-интерьере). 12

Галиева А.М., Замалетдинов Р.Р.

Ассоциативная множественность в татарском языке: коммуникативные факторы и лексические классы. 22

Елизарьева М.А.

Deutsche Lehnbedeutungen im Tschechischen Am Beispiel der Substantiv 30

Новиков Д.Н., Катаева Н.О.

Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход. 38

Орлова А.И.

Парадигма вариативного управления предлогов 'inklusive' и 'exklusive' в немецкой прессе 46

Передреева Т.В.

Вторичная номинация в топонимике (на материале названий немецкого государства и его столицы) 52

Петрова Г.В.

Семантическое поле слова «удивление» в португальском языке (в сопоставлении с русским). 57

Шевелева Е.О.

Концептуальные основания семантики лексической единицы "Strength" в современном английском языке. 68

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Курмакаева В.Ш.

Интерпретация текста и теория аргументации в обучении языку профессии (на примере английского языка) 75

Яроцкая Л.В.

Обучение и развитие: диалектика становления профессиональной личности в XXI веке. 83

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Астахова Е.В.

Представление монографии «Испания как метафора» 90

Березина А.В.

Отношения внутри бинарной оппозиции в творчестве Симин Бехбахани 98

Хабутдинова М.М.

Венгерский след в жизни и творчестве А. М. Гилязова. 104

Ян Лань

Лингвокультурный сопоставительный анализ обозначающих человека фразеологизмов русского и китайского языков. 113

Chernova S.V., Ferguson A.D.

Russian absurd texts. 121

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

N.V. Badaeva MECHANICAL METAPHOR IN ECONOMIC DISCOURSE OF GERMAN-LANGUAGE MASS-MEDIA IN 2008-2012 CRISIS PERIOD	5
Yu.N. Varfolomeeva TYPOLOGICAL DIVERSITY OF VERB PREDICATES IN THEMATIC VARIETIES OF DESCRIPTIVE TEXTS (DESCRIPTION-LANDSCAPE AND DESCRIPTION-INTERIOR)	12
A. M. Galieva, R.R. Zamaletdinov ASSOCIATIVE PLURAL IN TATAR: COMMUNICATION FACTORS AND LEXICAL CLASSES	22
M.A. Yelizaryeva GERMAN SEMANTIC CALQUES IN CZECH (ON THE EXAMPLE OF SUBSTANTIVES).....	30
D.N. Novikov, N.O. Kataeva SEMANTICS OF THE MODAL VERBS <i>SHALL</i> AND <i>SHOULD</i> IN MODERN ENGLISH: PROTOTYPE APPROACH	38
A.I. Orlova THE PARADIGM OF VARIATIONAL MANAGEMENT OF PREPOSITIONS 'INKLUSIVE' AND 'EXKLUSIVE' IN MODERN GERMAN PRESS	46
T.V. Peredreeva SECONDARY NAMING IN TOPONYMY (ON THE EXAMPLES OF THE NAMES "GERMANY" AND ITS CAPITAL CITY).....	52
G.V. Petrova THE SEMANTIC ANALYSIS OF THE PREDICATES OF SURPRISE IN PORTUGUESE AND RUSSIAN.....	57
E.O. Sheveleva CONCEPTUAL BASIS OF THE SEMANTICS OF THE LEXICAL UNIT 'STRENGTH' IN CONTEMPORARY ENGLISH.	68

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENT APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

V.Sh. Kurmakaeva TEXT INTERPRETATION AND THEORY OF ARGUMENTATION IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES FOR PROFESSIONAL PURPOSES (ENGLISH).....	75
L.V. Yarotskaya TRAINING AND DEVELOPMENT: DIALECTICS OF A FORMING PROFESSIONAL IN THE 21 ST CENTURY	83

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

E.V. Astakhova PRESENTATION OF THE MONOGRAPH «SPAIN AS METAPHOR».....	90
A.V. Berezina RELATIONS WITHIN THE BINARY OPPOSITION IN THE WORKS BY SIMIN BEHBAHANI	98
M.M. Khabutdinova THE HUNGARIAN THEME IN THE WORKS OF AYAZ GILYAZOV	104
Yang Lan A CONTRAST ANALYSIS OF LINGUISTIC AND CULTURAL DIFFERENCES BETWEEN PERSON-DESCRIBING PROVERBS IN RUSSIAN AND CHINESE	113
S.V. Chernova, A.D.Ferguson RUSSIAN ABSURD TEXTS	121

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИА В ПЕРИОД КРИЗИСА 2008-2011 ГГ.

Н.В. Бадаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье исследуется механистическая метафора экономического дискурса немецкоязычных массмедиа. Рассматривается важность выделения экономического дискурса массмедиа в связи с особым положением экономической науки и культуры, а также с развитием общественного интереса к этой проблематике, и вытекающая из этого необходимость изучения лингвистических способов его организации, в частности, изучения метафорики данного вида дискурса. Актуальность исследования заключается в изучении способов репрезентации механистической модели во время экономического кризиса, связанных с этой метафорической моделью понятий и образов, характерных для кризисного периода. В статье описываются примеры реального использования реализаций механистической метафоры в текстах экономического дискурса. В работе проводится статистический и когнитивно-прагматический анализ собранного материала на основе положений дескрипторной теории метафоры с последующим определением механистической метафоры как одной из дискурсивных практик для экономического дискурса массмедиа, выделяются специфические особенности немецкоязычной механистической метафоры. Статья рассчитана на учёных, занимающихся изучением дискурс-анализа, когнитивной метафоры, германистики.

Ключевые слова: немецкий язык, когнитивная лингвистика, когнитивная метафора, метафора механизма, дискурсивная практика, экономический дискурс.

Современный процесс изменения мирового пространства, характеризующийся превращением его в единую зону, в которой беспрепятственно перемещаются товары, услуги, капиталы и информация, с точки зрения когнитивной лингвистики выводит на первый план необходимость изучения метафорики экономического дискурса, и, в особенности, экономического дискурса массмедиа, учитывая его значительную роль в создании общественных установок и толковании экономических явлений и процессов. Ранее учёными было принято рассматривать экономический дискурс как часть политического. Так, например, А.П. Чудинов считает его подвидом политического дискурса [7], однако в настоящее время лингвисты склоняются к той точке зрения, что экономический дис-

курс современных массмедиа всё же представляет собой отдельный подвид дискурса. Такой подход развивает К.В. Томашевская [6]. Исследования языка популярного экономического дискурса на материале англоязычной публицистики Е.Г. Петушинской показывают, что с повышением интереса общества к экономическим проблемам формируется новый тип дискурса – «популярный экономический дискурс», который имеет свои специфические особенности, обусловленные, с одной стороны, наличием специальной лексики, а с другой – ориентацией на специально неподготовленную аудиторию [5]. Т.А. Евтушина и Н.А. Ковальская характеризуют экономический дискурс современных массмедиа как «совокупность речевых актов в сфере экономики, а также созданные профессионалами, неспеци-

алистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые отображают реалии экономического мира» [2, с. 44]. В.В. Крысов внутри экономического дискурса различает разные подвиды, в том числе – обывательский экономический дискурс «с вариантами в сторону новостной журналистики и массовой публицистики» [3].

Действительно, ещё столетие назад изучение экономики являлось уделом избранных, ограничиваясь властными структурами и представителями учёных кругов. Однако две мировые войны, рост уровня образования, череда экономических кризисов и неизбежное развитие самосознания общества вызвали волну интереса к экономической проблематике. В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что экономика так или иначе является важнейшей составляющей любой части жизни современного человека и, по сути, представляет собой одну из основополагающих форм организации жизни общества [8]. Процесс принятия экономических решений, т.е. экономическая политика, вызывает огромный интерес со стороны общественности, причём необходимо заметить, что интерес этот вовсе не пассивный – общество со своей стороны принимает деятельное участие в этом процессе, обозначая свою позицию разнообразными способами (новости, аналитические статьи, голосование, опросы общественного мнения и др.), в том числе и через массмедиа, что обуславливает особое внимание лингвистов к этому виду дискурса.

В этом контексте изучение метафористики экономического публицистического дискурса представляется весьма перспективным направлением научных исследований. А.Н. Баранов рассматривает анализ метафористики определённого дискурса как один из базовых методов лингвистического анализа. Совершенно справедливо его утверждение, что в современном обществе существует определённый социальный заказ, который «стимулирует и исследование воздействующей, идеологической функции метафоры» [1, с. 18].

Важно напомнить, что когнитивная метафора, являясь средством понимания и познания мира, играет значительную роль в формировании картины мира каждой отдельно взятой культуры. Метафора систематизирует осмысление явлений, пользуясь терминами некоего понятия, и упорядочивает действия, согласно структуре этого понятия [4], и таким образом выступает как важный элемент формирования

картины мира и, следовательно, её языкового воплощения. Изучение принципов воздействия метафоры на аудиторию, выявление закономерностей использования метафорических моделей в различных видах дискурса на сегодняшний день становится одним из самых многообещающих направлений когнитивных исследований, имеющим не только важное значение для расширения научного знания в целом, но и большой потенциал с точки зрения поиска решения актуальных практических задач, таких как отслеживание общественного мнения, методы его формирования и др.

Целью данной статьи является исследование одной из самых продуктивных метафорических моделей немецкоязычного экономического медиа-дискурса в период экономического кризиса 2008 – 2010 гг. – механистической метафоры.

Согласно дескриптивной теории метафоры, развиваемой А.Н. Барановым, метафорика каждого вида дискурса определяется набором дискурсивных практик этого дискурса, то есть, другими словами, совокупностью метафорических моделей, типичных для него и отличающих его от других видов дискурса. Одной из таких дискурсивных практик для экономического дискурса немецкоязычных масс-медиа является механистическая метафора. Материал для анализа был отобран методом сплошной выборки, источниками стали наднациональные массмедиа ФРГ: Frankfurter Allgemeine [9], Fokus [10], Manager Magazin [11], Spiegel [12], Welt [13]. Среди общего корпуса контекстов (261), собранных для изучения метафористики экономического дискурса масс-медиа в кризисный период, реализации именно этой модели занимают второе место, уступая лишь медицинской метафоре, и составляют 18,7% или 55 употреблений. Под дискурсивной практикой в настоящей работе понимается определение А.Н. Баранова, который применительно к сфере метафористики понимает дискурсивную практику как устойчивую пару «метафорическая модель /типичные области осмысления», которые в рамках данной модели формируют тематику соответствующего дискурса. Под «типичными областями осмысления», так же называемыми «денотативными дескрипторами», подразумевается «область цели метафорической проекции, область же источника является сигникативным дескриптором» [1].

Анализируя собранный материал с целью определения вышеупомянутых областей осмысления, т.е. денотативного разнообразия, необхо-

димо ещё раз подчеркнуть, что общим тематическим контекстом всех собранных реализаций метафорической модели является экономика в период кризиса. Количество обнаруженных

денотативных дескрипторов составляет 53 появления. Таблица ниже представляет диапазон денотативных дескрипторов более наглядным образом:

Дескриптор	Частота употребления	Тематическая область
Экономическая конъюнктура (общемировая и отдельных стран)	11	Экономика
Экономический спад (кризис) и его факторы	8	Экономика
Экономический рост и его факторы	7	Экономика
Конституция (ФРГ)	4	Государство
Потребление	4	Экономика
Внешняя торговля	4	Экономика
Германия	3	Государство
Спрос	3	Экономика
Общемировая торговля	2	Экономика
Рынки и биржи	2	Экономика
Долги	2	Экономика
Сфера услуг	1	Экономика
Покупательная способность	1	Экономика
Финансовая программа количественного смягчения	1	Экономика

Как видно из таблицы, самыми обсуждаемыми темами периода 2009-2010 годов являются общее состояние экономической конъюнктуры, кризис и проблематика экономического роста, что неудивительно, учитывая негативное состояние общемировой экономики. Рассмотрим на конкретных примерах, как профилируются в немецкоязычной медиа-прессе подвергающиеся наибольшему количеству метафорических осмыслений экономические понятия в рамках метафорической модели механизма. Из таблицы видно, что на первом месте находится денотативный дескриптор *экономическая конъюнктура*. Экономика часто рассматривается как некий абстрактный механизм, имеющий определённое внутреннее устройство, которое приводит его в действие. Этот механизм обладает всеми характерными чертами: работает (правильно или неправильно), он может сломаться, соответственно, его можно починить. Самые частотные сигникативные дескрипторы здесь – *reparieren; das Überhitzen; die Überhitzung; abkühlen*. При этом сам механизм никак не определяется и не категоризируется:

- *Der Euro-Rettungsplan? Wird nicht funktionieren, die großen Investoren glauben nicht daran. Sie wissen, dass der Aktienmarkt am Ende ist. Was Investoren wieder Vertrauen bringen würde? «Wir sind Trader, wir interessieren uns nicht wirklich dafür, wie sie die Wirtschaft reparieren und die Situation lösen. Unsere Aufgabe ist, Geld damit zu verdienen.»*

Этот механизм в зависимости от внешних или внутренних факторов может охлаждаться или перегреваться:

- *Die OECD fordert bereits höhere Zinsen als Gegenmaßnahme, nicht nur in China, sondern auch in Indien. Das Überhitzen der Konjunktur in den Schwellenländern stelle ein ernst zu nehmendes Risiko dar. Ein Boom mit anschließendem Wachstumseinbruch sei nicht ausgeschlossen, erklärten die Experten.*

- *Die chinesische Wirtschaft wächst, als hätte es die globale Krise gar nicht gegeben. Angesichts eines Anstiegs um knapp 11 Prozent warnen Statistiker vor Inflation und Überhitzung der Wirtschaft. Der Unterschied zwischen Stadt und Land wird immer größer.*

- *Es war absehbar, dass die US-Immobilienkrise länger dauern und die Weltwirtschaft sich dadurch abkühlen würde - weshalb für 2008 keine neuen Rekorde beim Export zu erwarten sind. Man hoffte also auf die Verbraucher - aber auch die reagieren auf die hohen Preise und denken nicht daran, ihr Geld auszugeben.*

Не менее часто экономика осмысляется и как более конкретное устройство, одновременно являющееся как самостоятельным механизмом, так и частью некой машины – *Motor*. К тому же следует заметить, что метафора *двигателя*, «*мотора*» так же состоит в логичной парадигматической связке с метафорами *охлаждения* (*abkühlen*) и *перегрева* (*das Überhitzen*), примеры реализаций которых были приведены выше. В

реалиях современного мира двигатель и его состояния являются естественно связанными в человеческом сознании. Как правило, под мотором чаще всего подразумевается двигатель внутреннего сгорания или же электрический двигатель. Основная функция двигателя – создавать механическую энергию, приводя в движение всю машину:

- *Die Schwäche Amerikas trifft andere Staaten. Die USA sind noch immer mit Abstand die größte Volkswirtschaft der Welt. Die fehlende Kraft des amerikanischen Wachstumsmotors berührt die wirtschaftliche Dynamik anderer Länder negativ. Das gilt für Südostasien und Lateinamerika, deren Produktion stark auf den amerikanischen Absatzmarkt ausgerichtet ist.*

- *25 Milliarden für den Wirtschaftsmotor*
- *Dank des staatlichen Konjunkturprogramms und einer lockeren Kreditvergabe brummt Chinas Wirtschaft wieder wie vor der Krise. Im ersten Quartal lag das Wachstum bei 11,9 Prozent. Fürs Gesamtjahr rechnet die Weltbank mit einem Plus von neun Prozent. China übernimmt damit die Rolle des Motors für die Weltkonjunktur.*

Связка сигникативных дескрипторов Motor; brummen, относящихся к одному денотату – экономика, весьма характерна для немецкоязычного экономического дискурса масс-медиа. Результатом сочетания этих сигникативных дескрипторов является такое метафорическое следствие, когда экономика актуализируется как автомобиль с мощным двигателем, издающим приятное рычание. Звук ровно урчащего мотора в сознании любого человека ассоциируется с правильно работающим механизмом, способным исправно выполнять свои функции, что является однозначно позитивным представлением со всеми связанными с этим представлением положительными ассоциациями (например: автомобиль сможет работать долго; автомобиль сможет преодолеть значительное расстояние без каких-либо проблем; с помощью автомобиля можно достичь цели; при необходимости автомобиль сможет послужить защитой). Таким образом, экономика интерпретируется как эффективно работающий автомобиль, который сможет доставить пассажира (в данном случае подразумевается общество) до пункта назначения. И чем мощнее и комфортнее будет этот автомобиль, чем лучше он будет работать, тем увереннее будет себя чувствовать и пассажир. Думается, излишним будет заметить, что именно Германия считается родиной автомобиля, так

как именно там в последней трети XIX века был изобретён двигатель внутреннего сгорания, положивший начало автомобилизации всего мира. Кроме того, с шестидесятых годов XX века ФРГ является европейским лидером в производстве легковых автомобилей, а в мире занимает четвертое место. Автомобиль и весь спектр связанных с ним понятий и эмоций в общественном сознании немцев несёт однозначно положительный заряд, так как исторически связывается с успехом немецкой промышленности, передовым техническим развитием и успехом на мировой арене, особенно в период после Второй Мировой войны, когда Германии пришлось восстанавливать свою экономику фактически с нуля и именно автопром стал одним из факторов будущего успеха. В связи с этим совсем неудивителен тот факт, что метафорическое осмысление экономики в рамках механистической метафоры в немецкоязычной прессе происходит за счёт большого количества метафор из кластера «механизм/автомобиль».

Денотативные дескрипторы *экономический спад (кризис)* и *экономический рост*, находясь по частоте метафорического осмысления на одинаковой отметке (8 и 7 соответственно), так же актуализируются с помощью метафор, происходящих из кластера «механизм/автомобиль»:

- *Die weltweite Finanzkrise bremst die Weltwirtschaft und zwingt Deutschland nach IWF-Einschätzung im kommenden Jahr in eine Stagnation.*

- *Die Finanzkrise wird das Wachstum in Deutschland bremsen, sagt Bundesfinanzminister Peer Steinbrück. Von einer Rezession könne aber keine Rede sein. Zugleich bereitet der Minister die Bürger auf rauere Zeiten mit hoher Inflation vor. Höhere Staatsausgaben, um den Abschwung zu bremsen, lehnt er ab.*

Тормоз, как известно, наряду с двигателем, является одной из основных деталей автомобиля, при этом так же представляет собой отдельный механизм внутри другого движущегося механизма. Однако выполняет противоположную функцию, т.е. служит для замедления и/или остановки. На деле это специальный механизм для прекращения движения. Именно в таком аспекте толкуется кризис, который замедляет движение экономики. Однако, необходимо заметить, что метафора тормоза является, так сказать, двухвекторной, то есть, разнонаправленной. В отличие от метафоры двигателя, которая всегда несёт в себе только положительный заряд, даже в том случае, если сам контекст отри-

цательный (*Die fehlende Kraft des amerikanischen Wachstumsmotors berührt die wirtschaftliche Dynamik anderer Länder negativ*), метафора тормоза не может считаться однозначно позитивной или негативной. В этом случае знак как раз зависит от контекста. В приведённых выше примерах тормоз метафорически отображает негативные факторы, отрицательно влияющие на экономическое развитие, т.е. тормозящие его. Однако замедлять можно также и неблагоприятное развитие, как в следующем примере, где сдерживаются как раз лишние расходы, что в условиях кризиса является именно положительным фактором:

- Angesichts der Finanzkrise und der sich abschwächenden Konjunktur tritt auch der Konsumgüterhersteller Henkel intern **auf die Kostenbremse**.

Денотативные дескрипторы *потребление* и *внешняя торговля* также часто состоят в связке с сигнификативными дескрипторами *bremsen* и *Motor*, что, с точки зрения последовательного метафорического осмысления, опять же представляет их в образе автомобиля, который то разгоняется, то притормаживает:

- Tokio - Angesichts **des wieder anspringenden Exportmotors** stieg die Produktion in der zweitgrößten Volkswirtschaft im April zum Vormonat um bereinigt 5,2 Prozent und damit so stark wie seit fast 60 Jahren nicht, wie das Handelsministerium am Freitag bekanntgab.

- Nach langer Flaute sollte der private Konsum 2008 die Rolle des Konjunkturmotors übernehmen. Doch die beschleunigte Inflation hat die Verbraucher tiefgreifend verunsichert.

- Das verlangsamte Wachstum der Weltwirtschaft und des Welthandels infolge der Finanzmarktkrise wird aus Sicht des Bundesverbandes des Deutschen Groß- und Außenhandels (BGA) «**nicht ohne bremsende Auswirkungen auf die deutsche Außenwirtschaft**» bleiben.

- «Der Außenhandel ist eine deutliche **Bremse für die Konjunktur im ersten Quartal**», sagte Torssten Polleit von Barclays. Besserung sei nicht in Sicht. «Es ist sogar zu befürchten, dass die Wirtschaftsleistung zu Jahresbeginn noch stärker schrumpft als im vierten Quartal mit 2,1 Prozent.»

Подавляющее большинство денотативных дескрипторов, указанных в таблице, относятся к тематической области «экономика», что само собой разумеется для экономического дискурса. Тем интереснее рассмотреть, каким же образом в экономическом дискурсе появляются та-

кие дескрипторы как *конституция* и *Германия*, при этом Германия понимается тут именно как политико-правовой субъект, а не место создания валового внутреннего продукта.

- Um der ausufernden Verschuldung wieder Herr zu werden, hat die Bundesregierung in Berlin jüngst **die Schuldenbremse in der Verfassung verankert**.

- Die Kanzlerin forderte konzentrierte Aktionen gegen den Abschwung. **Zwar ziehe Deutschland Konsequenzen wie die Verankerung einer Schuldenbremse im Grundgesetz**. Angesichts des Verhältnisses von 80 Millionen Deutschen zu sechs Milliarden Menschen auf der Welt müsse aber nun die Europäische Union aktiv werden.

Контекст, в котором здесь связаны сигнификативные дескрипторы *die Schuldenbremse* и *die Verankerung* с денотатами *Германия* и *конституция*, позволяет предположить и появление у этих денотатов также определённого метафорического подтекста, когда и Германия, и её конституция так же приобретают черты определённого движущегося механизма, в который можно что-то встроить.

Для таких важных денотатов в экономическом дискурсе как *потребление* и *спрос* (совокупно 7 появлений) также чаще всего используются механистические сигнификативные дескрипторы *Motor*, *bremsen*, кроме того появляется и другой сигнификативный дескриптор, впрочем, самым непосредственным образом связанный с дескриптором *Motor* – *ankurbeln*.

- Der Konsum fällt als Wachstumsmotor aus, die schwächelnde Weltwirtschaft trifft auf gewaltige Überkapazitäten, die in den Boomjahren entstanden sind.

- „Nicht für jedes Unternehmen führt die Brücke Kurzarbeit ans rettende Ufer“, prophezeit der Ökonom Rudolf Hickel. Wer weniger Einkommen hat, gibt weniger aus. **Der Konsum wird kein Wachstumsmotor sein können**.

- Angesichts der Finanzkrise und der sich abschwächenden Konjunktur tritt auch der Konsumgüterhersteller Henkel intern **auf die Kostenbremse**.

- Der Chefökonom der US-Bank machte den Politikern hierzulande Mut, die Wirtschaft und damit auch den Staat weiter umzukrempeln: «Sie sollten das wirklich machen, auch wenn ich von Politikern in Berlin mittlerweile häufiger höre, **die Nachfrage ankurbeln** zu wollen und nicht die Leistungsfähigkeit der hiesigen Unternehmen.

В заключение следует сказать, что качественный и количественный анализ приведённых

примеров позволяет сделать вывод о том, что механистическая метафора в немецкоязычном экономическом дискурсе является весьма продуктивной, используется для репрезентации таких важнейших понятий как экономическая конъюнктура, экономический рост, спрос и предложение, кризис и др., и, таким образом, может с полным правом считаться привычной дискурсивной практикой для этого вида дис-

курса. В свою очередь, инвентаризация и категоризация дискурсивных практик вносит значительный вклад в изучение метафорики определённого вида дискурса, её когнитивных и прагматических аспектов, в разработку методов лингвистического мониторинга, и, в целом, анализа общественного сознания на основе исследования текстов.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.
2. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 42–46.
3. Крысов В.В. Развитие экономических дискурсов: какую реальность изучает экономика // Современный дискурс-анализ. 2014. Вып. 11. С. 21–24. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/ada11.pdf> (Дата доступа 12 ноября 2017 г.)
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Теория метафоры. М., 1990. 512 с.
5. Петушинская Е.Г. Языковые особенности популярного экономического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2008. № 3. С. 52–57.
6. Томашевская К.В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении: Автореф. дис. д-ра филол. наук. СПб., 2000.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.
8. Экономика: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. [под ред. д-ра экон. наук проф. А.С. Булатова]. М.: Экономист, 2004.
9. Frankfurter Allgemeine. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell> (Дата доступа 12 ноября 2017 г.)
10. Fokus Online. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.focus.de> (Дата доступа 12 ноября 2017 г.)
11. Manager Magazin. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.manager-magazin.de> (Дата доступа 12 ноября 2017 г.)
12. Spiegel Online. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.spiegel.de> (Дата доступа 12 ноября 2017 г.)
13. Welt. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.welt.de> (Дата доступа 12 ноября 2017 г.)

Сведения об авторе:

Бадаева Наталья Валерьевна – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология немецкого языка, когнитивная метафорика, лингвокультурология, лингвострановедение, экономический перевод. E-mail: natalia_badaeva@mail.ru.

MECHANICAL METAPHOR IN ECONOMIC DISCOURSE OF GERMAN-LANGUAGE MASS-MEDIA IN 2008-2012 CRISIS PERIOD

Natalia V. Badaeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article studies the mechanistic metaphor of the economic discourse of the German-speaking mass media. The importance of the economic discourse of mass media is highlighted in connection with a special role of economic science and culture, as well as a growing public interest in this problem. This explains the need to study the linguistic organization of economic discourse, and metaphor in*

particular. The topicality of the research is in the study of the methods of representation of the mechanistic model during the economic crisis associated with this metaphorical model of concepts and images characteristic of the crisis period. The article describes examples of the real use of realizations of a mechanistic metaphor in texts of economic discourse. The statistical and cognitive-pragmatic analysis of the collected material is based on the provisions of the descriptor theory of metaphor with the subsequent definition of the mechanistic metaphor as one of the discursive practices for the economic discourse of the mass media. Specific features of the German-speaking mechanistic metaphor are highlighted. The article is intended for scientists engaged in the study of discourse analysis, cognitive metaphors, and German studies.

Key Words: *German, cognitive linguistics, cognitive metaphor, mechanism metaphor, discourse practice, economic discourse.*

References

1. Baranov A.N. Deskriptornaja teorija metafory [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. 632 p.
2. Evtushina T.A., Koval'skaia N.A. Ekonomicheskij diskurs kak objekt lingvisticheskogo issledovanija [Economic Discourse as an Object of Linguistic Research]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University, 2014, no. 6 (335), p. 42–46.
3. Krysov V.V. Razvitie ekonomicheskikh diskursov: kakuju real'nost' izuchaet ekonomika [Development of economic discourses: what kind of reality is economics studying]. Sovremennyi diskurs-analiz – Journal of Modern Discourse Analysis, 2014, no. 11, pp. 21–24. Available at: <http://www.discourseanalysis.org/ada11.pdf> (Accessed 12 November 2017).
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By, Chicago, University of Chicago, 1980. 256 p. (Rus. ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Teoriia metafory. Moscow, 1990. 512 p.).
5. Petushinskaja E.G. Jazykovye osobennosti populiarnogo ekonomicheskogo diskursa [Language features of popular economic discourse]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Lingvistika – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 2008, no. 3. p. 52–57.
6. Tomashevskaja K.V. Ekonomicheskij diskurs sovremennika v ego leksicheskom predstavlenii. Diss. dokt. filol. nauk [Economic discourse of a contemporary in his lexical representation. Dr. philol. sci. diss.]. S. Petersburg, 2000. 532 p.
7. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000) [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: UrGUU, 2001. 238 p.
8. Ekonomika: Uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. (pod red. d-ra ekon. nauk prof. A.S. Bulatova). [Economics: A Textbook. 3rd ed., Revised and added. [Dr. econ. Sciences of prof. A.S. Bulatov.]. Moscow: Ekonomist, 2004.
9. Frankfurter Allgemeine. Available at: <http://www.faz.net/aktuell> (Accessed 12 November 2017).
10. Fokus Online. Available at: <http://www.focus.de> (Accessed 12 November 2017).
11. Manager Magazin. Available at: <http://www.manager-magazin.de> (Accessed 12 November 2017).
12. Spiegel Online. Available at: <http://www.spiegel.de> (Accessed 12 November 2017).
13. Welt. Available at: <https://www.welt.de> (Accessed 12 November 2017).

About the author:

Natalia V. Badaeva – Assistant Professor of Department of German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: lexicology of the German language, cognitive metaphors, linguoculturology, economic translation. E-mail: natalia_badaeva@mail.ru.

* * *

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В ТЕМАТИЧЕСКИХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (ОПИСАНИИ-ПЕЙЗАЖЕ И ОПИСАНИИ-ИНТЕРЬЕРЕ)

Ю.Н. Варфоломеева

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Россия, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 в.

Статья продолжает разработку лексического состава модели текста типа «описание». Работа посвящена исследованию типологического разнообразия глагольных предикатов в тематических разновидностях описания: описании-пейзаже и описании-интерьере. В поле зрения попадают неакциональные глагольные предикаты 11 лексико-семантических групп (ЛСГ) со значениями: 1. размещения в пространстве; 2. позиционной семантики; 3. характеристики формы предмета; 4. характеристики границ пространства; 5. охвата предмета; 6. пространственного соотношения предметов; 7. заполнения пространства; 8. характеристики плоской поверхности объекта; 9. направления в пространстве; 10. положения в пространстве; 11. выделенности на основе световых/цветовых характеристик. Кроме того, в статье рассматривается специфика функционирования в описании предикатов интермодальной семантики, а также акциональных глагольных предикатов с инвариантным значением бытия. Наибольшее разнообразие ЛСГ глагольных предикатов наблюдается в описании-пейзаже, располагающем значительным количеством объектов, имеющих пространственную структуру. В описании-интерьере более важны актанты, поскольку предметы способны характеризовать обстановку лишь своим наличием без указания на их действия или состояния. Количество глагольных предикатов разных ЛСГ может быть меньшим (по сравнению с описанием-пейзажем) в силу ограниченного набора описываемых объектов (в основном мебель и предметы интерьера). Выводы, полученные в результате исследования, способствуют уточнению состава предикативной части лексической модели описания-пейзажа и описания-интерьера. Кроме того, работа может оказаться полезной в методике преподавания русского языка при разграничении разновидностей описательных текстов, а также в методике преподавания русского языка как иностранного в разделе, посвящённом изучению типов речи.

Ключевые слова: текст типа «описание», структурно-семантическая модель, лексическая модель, описание-пейзаж, описание-интерьер, глагольный предикат, классификация предикатов, лексико-семантическая группа.

Проблема типов речи (описание, повествование, рассуждение), изучение которой было поставлено О.А. Нечаевой на логическую основу [7], является на настоящий момент весьма актуальной в лингвистике. Особый интерес вызывает исследование модельных, регулярно воспроизводимых свойств типов речи.

Изучению структурно-семантической и лексической модели текста типа «описание» посвящены докторская диссертация В.М. Хамагановой [10], часть коллективной монографии «Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование»» [5], монография Ю.Н. Варфоломеевой [1], множество научных статей. При этом описательный текст определя-

ется как тип текста, номинирующий «синхронно существующие конкретные признаки объекта действительности, воспринимаемые в определённый момент времени, причём положение воспринимающего зафиксировано в определённой точке пространственно-временного континуума» [10, с. 8].

В случае сочетания текста типа «описание» с определёнными объектами действительности формируются тематические разновидности описания: описание-пейзаж (вид местности), описание-интерьер (характеристика убранства помещения), описание-портрет (описание внешности человека), описание предмета (перечисление свойств предмета) [7, 3].

Лексическая наполненность перечисленных видов описания подверглась изучению с позиции актантной составляющей, поскольку именно ЛСГ существительных позволяют различать содержательные разновидности описания.

Исследовав семиотическую основу текста типа «описание», В.М. Хамаганова выявляет «постоянные» и «переменные» величины в составе данного типа текста. К «переменным» величинам исследователь относит актанты, вербализующие структуру пространства (*в углу, у окна*) и его предметное наполнение (*стол, диван*), к «постоянным» – предикаты со значением существования (*стоит, располагается*). Предикаты в описании имеют единый временной план, за счёт которого достигается синхронность перечисляемых признаков, все они объединены общей семантикой существования.

В ходе предыдущего исследования было выявлено, что способ существования обозначенных в описании объектов может быть передан с помощью неакциональных глагольных предикатов 11 ЛСГ со значениями: 1. размещения в пространстве (*стол располагается в комнате, усадьба стоит на пригорке*); 2. позиционной семантики (*картины висят на стенах, вещи лежат на полке*); 3. характеристики формы предмета (*ствол берёзы круглится, леса сутуляются*); 4. характеристики границ пространства (*леса ограничивают деревню, горы окружают село*); 5. охвата предмета (*стебель унизан цветами, стол затянут в кожу*); 6. пространственного соотношения предметов (*дом отстоит от дороги, постройки жмутся к лесу*); 7. заполнения пространства (*комната набита мебелью, спальня загромождена предметами*); 8. характеристики плоской поверхности объекта (*пол залит краской, стены обиты тканью*); 9. направления

в пространстве (*тропинка ведёт к лесу, окно выходит в сад*); 10. положения в пространстве (*степь разлеглась на километры, дорога тянется до гор*); 11. выделенности на основе световых/цветовых характеристик (*маки пламенеют, снег блестит на солнце*) [1, с. 54-64].

Материалом для исследования выступает непереводная художественная литература, описательные тексты выделены из произведений русской классики XIX-XX вв. (И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Е.А. Баратынский, И.А. Бунин и др.) и современной литературной прозы (И.К. Калашников, Ф. Искандер, Я. Сапфир и др.).

В целом в тематических разновидностях описания продуктивны слова с предметной семантикой, к которым в работе В.И. Конькова, О.В. Неупкоевой относятся не только существительные (актанты), но и глаголы, участвующие в выстраивании текстов описания и дающие наглядное представление об объекте описания [3, с. 35].

Рассмотрим функционирование языковых средств выражения пространства в тематических разновидностях описания: в описании-пейзаже и описании-интерьере.

От дома на далёкое пространство раскидывался сад из старых лип, густого шиповника, черёмухи и кустов сирени. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое к одной стороне золотыми лучами утреннего солнца и гладкое, как зеркало; с другой – тёмно-синее, как небо, которое отражалось в нём, и едва подёрнутое зыбью. (Гончаров. Обыкновенная история)

Структуру пространства в представленном описании-пейзаже передают актанты *от дома, между деревьями, в разные стороны*, наполнение пейзажа передано через актанты *сад, липы, шиповник, черёмуха, кусты сирени, цветы, дорожки, озеро*; наречие с пространственным значением далее способствует вербализации локативной семантики; эмпирические прилагательные, создающие представление об описываемом объекте, *густой, гладкое*; колоративы *золотые, тёмно-синее* завершают картину природы.

Вот лежанка, на которой стоят утюг, картонная кукла с разбитым носом, лоханка, рукомойник; вот окно, на котором в беспорядке валяются кусочек чёрного воска, моток шёлку, откушенный зелёный огурец и конфетная коробочка, вот и большой красный стол, на котором,

на начатом шитье, лежит кирпич, обшитый ситцем, и за которым сидит она в моём любимом розовом холстинковом платье и голубой козырьке. (Л. Толстой. Отрочество)

Представленное описание-интерьер содержит актанты *лежанка, утюг, кукла, лоханка, рукомойник, окно, кусочек воска, моток шёлку, огурец, коробочка, кирпич, она* (героиня в данном случае выступает как объект, наполняющий описываемое пространство комнаты), колоративы (*розовом, голубой*). Данный текст выстроен при помощи позиционных глагольных предикатов *стоят, валяются, лежит, сидит*. В данном описании-интерьере перечислены статичные объекты, характеризующие описываемое пространство своим наличием, что выражается в форме эллиптических предложений и позиционных предикатов, передающих только позиции предметов в пространстве.

В ходе анализа специфики и частотности функционирования глагольных предикатов в тематических разновидностях описания (более 840 описательных текстов) было отмечено, что наибольшее разнообразие ЛСГ глагольных предикатов наблюдается в описании-пейзаже, что обусловлено, вероятно, самим объектом описания, располагающим значительным количеством объектов, имеющих пространственную структуру.

Густым лесом ехал Вадим; направо и налево растлались кусты ореховые и кленовые, меж ними возвышались иногда высокие полусухие дубы, с змеистыми сучьями, странные, тёмные – и в отдалении синели холмы, усыпанные сверху донизу лесом, пересекаемые оврагами, где покрытые мхом болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожного путника. (Лермонтов. Вадим)

В приведённом описании-пейзаже использованы глагольные предикаты разных ЛСГ: *растлались* указывает на расположение кустов в пространстве леса в горизонтальном измерении с дополнительной семой 'большое пространство', предикат *возвышались* говорит о вертикальном расположении дубов, *синели* информирует о выделенности холмов на основе синего цвета.

Большое разнообразие глагольных предикатов можно наблюдать и в описании замкнутого пространства помещения – описании-интерьере, поскольку помещения имеют пространственную структуру и отличаются существенным набором разнообразных объектов (мебель, предметы интерьера и т.п.):

Посреди стола возвышался огромный кулич-баба с сахарным барашком и хоругвью над ним. С обеих сторон от кулича блестели груды весёлых яиц, всех оттенков и красок. На углах стола стояли куличи поменьше и четыре творожные пасхи — заварная, сырная, шоколадная и фисташковая, чудесного светло-зелёного цвета. Куличи были и домашние, очень сдобные и вкусные, и заказные – лёгкие, шафрановые (...). В двух местах стола возвышались высокие хрустальные вазы на серебряных подставках, полные редких для сезона фруктов, и другие вазы, поменьше, с шоколадными конфетами, пастилой, тянучками, мармеладом, изюмом, орехами и миндалем. (К.М. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера)

Глагольные предикаты *возвышался, возвышались* вербализуют вертикальное положение *кулич-бабы* посреди стола и *ваз, блестели* передаёт выделенность *яиц* на основе световых характеристик, позиционный предикат *стояли* указывает на позицию *куличей*, при этом актуализируется сема, о которой пишет А.В. Кравченко: «предмет помещён на стол с целью быть съеденным» [4, с. 38-39].

Текст описания-интерьера наполняют и эллиптические конструкции. В данном случае весьма важным оказывается замечание О.А. Нечаевой о том, что в данной разновидности описания важны актанты, поскольку предметы создают обстановку «только своим наличием в каком-либо месте, без указания на их действие или состояния» [5, с. 48], поэтому описание-интерьер по сравнению с описанием-пейзажем, как правило, располагает меньшим разнообразием ЛСГ глагольных предикатов. Подобное замечание было подтверждено в ходе анализа более 330 описаний-интерьеров, существенное число из которых (более 30) располагает эллиптическими конструкциями:

Церковь была полна праздничным народом. С правой стороны – мужики: старики в домодельных кафтанах и лаптях и чистых белых онучах и молодые в новых суконных кафтанах, подпоясанных яркими кушаками, в сапогах. Слева – бабы в красных шёлковых платках, плисовых поддёвках, с ярко-красными рукавами и синими, зелёными, красными, пёстрыми юбками, в ботинках с подковками. (Л. Толстой. Воскресение)

Рассмотрим функционирование выделенных выше 11 ЛСГ в описании-пейзаже и описании-интерьере.

Глагольные предикаты 1-ой ЛСГ со значением размещения в пространстве продуктивны

(продуктивность трактуется в работе как частотность) в описании-пейзаже и описании-интерьере:

Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращённого в грязный пруд. Кроме немногих ракут, всегда готовых к услугам, да двухтрёх тощих берёз, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... (Тургенев. Хорь и Калиныч)

Поселковый Совет размещался в старом, не разгороженном на кабинеты доме. В «красном» углу громоздился огромный стол на пузатых, величественно-тяжёлых тумбах. (И. Калашников. Расследование)

При разведении лексико-семантических вариантов (ЛСВ) глаголов *стоять*, *лежать*, *висеть* на значение размещения (дом *стоит* на пригорке) и собственно позиционное (книга *стоит* на полке) важно отметить, что в описании-пейзаже, как правило, функционируют наименования предметов, которые способны занимать только одну позицию в пространстве: Дом *стоит* на пригорке (в обычном положении дом не может лежать или висеть, Поляна *лежит* перед нами (поляна не может стоять или висеть). При этом актуализируется сема размещения в пространстве.

В пейзаже продуктивно значение предиката *лежать* с актуализацией идеи распространения чего-либо по поверхности, покрытия пространства: Туман *лежит* на полях – локальный ЛСВ (по терминологии А. В. Трофимовой) глагола *лежать* [8, с. 196].

Для пейзажа типично экзистенциальное значение глагола *стоять*:

Стояло осеннее утро. Из труб тянулись к небу столбы белесого дыма. (И. Калашников. Сашка)

Определённые ограничения касаются использования предиката *висеть*, который нетипичен для описания-пейзажа, поскольку вертикальная позиция предполагает наличие конструкции, на которой возможно достичь такого положения (стена), и которая, как правило, ограничивает пространство и приводит к возникновению описания-интерьера. Исключением может стать, например, наружная стена дома, входящая в поле зрения наблюдателя при описании пространства сада (*На наружной стене дома висит связка трав*) или характеристика вертикального положения на предметах, располагающихся на открытом пространстве (дерево): *С дерева свисает веревка.*

В локальных ЛСВ глаголов *висеть*, *виснуть* в описании-пейзаже может актуализироваться сема 'отсутствие движения': Тучи *висят* в воздухе (при этом значение, связанное с соприкосновением с поверхностью в какой-то точке, нейтрализуется: тучи ни на чём не висят).

Предметы, допускающие разные позиции в пространстве, как правило, организуют описание-интерьер: Книги *лежат* / *стоят* на столе. Эти предикаты 2-ой ЛСГ (позиционные) возможны при построении текстовых структур описания-интерьера, поскольку чаще всего они характеризуют позицию объекта в замкнутом пространстве (например, комнаты), имеющем горизонтальные (пол) и вертикальные (стены) поверхности, относительно которых и занимает позицию объект: Ковёр *лежит* на полу, картины *висят* на стенах.

Обстановка, в которой жил воплинский батюшка, была очень убогая. В единственной чистой комнате дома, которая служила приёмной, царствовала какая-то унылая нагота: по стенам было расставлено с дюжину крашенных стульев, обитых волосяной материей, местами значительно подранной, и стоял такой же диван с вытяженной спинкой, словно грудь у генерала; в одном из простенков виднелся простой стол, покрытый загаженным сукном, на котором лежали исповедные книги прихода, и из-за них выглядывала чернильница с воткнутым в неё пером; в восточном углу висел киот с родительским благословением и с зажжённой лампадкой; под ним стояли два сундука с матушкиным приданым, покрытые серым, выцветшим сукном. (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы)

Приведённое описание-интерьер содержит позиционные предикаты *стоял*, *лежали*, *висел*, *стояли*, характеризующие позиции объектов (диван, книги, киот, сундуки), способных принимать разные положения в пространстве. Кроме приведённых, в описании фигурируют и предикаты 11-ой ЛСГ *виднелся*, *выглядывала*, вербализующие выделенность объектов (*стол*, *чернильница*) в пространстве комнаты.

При сочетании локализирующих предикатов с одушевлённым предметом (чаще человеком), который может принимать разные позиции (*стоять*, *сидеть*, *лежать*) легче всего представить себе включённость такой конструкции в описание-интерьер:

Мать сидит на диване, поджав ноги под себя, и лениво вяжет детский чулок, зевая и почёсывая по временам спицей голову. Подле неё сидит На-

стасья Ивановна да Пелагея Игнатъевна и, уткнув носы в работу, прилежно шьют что-нибудь к празднику для Илюши... (Гончаров. Обломов)

Вероятно, предсказуемость подобных актантов при позиционных предикатах в описании-интерьере можно объяснить типичными условиями пребывания человека в пространстве дома, комнаты, другого помещения, что и составляет объект описания в описании-интерьере. Таково описание прокуратора, который присутствует в описываемом помещении в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

В это время под колоннами находился только один человек, и этот человек был прокуратор. Теперь он не сидел в кресле, а лежал на ложе у низкого небольшого стола, уставленного яствами и вином в кувшинах. Другое ложе, пустое, находилось с другой стороны стола. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

В пейзаже число форм, именующих человека, существенно меньше в силу большего разнообразия других объектов, которые могут составлять картину природы.

Предикаты 3-ей ЛСГ с семантическим компонентом формы предмета активно функционируют в описании-пейзаже:

Мартынову падь прорезал глубокий овраг с крутыми берегами. По дну вилась приметная тропинка. (И. Калашников. Сашка)

Пейзаж из произведения И.К. Калашникова содержит предикат формы вилась, характеризующий протяжённый в пространстве объект (тропинку).

Число предикатов формы в описании-интерьере может быть несколько ограничено по сравнению с описанием-пейзажем в силу описания ограниченного пространства с ограниченным набором предметов (отсутствие достаточно протяжённых в пространстве и объёмных предметов, таких как горы, дорога, леса часто сопровождающихся в описании-пейзаже именно предикатами формы: горы горбатятся, дорога петляет, извивается, леса сутуляются, топорщатся).

Продуктивны в описании-интерьере глагольные предикаты со значением формы предмета (грудится, громоздятся), имеющие семантику, осложнённую дополнительной семой – количественной составляющей, поскольку они характеризуют размещение многих предметов в пределах ограниченного пространства с опорой на поверхность, на что указывает в своей докторской диссертации В. Л. Ибрагимов [2, с. 26].

На столе громоздились две порции дымящейся мамалыги, рядом в блюдечках было разлито коричневое, густое ореховое сациви. Середину стола занимала миска с курятиной. (Ф. Искандер. Чик читит обычаи)

В описании-пейзаже подобные формы часто фигурируют с семантикой ‘без опоры на поверхность’: Тучи громоздились. Однако возможна и реализация семы ‘с опорой на поверхность’, при этом характеризуется незамкнутое пространство:

После недавней метели на обочинах громоздились снежные увалы. По дороге мело. Даже в тепле машины чуялась стылость январского ветреного дня. Хохлатые жаворонки, что искали поживу по краям асфальта, распушили перья, спасаясь от стужи. (Б. Екимов. Пиночет)

Глагольные предикаты 4-ой ЛСГ, очерчивающие границы пространства, возможны в разных тематических видах описания: и при характеристике открытого пространства, которое может делиться на части при описании, и при вербализации особенностей интерьера.

Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не разматан и не вывалился наружу, не зовёт в гости всякую прохожую свинью. (Тургенев. Хорь и Калиныч)

Камин, около которого стояли удобная козетка и два кресла, совсем был отгорожен от всей комнаты: с одной стороны – пианино, с другой – широколиственными, раскидистыми пальмами и трельяжем из какого-то вьющегося растения. (А. Куприн. Негласная ревизия)

Предикаты 5-ой ЛСГ с семантикой охвата предмета с разных сторон, погружения одного в другое встречаются во всех тематических разновидностях описания. Так, они функционируют в описании-пейзаже:

Жёлтое ржаное поле, полное васильков, вплотную подходило к этим стенам, к бурьянам, татаркам; чей-то белый в коричневых пятнах телёнок тонул среди овсов, стоял в них, объедая кисти. (И. Бунин. Суходол)

При описании обстановки предикаты 5-ой ЛСГ также продуктивны:

Пол кабинета был затянут сукном, но не солдатским, а бильярдным, а поверх его лежал вишневый, в вершок толщины, ковёр. Колоссальный диван с подушками и турецкий кальянazole лежали на нем. На дворе был день в центре Москвы, но ни один луч, ни один звук не проникал в кабинет

снаружи через окно, наглухо завешенное в три слоя портьерами. Здесь была вечная мудрая ночь, здесь пахло кожей, сигарой, духами. (М. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман))

Предикаты 6-ой ЛСГ, указывающие на пространственное соотношение предметов, частотны в описании-пейзаже, в котором важно указать на ориентацию предметов по отношению друг к другу:

За полями теснились сопки, округлые и присадистые, как копны сена. На их склонах белели метлы дэрисуна, в ложбинах осытали листья кусты волчьих ягод, а над полями, над сопками по-летнему горело солнце, высветляя каждую травинку, сверкающим шитьём паутины простёгивая бурьян на меже. (И. Калашников. Разрыв-травя)

У предиката *тесниться* при этом актуализирована сема 'близко друг от друга' [2, с. 25].

Для описания-интерьера использование предикатов 6-ой ЛСГ предсказуемо при характеристике положения предметов мебели относительно стен и друг друга (*Холодильник касается стены*):

Вчера я смерила кабинет двадцатью шагами – что вдоль что поперёк. Львиную его долю отвоевал чёрный деревянный стол. Рядом с кожаным креслом ему под стать пристроились два стула – напротив ещё четыре. (Ясмина Сапфир. Убить нельзя научить)

Глагольные предикаты 7-ой ЛСГ со значением заполнения пространства могут быть использованы в описании-пейзаже:

Но, как бы ни было, зима кончилась. (...) Весь луг и кусты около реки утонули в вешних водах, и между Жуковым и тою стороной всё пространство сплошь было уже занято громадным заливом, на котором там и сям вспархивали стаями дикие утки. (Чехов. Мужики)

Предикаты 7-ой ЛСГ часто характеризуют заполнение ограниченного пространства, поэтому особенно продуктивны в описании-интерьере:

В углах стояли известные скелеты, стены были обвешаны пучками сушёных трав и корней, на окнах стояли бутылки и банки с разными настоями. (Баратынский. Перстень)

Глагольные предикаты *наполнен, заполнен* содержат сему 'предельная степень занятости всего объёма пространства' [2, с. 26], поэтому, как правило, свойственны интерьеру, характеризующему ограниченное закрытое пространство.

Предикаты 8-ой ЛСГ, характеризующие плоскую поверхность, свойственны описанию-

интерьеру, в котором легко представить плоские поверхности стен, потолка, пола, стола и т.д.:

Комната была грязна, черна, заслякощена, так что даже ей [Арине Петровне], не знавшей и не признававшей никаких требований комфорта сделалось неловко. Потолок был закопчён, обои на стенах треснули и во многих местах висели клочьями, подоконники чернели под густым слоем табачной золы, подушки валялись на полу, покрытом липкою грязью, на кровати лежала скомканная простыня, вся серая от насевших на неё нечистот. (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы)

В описании-пейзаже предикаты 8-ой ЛСГ возможны при характеристике плоской поверхности (земли, глади озера, дороги и т.п.):

(Вот он описывает Йер:) «Городок, окружённый, т. е. с трёх сторон (четвёртая – море) тремя цепями гор. На первой стоят семь замков, отсюда Людовик Святой уходил в крестовый поход. Вторая цепь вся в соснах и дубах. Третья – покрыта снегом. Видны отовсюду сразу все три». (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере)

Предикаты 9-ой ЛСГ продуктивны в описании-пейзаже, содержащем протяжённые в пространстве объекты, характеризующем большое по объёму пространство (река, дорога и т.п.):

Большим полукругом расположился на солнцепеке город: разноцветные дома то шли ровными рядами, сопутствуемые круглыми деревьями, то криво сползали по скатам, наступая на собственные тени, и можно было различить движения на Первом бульваре и особенное мерцание в конце, где играл знаменитый фонтан. (В. Набоков. Приглашение на казнь)

Помещения не располагают большим количеством протяжённых в пространстве объектов, поэтому в описании-интерьере предикаты направления используются при построении текстовых структур ограниченно для характеристики частей помещения (окон, лестниц, дверей):

Из прихожей внутрь дома вели две двери. Одна была приоткрыта, виднелись поставленные в тесный ряд кровати, застланные серыми одеялами. За второй дверью были слышны детские голоса: крики, визг, плач. (И. Калашников. Не поле перейти...)

В описании-пейзаже могут функционировать предикаты 10-ой группы с семантикой положения в пространстве без каких-либо ограничений включая формы, характеризующие большое открытое пространство (*простираться, раскидываться, протянуться*).

Надо мной расстилось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинув несколько голову, я мог видеть в вышине тёмную церковку, наивно глядевшую на меня из-за зелёных деревьев, с высокой кручи. (Короленко. Река играет)

Для описания-интерьера не актуально использование предикатов, имеющих в своём составе сему 'большое открытое пространство' (простирается, раскидывается, протянулось). Остальные предикаты 10-ой ЛСГ достаточно продуктивны в описании-интерьере:

В клубе, слабо освещённом двумя керосиновыми лампами, клубился пар от дыхания. Его стены, не белённые с довоенных лет, облупились, из пазов местами торчали клочья серого мха. (И. Калашников. Не поле перейти...)

Предикаты 11-ой ЛСГ с семантикой выделенности в пространстве на основе световых/цветовых характеристик могут быть использованы при построении текстовых фрагментов всех тематических разновидностей описания.

В описании-пейзаже употребление обозначенных предикатов не ограничено:

Вокруг всё вопило от радости – по обочинам краснели, синели, желтели десятки видов цветов, трава стояла чуть не в человеческий рост; дальше светились ярко-рыжие стволы сосен, а под ними, казалось, было полным-полно грибов. Больших, мясистых, нечервивых... (Р. Сенчин. Елтышевы)

Приведённое описание-пейзаж избилует предикатами со значением выделенности предметов в пространстве на основе цветовых (краснели, синели, желтели) и световых характеристик (светились).

В описании-интерьере предикаты названной группы также достаточно продуктивны при обрисовке убранства помещения включая окказионализмы (нурпурилась):

В двойной солонке в одной чашечке белела соль, а в другой чашечке нурпурилась аджика. На столе были разбросаны кучки зелёного лука и свежие огуры. (Ф. Искандер. Чик чтит обычаи)

В ходе исследования отмечено, что в описании-пейзаже и описании-интерьере преобладает горизонтальное видение, в описании-портрете – вертикальное, что обусловлено особенностями самого объекта описания. При восприятии пространства местности или помещения легче всего определяется горизонтальная ось (линия горизонта в пейзаже) [6, с. 24] и идентифицируемые на ней объекты, в силу чего в тек-

сте, вербализующем восприятие пейзажа и интерьера, преобладает горизонтальное видение.

Помимо зрительно воспринимаемых признаков, пейзаж и интерьер часто могут располагать и интермодальными предикатами, передающими звуковое и ольфакторное описание среды с возможностями обрисовки тактильных и вкусовых ощущений. Подобные (интермодальные) глагольные предикаты обозначают наблюдаемые (в широком смысле) ограниченные временем действия (шуметь, пахнуть, колоться, горчить и др.), описательный контекст позволяет интермодальным предикатам функционировать с семантикой бытийности (т.е. шумит = существует в описываемом пространстве и издаёт нестройный звук, пахнет = существует в описываемом пространстве и имеет определённый запах, колет = существует в описываемом пространстве и имеет поверхность, способную причинять боль при прикосновении к ней, горчит = существует в описываемом пространстве и имеет горький вкус), реализуя при этом и семантику пространства.

Пространственное различие осуществляется всеми сенсорными системами, поэтому интермодальные предикаты способны своей включённостью в описательный контекст вносить значение расстояния: при различении звуков и запахов объект, издающий их, может находиться на достаточно отдалённом расстоянии от воспринимающего, присутствуя при этом в поле восприятия, при контактном (осозательном и вкусовом) восприятии объект находится в непосредственной близости от воспринимающего [1, с. 98].

Приведённые ниже фрагменты описаний природы и обстановки, кроме предикатов зрительной перцепции, содержат предикаты с семантикой ольфакторного восприятия благоухал, пахло, характеризующие открытое (в первом примере) и ограниченное (во втором тексте) пространство, попадающее в поле восприятия наблюдателя при характеристике пространства сада и кладовки.

В утреннем блеске, за логом, густо дымились крыши деревни. Сад свежо благоухал. А в полдень солнце стояло над деревней, на дворе было жарко, в саду рдели клёны и липы, тихо роняя разноцветные листья. (И. Бунин. Деревня)

Под второй лестницей с забитым запасным противопожарным выходом была отгорожена кладовка, скорее загончик с оконцем в тетрадный лист величиною, выходящим на захламлённый задний двор, вдали которого квадратами бе-

лели полуразваленные поленницы дров. Кладовка со времён построения школы не убиралась, не чистилась, была забита старыми вёдрами, тряпками, вешалками, ломаной мебелью и на праздниках отслужившими, небрежно свёрнутыми плакатами и другим невообразимым хламом. В ней пахло тлелым деревом, мочой, мышами, гнилыми вениками. (В. Астафьев. Пролётный гусь)

В приведённом ниже фрагменте при обрисовке интерьера употребляются звуковые предикаты:

В большой комнате бубнил телевизор, в ванной шипел душ. Но, несмотря на живые звуки, атмосфера тревожная, гнетущая. (Р. Сенчин. Елтышевы)

Следующее описание содержит звуковой и вкусовой глагольные предикаты:

Из репродуктора доносились (Tom Jones): *This is a man's man's man's world But it wouldn't be nothing, nothing Without a woman...* Океан готовился ко сну, пеликаны сохраняя мудрое достоинство мирно дремали на деревянных сваях, догорал закат, горчило вино, и эхом откликалось чёрная воронка неба – *nothing, nothing, nothing... Without, without, without...* (Е. Светлова. Немного Dali в тёплой воде)

Помимо неакциональных, в описании могут быть использованы акциональные предикаты. Лингвисты замечают, что в случае, когда субъект совершает движение, оставаясь в пределах определённого пространства, данный процесс должен быть рассмотрен как местонахождение: *Дама прогуливается по саду* [9, с. 8]. Подобные пределы описываемого пространства вербализует текст типа «описание», поэтому акциональные предикаты в его составе функционируют с характеризующей описательной функцией: движущийся объект предстаёт как некая точка, характеризующая вещьность описываемого пространства [1, с. 73].

Употребление акциональных предикатов возможно в обеих разновидностях описания,

поскольку действующий предмет может быть составной частью картины природы или присутствовать в помещении.

Серое небо близко, а растрёпанные, как ведьмы, тучи несутся совсем рядом. Куда они мчатся? Не знаю, как старых моряков, но меня шторм поражает своей бессмысленностью. По палубе бегают два пустых ящика. Мелькают за стеклом рубки лица Игоря и Ильвара. Игорь грозит мне кулаком и показывает вниз. Ох! (В. Аксенов. Звёздный билет)

Некоторые в зале отбытия торопятся наговориться впрок. Дети бегают рядом с подставкой для бесплатных газет. За стеклом тёмное небо. Самолёты взлетают при любой погоде. (С. Носов. Фигурные скобки)

В целом, следует указать, что наибольшее разнообразие глагольных предикатов разных ЛСГ включая предикаты со значением восприятия большого открытого пространства, интермодальные и акциональные формы свойственно описанию-пейзажу, располагающему значительным количеством разнообразных объектов, имеющих пространственную структуру. Для описания-интерьера более существенными могут оказаться актанты, способные своим наличием в пространстве помещения характеризовать обстановку без указания на их действия или состояния. Количество глагольных предикатов разных ЛСГ может быть меньшим (по сравнению с описанием-пейзажем) в силу ограниченного набора описываемых объектов (в основном мебель и предметы интерьера).

Результаты исследования способствуют уточнению состава лексической модели описания-пейзажа и описания-интерьера, что важно для разграничения разновидностей описательных текстов, а также в методике преподавания русского языка как иностранного в ходе изучения типов речи.

Список литературы

1. Варфоломеева Ю.Н. Текст типа «описание»: семантика глагольных предикатов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. 136 с.
2. Ибрагимова В.Л. Глаголы пространственной локализации в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург. 1994. 47 с.
3. Коньков В.И., Неупокоева О.В. Функциональные типы речи. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 224 с.
4. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996. 160 с.
5. Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование»: монография / под общ. ред. О.А. Нечаевой. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 380 с.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.

7. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. 261 с.
8. Трофимова А.В. Особенности семантики русских позиционных глаголов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 195-198.
9. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
10. Хамаганова В.М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семантики и онтологии): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 2002. 43 с.

Сведения об авторе:

Варфоломеева Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Сфера интересов: лингвистика текста, семантика глагольных предикатов, текст типа «описание». E-mail: yulvar83@mail.ru.

TYPOLOGICAL DIVERSITY OF VERB PREDICATES IN THEMATIC VARIETIES OF DESCRIPTIVE TEXTS (DESCRIPTION-LANDSCAPE AND DESCRIPTION-INTERIOR)

Yu. N. Varfolomeeva

East Siberia State University of Technology and Management,
40 B Klyuchevskaya ul., Ulan-Ude, 670013, Russia

The Abstract: *The article continues to develop the lexical composition of the text model of “description” type. The main idea of the article is to study the features of the functioning of verb predicates in thematic varieties of description: the description-landscape and the description-interior. Non-active verb predicates of 11 lexical-semantic groups (LSG) with meaning of 1. placement in space, 2. position predicates, 3. with semantic of the form of the object, 4. space borders predicates, 5. coverage of the subject, 6. spatial ratio of objects, 7. filling of space, 8. characteristic of the flat surface of the object, 9. direction in space, 10. location in space, 11. isolation based on light / color characteristics of the object. In addition, the article deals with the specifics of functioning in the description of predicates of intermodal semantics, and active verb predicates with general meaning of existence fall into the field of view. The greatest variety of LSG of verb predicates is in the description-landscape, which has a significant number of various objects with a spatial structure. The actants are more important in the description-interior, because the objects are able to characterize the situation only by their presence, that’s why the description-interior has a smaller variety of LSG of verb predicates in comparison with the description-landscape.*

Key Words: *text of “description”, structural-semantic model, lexical model, description-landscape, description-interior, verb predicate, classification of predicates, lexical-semantic group.*

References

1. Varfolomeeva Yu.N. Tekst tipa «opisanie»: semantika glagol'nykh predikatov [Text of “description”: semantics of verbal predicates.]. Ulan-Ude: ESSTU, 2014. 136 p.
2. Ibragimova V.L. Glagoly prostranstvennoj lokalizatsii v sovremennom rusском jazyke [Verbs of spatial localization in modern Russian]: Abstract of the thesis...of Doctor of Philology. Ekaterinburg. 1994. 47 p.
3. Kon'kov V.I., Neupokoeva O.V. Funktsional'nye tipy rechi [Functional types of speech]. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2011. 224 p.
4. Kravchenko A.V. Jazyk i vosprijatie: Kognitivnye aspekty jazykovoj kategorizatsii [Language and Perception: Cognitive Aspects of Language Categorization]. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk University, 1996. 160 p.
5. Lingvistika teksta: konstatirujushhie teksty tipa «opisanie» i «povestvovanie»: monografija [Linguistics of the text: ascertaining texts such as “description” and “narrative”: monograph] / Under the Society. Ed. O.A. Nechaeva. Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat State University, 2011. 380 p.
6. Minskiy M. Frejmy dlja predstavleniya znaniy [Frames for representation of knowledge]. Moscow: Energy, 179. 152 p.

7. Nechaeva O.A. Funktsional'no-smyslovye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie) [Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning)]. Ulan-Ude: Buryat Publishing house, 1974. 261 p.
8. Trofimova A.V. Osobennosti semantiki russkikh pozitsionnykh glagolov [Peculiarities of semantics of Russian positional verbs] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2015. No 2 (44): Part II. P. 195-198.
9. Teorija funktsional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Possesivnost'. Obuslovlennost' [The theory of functional grammar. Locative. Beingness. Possessive. Conditionality]. St. Petersburg: Nauka, 1996. 229 p.
10. Khamaganova V.M. Strukturno-semanticheskaja i leksicheskaja model' teksta tipa «opisanie» (problemy semantiki i ontologii) [Structural-semantic and lexical model of the text of the “description” (problems of semantics and ontology)]: Abstract of the thesis...of Doctor of Philology. Moscow, 2002. 43 p.

About the author:

Yulia Nikolaevna Varfolomeeva – PhD in Philology, Assistant professor of Media communications, Chair of East Siberia state university of technology and management. Spheres of interest: linguistics of the text, semantics of verb predicates, text of “description”. E-mail: yulvar83@mail.ru.

* * *

АССОЦИАТИВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ КЛАССЫ

А.М. Галиева, Р.Р. Замалетдинов

Академия наук Республики Татарстан, 420111, Казань, ул. Баумана, 20
Казанский федеральный университет, 420021, Казань, ул. Татарстан, 2

Ассоциативная множественность – коммуникативный и грамматический механизм для обозначения открытых классов, включающих эксплицитно выражаемого прототипического (фокусного) представителя и подразумеваемых, но не называемых членов. Референты ассоциативной множественности образуют множество, состоящее из членов, имеющих концептуальную или смежную общность. Неэксплицированные референты «прочитываются» из контекста с разной степенью обобщения и идентифицируются с опорой на фонд знаний о мире, имеющийся у коммуникантов.

Феномен ассоциативной множественности хорошо представлен в типологических исследованиях, тем не менее он недостаточно хорошо исследован на материале конкретных языков. Обычно в литературе отмечается, что ассоциативная множественность функционирует на двух типах языковых единиц: личных именах и терминах родства.

В татарском языке прототипические проявления данного феномена хорошо вписываются в предложенную типологами канву, однако эмпирические данные, в том числе и корпусные, свидетельствуют о том, что ассоциативная множественность не ограничивается названными выше классами и проявляется на значительно более широком лексическом материале; в статье особое внимание уделяется топонимам и соматизмам.

В статье также особо акцентируется значимость коммуникативных факторов при употреблении словоформ с ассоциативной множественностью. Важным ограничением для таких форм являются условия коммуникации – неофициальная устная речь при сопоставимом статусе и личном знакомстве коммуникантов, наличие общего фонда знаний, который позволяет правильно декодировать неэксплицитно выраженных референтов.

Мы приходим к выводу о том, что разные формы множественного числа в татарском языке не имеют чётких границ, и во многих случаях контекст не позволяет однозначно заключить, какая это множественность – аддитивная, ассоциативная или экспрессивная. В исследовании семантический и контекстуальный анализ дополнен методологией корпусных исследований с представлением количественных данных.

Ключевые слова: ассоциативная множественность, аддитивная множественность, татарский язык, термины родства, личные имена, топонимы, соматизмы.

В настоящее время наблюдается всплеск исследований частных языков, во многом мотивированный достижениями современной типологии. Ассоциативная множественность присуща многим языкам мира и может иметь различные маркеры для своего

выражения. В типологической перспективе явление ассоциативной множественности изучено достаточно хорошо [3, 8, 9], но ряд обобщений, сделанных типологами, требует верификации и более детального исследования на данных конкретных языков.

Тюркские языки, в том числе и татарский язык, относятся к языкам, в которых ассоциативная множественность выражается не при помощи специального маркера, а показателем стандартной аддитивной множественности [5, 7]; таким образом, в тюркских языках ассоциативная множественность представляет собой особый случай множественного числа, когда часть референтов получает неэксплицитное выражение. Например, когда *X* является личным именем, форма *X-PL* может быть интерпретирована как ‘*X* и люди, с ним <каким-то образом> ассоциируемые’, при этом неэксплицитные референты не являются *X*.

Подробный обзор терминологии, применявшейся для анализа феномена ассоциативности, дан в диссертации М.А. Даниэля [3]. Отметим лишь, что в российском востоковедении часто используется термин «репрезентативная множественность» в, например, [2, 4]; в настоящее время лингвисты предпочитают термин “ассоциативная множественность”, который используется в электронном Атласе языковых структур мира [9].

В диссертации М.А. Даниэля [3] предлагается дифференцировать понятия «репрезентативная множественность» и «ассоциативная множественность»: первый термин предлагается использовать «для любого обозначения множества объектов, при котором называется только один из них», а второй – «для такого варианта репрезентативной множественности, при котором названный и неназванные объекты, обозначаемые формой репрезентативной множественности, образуют более или менее тесную совокупность» [3, с. 9]. В этом случае ассоциативная множественность предстаёт как частный случай репрезентативной множественности. Как показывает наш материал, достаточно часто эти две разновидности трудно ограничивать, поэтому в данной работе мы будем использовать лишь термин «ассоциативная множественность».

Ассоциативная множественность в татарском языке – явление коммуникативного плана, которое относительно нечасто фиксируется в письменных текстах, что приводит к тому, что явление плохо представлено в корпусах (и в большинстве случаев с трудом поддается однозначной интерпретации на корпусных данных), поэтому основная масса примеров, приведённых в данной статье, – наблюдения за живой разговорной речью. Представлены также отдельные примеры из корпусов татарского языка, подтверждающие наблюдения и выводы авторов.

1. Ассоциативная множественность при обозначении лиц

В татарском языке в качестве лексической базы для ассоциативной множественности часто используется два лексических класса существительных – термины родства и личные имена. Рассмотрим их более детально.

1.1. Термины родства

В качестве лексической составляющей референции при ассоциативной множественности, видимо, могут быть использованы любые слова, называющее родственников (по родству или свойству): *эниләр* (мама–PL), *этиләр* (папа–PL), *эбиләр* (бабушка–PL), *абайлар* (дедушка–PL), *апалар* (сестра/тетя–PL), *жизниләр* (зять/муж старшей родственницы–PL), *жиңгиләр* (жена старшего брата/родственника –PL) и т.п. В контекстах с номинациями лиц неэксплицитная составляющая референции обычно обозначает неназванную вторую половину семейной пары и, факультативно, их детей.

То есть фраза (1) может иметь два варианта интерпретации – с детьми и без детей:

(1) **Апалар** килде.

сестра/тетя–PL прийти–PST_DF

1. Приехали сестра/тетя и её муж.

2. Приехали сестра/тетя, её муж и их дети.

Возникает вопрос – обозначение кого из родственников (семейная пара и, возможно, их дети) будет выражаться эксплицитно, а кого имплицитно? Ответ на данный вопрос обусловлен прагматикой: чаще всего эксплицитно обозначается кровный родственник, то есть говорящий будет скорее называть свою дочь, нежели её мужа; свою сестру, нежели её мужа и т.д. То есть выбор «коммуникативной доминанты сообщения» [3, с. 23] будет определяться близостью говорящих. Но фразы, где используется название родственника по свойству (как, например, (2)) вполне допустимы и определяются общей канвой коммуникации:

(2) Кичэ **кияүләр** кайтты.

Вчера зять–PL вернуться–PST_DF

Вчера приехал зять и люди, с ним ассоциируемые.

Пример (2) предполагает описание ситуации, где зять более значим, чем дочь (например, родственники прибыли для участия в сенокосе, строительстве и т.п.), или ситуации, когда дочь не придет. Неэксплицитная составляющая референции при ассоциативной близости не замыкается только на членах одной семьи, в прин-

ципе это может быть любой человек/люди при условии, что у адресата речи достаточно фоновых знаний, чтобы правильно декодировать сообщение говорящего (для примера (2) это может быть случай, когда адресат знает, что зять часто приезжает в деревню к родителям супруги на рыбалку с другом).

Как уже отмечалось, в татарском языке для обозначения ассоциативной множественности используется стандартный маркер аддитивной множественности – аффикс -лар/ -ләр. Поэтому письменные примеры, приведённые выше, могут быть интерпретированы и в аддитивном ключе. Тем не менее, ассоциативная множественность при обозначении лиц имеет свою специфику – акцентуацию: если при аддитивной множественности ударение переносится на аффикс (*бaбайлар* ‘деды, дедушки’), то при ассоциативной множественности ударение сохраняется на основе (*бабAйлар* ‘дедушка и бабушка’). Данное замечание относится лишь к словоформам, не имеющим аффикс принадлежности.

1.2. Личные имена

Второй характерный случай использования ассоциативной множественности связан с личными именами (3):

(3) **Гөлнаралар** Сочига баралар.

Гульнара–PL Сочи–DIR ехать–PRES, PL

Гульнара и её близкие едут в Сочи.

Нет никаких языковых причин для выбора того, чьё имя использовать в качестве лексической составляющей референции, выбор этого осуществляется говорящим и определяется фондом знаний о внешнем мире коммуникантов, ситуацией общения. Так, скорее всего мужчина обозначит мужчину – своего друга или приятеля, женщина – другую женщину, ребёнок обозначит другого ребенка – своего ровесника (даже если этот второй ребёнок является младшим в семье). При этом в качестве не выраженных эксплицитно референтов окажутся супруга, супруг, родители детей и т.п. соответственно. В качестве эксплицитного референта говорящий обычно выбирает того, кто ближе ему по статусу, возрасту, интересам и т.п.

Употребление формы ассоциативной множественности в контексте коммуникации связано с эксплицированием более важного референта в ущерб менее важному (не вообще, а только в контексте данного сообщения). Как отмечает М.А. Даниэль, референциальная неоднородность формы репрезентативной множественности от-

ражает коммуникативно релевантную неоднородность обозначаемой совокупности; при этом эксплицированный референт соответствует коммуникативной доминанте совокупности [3, с. 23].

Референция при личных именах чаще всего предполагает отсылку к членам одной семьи, но это вовсе не обязательно, могут иметься в виду самые разные связи между людьми, известные обоим собеседникам: близкие друзья (подруги), юноша с девушкой, сослуживцы, одноклассники и т.п. – любые совокупности, которые в сознании говорящих могут быть идентифицированы по одному, прототипическому с точки зрения говорящего, представителю, который репрезентирует всю совокупность.

Так, в корпусной коллекции [6] можно найти атрибутивные словосочетания типа:

(4) **Гөлжиһаннар** классы

Гульджихан–PL класс–POSS_3

Класс, где учится Гульджихан и другие ученики.

(5) **Тукайлар** буыны

Тукай–PL поколение–POSS_3

Поколение, к которому относится Тукай и его современники.

Обычно лексический референт не имеет предшествующих характеризующих определений, скорее определения являются идентифицирующими (например, (6) при наличии нескольких Закиров, известных коммуникантам):

(6) **Күрше Закирлар**

Сосед Закир–PL

Сосед Закир и его семья.

Ассоциативная множественность предполагает примерно одинаковый или хотя бы сопоставимый статус эксплицитного и неэксплицитного референтов, образующих класс, а также сопоставимый статус говорящего и эксплицитного референта – обычно личное и довольно близкое знакомство. Поэтому фразы типа (7) воспринимаются как неприемлемые:

(7) ***Петрлар** Петербургни салган.

Петр–PL Петербург–ACC строить–PST_INDF

Пётр и его люди построили Петербург.

То, что говорящий должен называть эксплицированного референта по имени, свидетельствует о том, что ассоциативная множественность используется только по отношению к лицам, с которыми у коммуникантов (говорящего и адресата) имеется близкое знакомство.

Форма с личными именами и терминами родства в речи часто совмещается и используются конструкции типа:

(15) *Уртак Ватан очен Парижларны* (Париж–PL, ACC), *Берлиннарны* (Берлин–PL, ACC) *алмадылармы?* (Р.Файзуллин). Разве для Отечества, общего для всех, не взяли Париж <и другие подобные города>, Берлин <и другие подобные города>?

Способ референции, выбранный говорящим в (15) позволяет ему в пределах контекста обозначать, а адресату адекватно декодировать класс, включающий иностранные города, взятые или освобождённые российскими войсками.

(16) *Мин илһамны инде Парижлардан* (Париж–PL, ABL), *Йолдызлардан да бик эзләмим* (Р. Миннуллин). Я не ищу уже вдохновения в Париже <и подобных городах>, в звёздах.

Аналогично редуцированный способ референции с опорой на существительное *Париж* и аффикс множественного числа в (16) позволяет в пределах контекста обозначать класс, включающий места, способные дать поэтическое вдохновение.

Подобные контексты легко извлекаются из корпусов татарского языка, но приходится вручную просматривать все примеры, которые выдаёт поисковая система корпус-менеджера, так как нужно исключить 3 осложняющих фактора:

- 1) омонимию имён нарицательных и собственных (например, *Казан* 1) котел, 2) Казань);
- 2) омонимию, встречающуюся в разговорной речи, обусловленную переносом топонима на людей, живущих в названном месте (например, *Маскәүләр* 1) Москва–PL, 2) москвичи);
- 3) экспрессивную множественность (об этом ниже).

В таблице 1 представлены количественные данные о частотности форм ассоциативной множественности некоторых топонимов – названий городов и государств – в Татарском национальном корпусе [6]. В колонке 3 указано не общее количество примеров в форме множественного числа, а только количество примеров, которые могут быть интерпретированы как примеры ас-

социативной множественности (примеры рассмотрены в ручную).

Как показывают данные таблицы, контекстов с топонимами в форме ассоциативной множественности относительно немного, что, впрочем, легко объясняется тем, что корпус фиксирует письменные тексты, а для них подобные средства нехарактерны.

2.2 Референты – части тела

Рассмотрим далее примеры со словами, называющими части тела, имеющимися у каждого человека в единичном экземпляре – такими, как нос, рот, голова, шея, сердце и т.п. Для того, чтобы отсеять формы аддитивной множественности, рассмотрим только формы типа N+PL+POSS_1SG, которых не должны быть логически, поскольку у человека названных частей тела не бывает несколько. Тем не менее, соответствующие запросы к корпусу показывают, что подобные словоформы достаточно частотны даже в письменных текстах (см. Таблицу 2). Именно эти формы могут стать кандидатами на ассоциативную множественность.

Возникает вопрос: на что в этом случае указывает аффикс множественного числа, поскольку он в примерах подобного типа не может указывать на простую аддитивность и нужны другие интерпретации. Мы считаем, что в подобных случаях осуществляется референция к классу, формируемому по смежности (примеры 17–19):

(17) *Өшеп бетте авызларым, Туңып бетте бармагым* (Г. Гильманов).

Замерзнуть–CONV кончать–PST_DF рот–PL, POSS_1SG замерзнуть–CONV кончать–PST_DF палец–POSS_1

У меня замёрз рот <и прилегающие части тела>, замёрзли пальцы.

(18) *Минем авызларым турсайды* (К. Миннебаев).

Я–POSS_1 рот–PL, POSS_1SG надуться–PST_DF

Я надул губы.

Таблица 1. Частотность форм ассоциативной множественности по корпусным данным

Имя собственное	Общее количество в корпусе (по лемме)	Количество форм ассоциативной множественности
Париж	3 182	31
Лондон	2 938	4
Петербург	12 256	2
Берлин	4 090	3
Франция	6 270	-
Америка	15 981	3
Англия	2 114	2

Таблица 2. Количество форм существительных – соматизмов, с аффиксами множественного числа и принадлежности 1-му лицу единственного числа (корпусные данные)

Лемма	Перевод	Количество в корпусе форм		
		N+ POSS_1	N+PL+POSS_1	N+PL+POSS_1 + другие аффиксы
баш	голова	2 882	35	67
муен	шея	25	1	3
арка	спина	61	4	8
борын	нос	40	1	3
танау	нос	6	1	1
йөрәк	сердце	6 829	28	35
авыз	рот	96	2	4

Можно предполагать, что словоформа авызларым обозначает рот и прилегающие части лица.

(19) *Аларны кирәксенмәгәндәй итенеп, борыннарарымны жыраам* (Р. Рахман).

Они–ACC не считая нужным–SIM делать–REFL, CONV нос–PL, POSS_1SG, ACC морщить–PRES, 1SG

Показывая пренебрежение к ним, сморщил нос.

Здесь нужна существенная оговорка: во многих случаях примеры с соматизмами могут быть интерпретированы одновременно как *экспрессивная множественность* [1, с. 42], когда аффикс -лар/ -ләр выражает интенсивность, особое эмоциональное отношение и т.п. См. примеры (20–21):

(20) *Башиларым әйләнен китте* (А. Хасанов).

Голова–PL, POSS_1SG кружиться–CONV пойти–PST_DF

У меня закружилась голова.

(21) *Йөрәкләрем бәтенләй сикерә* (Г. Камал).

Сердце–PL, POSS_1SG совсем прыгать–PRES

Сердце совсем скачет.

Многие примеры, в том числе и примеры, приведённые выше, не могут быть интерпретированы однозначно как тот или иной тип множественности.

Так, возвращаясь к примеру (18), можно строить различные предположения:

1) случай стандартной аддитивной множественности, если слово авыз ‘рот’ метонимически интерпретировать как ‘губы’;

2) случай ассоциативной множественности, когда *авыз*–PL может быть интерпретировано как ‘рот и прилегающая часть лица’;

3) случай экспрессивной множественности, когда логически невозможная словоформа ‘*рот*’

+ PL + POSS_1SG выражает особое эмоциональное отношение говорящего.

Кроме того, можно отметить, что все татарские ассоциативные формы не являются стилистически нейтральными, обладая особой экспрессивностью, они могут быть использованы только при неофициальном общении при условии личного знакомства коммуникантов, это феномен разговорной речи (или при имитации неофициальности общения в художественных или публицистических текстах). Таким образом, разные формы множественного числа образуют континуум, допуская одновременно различные интерпретации. Можно даже говорить о том, что в татарском языке ассоциативная множественность не бывает стилистически нейтральной, и экспрессивность у ассоциативных форм проявляется самым разным образом.

Заключение

В татарском языке для обозначения ассоциативной множественности используется стандартный маркер аддитивной множественности – аффикс -лар/ ләр. Использование периферийных форм множественного числа приводит к тому, что для татарского языка значительно ограничиваются классы слов, от которых невозможно образовать формы множественного числа.

Ассоциативная множественность – коммуникативный феномен для обозначения открытых классов, включающих эксплицитно представленного прототипического (фокусного) представителя и подразумеваемых, но не называемых представителей, при этом предполагается, что фоновых знаний адресата достаточно для адекватной референции. Референты ассоциативной множественности образуют множество, состоящее из членов, имеющих концептуальную или смежную общность. Неэксплицитированные референты «прочитываются» из контекста с

разной степенью обобщения и опираются на фонд знаний говорящих о мире, имеющийся у коммуникантов.

Важным ограничением для образования ассоциативной множественности являются условия коммуникации – неофициальная устная речь при сопоставимом статусе и личном знакомстве коммуникантов, наличие общего фонда знаний, который позволяет правильно декодировать неэксплицитно выраженных референтов.

Феномен ассоциативной множественности в татарском языке проявляется на уровне различных лексических классов. Ассоциативная интерпретация зачастую не исключает

другие типы интерпретации множественного числа.

Семантические ограничения на образование форм со значением ассоциативной множественности требуют дополнительного изучения.

Использованные сокращения

ABL – аблатив, ACC – аккузатив, CONV – конверб, DIR – директив, INF – инфинитив, IMP – императив, N – существительное, PL – множественное число, POSS – притяжательность, PRES – настоящее время, PST_DF – прошедшее категорическое, PST_IND – прошедшее некатегорическое, SG – единственное число.

Список литературы

1. Галиева А.М., Невзорова О.А. Лингвистическая сложность категории числа в татарском языке: постановка проблемы // Филология и культура. 2016, № 2 (44). С. 38–45.
2. Герасимова Е.С. Категория множественности в функциональных стилях якутского языка. Автореф. дисс... канд. фил. наук. Якутск, 2012. 24 с.
3. Даниэль М.А. Типология ассоциативной множественности. Дисс. канд. фил. наук. М., 2000. 195 с.
4. Минлос Ф.Р. Неточная редупликация как средство выражения значения репрезентативной множественности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/minlos/> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).
5. Татарская грамматика. В 3-х томах. Том II. Морфология. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. 397 с.
6. Татарский национальный корпус “Туган тел” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tugantel.tatar/> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).
7. Жамалетдинов Р.Р. Татар һәм рус телләренең чагыштырма грамматикасы: Дәрәслек-кулланма. Казан: Казан университеты нәшрияты, 2004. 144 б.
8. Moravcsik, Edith A. A Semantic Analysis of Associative Plurals. *Studies in Language*, 2003. № 27. С. 469–503.
9. Michael Daniel, Edith Moravcsik. 2013. The Associative Plural. // Dryer, Matthew S., Haspelmath, Martin (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wals.info/chapter/36> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).

Сведения об авторах:

Галиева Альфия Макаримовна – кандидат философских наук, Академия наук Республики Татарстан.
E-mail: amgalieva@gmail.com.

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет. E-mail: director.ifmk@gmail.com.

ASSOCIATIVE PLURAL IN TATAR: COMMUNICATION FACTORS AND LEXICAL CLASSES

A. M. Galieva, R.R. Zamaletdinov

Tatarstan Academy of Sciences, 420111, 20 Bauman str., Kazan, Russia
Kazan Federal University, 420021, 2 Tatarstan str., Kazan, Russia

The Abstract: *Associative Plural is the communicative and grammatical mechanism to designate open classes of objects naming explicitly given prototypical (focal) representative and not named but alluded members. Referents of the Associative Plural form a set of members having conceptually or adjacently*

common features. Inexplicit referents are decoded by means of context or situation of communication and rely upon the knowledge about the external world of the speaker and the hearer.

Phenomenon of the Associative Plural is well described from the typological perspective; nevertheless it remains insufficiently studied on the data of particular languages. Researchers say that Associative Plural is observed on material of two basic lexical classes – personal names and terms of kinship. In Tatar prototypical manifestations of the Associative Plural are well fit in the canvas proposed by the typologists, nevertheless empirical data, including corpus evidences, show that the phenomenon is not limited by the mentioned lexical classes and it may be found in a much broader lexical material.

We pay special attention to the factors of communication – unofficial oral speech, comparable social status of the communicants, and shared knowledge of the external words, which enables to adequately decode inexplicit referents.

We consider different lexical classes that allow the forms of the Associative Plural, and pay special attention to toponyms and names of body parts. We conclude also that different forms of Plural in Tatar have no clear boundaries and often the context does not allow to make an unambiguous conclusion what type of the Plural is used – the additive, the associative or the expressive one.

This study is based on semantic and contextual analysis of lexical items supplied with some information on statistical distribution of related phenomena in Tatar corpus.

Key Words: *Associative Plural, Additive Plural, the Tatar language, terms of kinship, personal names, toponyms, part of body terms.*

References

- Galieva A.M., Nevzorova O.A. Lingvisticheskaja slozhnost' kategorii chisla v tatarskom jazyke: postanovka problem [Linguistic Complexity of Plural in Tatar]. *Filologija i kul'tura* [Philology and culture], 2016, no. 2 (44). p. 38–45.
- Gerasimova E.S. Kategorija mnozhestvennosti v funkcional'nykh stiljakh jakutskogo jazyka: Avtoreferat. *Kand. filol. nauk.* [The category of Plural in functional styles of the Yakut language: Authors abstract. *Cand. Diss., Philology*]. Jakutsk, 2012. 24 p.
- Daniel' M. A. (2000) Tipologija assotsiativnoi mnozhestvennosti. *Kand. filol. nauk.* [Typology of the associative plural. *Cand. Diss., Philology*] Moscow. 2000. 195 p.
- Minlos F. R. Netochnaja reduplikatsija kak sredstvo vyrazhenija znachenija reprezentativnoj mnozhestvennosti [Inexact reduplication expressing representative plural]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/minlos/> (accessed 5 February 2018).
- Tatarskaja grammatika. V 3-kh tomakh. Tom II. Morfologija. [Tatar Grammar. In 3 volumes. V. 2]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 397 p.
- “Tugan Tel” Tatar National Corpus”. Available at: <http://tugantel.tatar/> (accessed 5 February 2018).
- Zamaletdinov R.R. Tatar häm rus tellärenen çagıştırma grammatikası: Däreslek-kullanma [The Tatar and Russian comparative Grammar. Handbook]. Kazan: Kazan universiteti näşriyatı, 2004. 144 p.
- Moravcsik, Edith A. A Semantic Analysis of Associative Plurals. *Studies in Language*. 2003. No 27. p. 469–503.
- Michael Daniel, Edith Moravcsik. The Associative Plural. // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.): *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/36> (accessed 5 February 2018).

About the authors:

Galieva Alfiya Makarimovna – Ph.D. in Philosophy, Tatarstan Academy of Sciences. E-mail: amgalieva@gmail.com.

Zamaletdinov Radif Rifkatovich – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University.

E-mail: director.ifmk@gmail.com.

* * *

DEUTSCHE LEHNBEDEUTUNGEN IM TSCHECHISCHEN AM BEISPIEL DER SUBSTANTIVE

М.А. Елизарьева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Der vorliegende Artikel behandelt deutsche Lehnbedeutungen im Tschechischen als eine Manifestation des deutsch-tschechischen Sprachkontakts. Der letztere steht seit langem im Mittelpunkt der Kontaktlinguistik. Manifestationen dieses Sprachkontakts etwa deutsche phonetische und prosodische, morphologische und syntaktische Einflüsse sowie deutsche Lehnwörter und Lehnübersetzungen im Tschechischen sind schon weitgehend erforscht. Eines der Ergebnisse dieses Sprachkontakts ist immerhin bislang außer dem Blickfeld der Sprachwissenschaft geblieben, und zwar deutsche Lehnbedeutungen im Tschechischen. Im vorliegenden Artikel wird Semantik der tschechischen Substantive analysiert, deren Polysemie allem Anschein nach auf dem deutschen Einfluss zurückgehen vermag. Der Vergleich mit anderen slawischen Sprachen machte es deutlich, dass nicht nur das Tschechische dem deutschen Einfluss im Bereich der Semantik ausgesetzt worden war, sondern auch Slowakisch, Polnisch, Slowenisch, Kroatisch, Serbisch und Ukrainisch, was bei Erforschung der Lehnbedeutungen ebenfalls in Betracht gezogen werden soll. Russisch und Bulgarisch weisen weniger semantische Ähnlichkeiten mit dem Deutschen und anderen slawischen Sprachen auf.

Ключевые слова (Schlüsselwörter): Sprachkontakt, Kontaktlinguistik, Lehnbedeutungen, Deutsch, Tschechisch, Polysemie, Semantik, slawische Sprachen.

Der deutsch-tschechische Sprachkontakt steht seit Langem im Mittelpunkt der deutschen und der tschechischen Kontaktlinguistik. Seine Manifestationen in deutschen phonetischen und prosodischen [20, 21], morphologischen und syntaktischen Einflüssen [1] sowie deutschen Lehnwörtern [12, 13] und Lehnübersetzungen [14, 15] im Tschechischen sind schon weitgehend erforscht. Beachtung fand auch der Einfluss des Tschechischen auf das Deutsche der Donaumonarchie [3].

Eine Art von deutschem Lehngut im Tschechischen ist allerdings gewissermaßen außerhalb des Blickfeldes der Sprachwissenschaft geblieben – und zwar Lehnbedeutungen. Einige von ihnen sind in etymologischen Wörterbüchern belegt, z. B. tsch. *čočka* entwickelte nach dem deutschen Vorbild von *Linse* neben der Bedeutung ‘Gemüsepflanze’ auch die Bedeutung ‘kugelig gekrümmter Körper aus durchsichtigem Material, der eine optische Abbildung vermittelt’ [25, c. 482]. Das Gleiche gilt für das

tsch. *smůla* (ursprünglich *smola*): nach dem Vorbild von dt. *Pech* erhielt dieses Substantiv die übertragene Bedeutung ‘Unglück’ [16, c. 119].

Etlliche Lehnbedeutungen werden von Norbert Reiter angeführt [15], wohlgermerkt als Lehnübersetzungen und nicht als Lehnbedeutungen, z. B. tsch. *cena* von dt. *Preis* (neben der Hauptbedeutung ‘Geldwert einer Ware’ wurde die Bedeutung ‘Auszeichnung in Form eines Geldbetrags’ entlehnt) oder tsch. *kohoutek* von dt. (*Wasser-)**Hahn* (neben der Hauptbedeutung ‘männliches Haushuhn’ entwickelte sich die Bedeutung ‘Vorrichtung zum Öffnen und Schließen von Rohrleitungen’ sowie ‘Abzug einer Waffe’). In diesem Zusammenhang erkennt man den Bedarf, diese Art von Kontakterscheinung genauer zu erörtern. Folglich setzt sich der vorliegende Artikel zum Ziel, anhand polysemer Substantive im Tschechischen zu veranschaulichen, dass sich der deutsche Einfluss auf das Tschechische ebenfalls auf der semantischen Ebene spüren lässt. Zunächst ist es

jedoch nötig, eine terminologische Trennlinie zwischen Lehnbedeutungen und Lehnübersetzungen zu ziehen. Laut Betz entsteht eine Lehnübersetzung dann, wenn „ein Wort [...] nach dem Vorbild eines fremdsprachlichen Wortes neu gebildet wird, indem es dieses Vorbild genau mit eigensprachlichem Stoff nachbildet“ [2, c.27]. Im Unterschied dazu kann man von einer Lehnbedeutung dann sprechen, wenn ein eigensprachliches Wort nach fremdem Vorbild eine zusätzliche Bedeutung annimmt [10, c. 40]. Martins betont, der Hauptunterschied zwischen Lehnübersetzungen und Lehnbedeutungen bestehe darin, dass «Bei der Lehnbedeutung kommt nur ein neues Moment hinzu, nämlich ein neuer Inhalt. Es bedarf jedoch eines Kontextes, um diesen aufzufassen und den alten Inhalt nicht störend wirken zu lassen. Die Lehnübersetzung bringt zwei neue Momente mit sich: ein neuer Inhalt muss durch die neue zusammengesetzten Formelemente die erzielte Assoziation erwecken können» [11, c. 55].

Dieser wesentliche Unterschied wurde von Reiter nicht berücksichtigt, deshalb wurden Fälle wie tsch. *cena* und *kohoutek* irrtümlicherweise den Lehnübersetzungen zugeordnet. Ferner möchte ich auf einige tschechische Substantive eingehen, deren Polysemie höchstwahrscheinlich auf einen deutschen Einfluss zurückzuführen ist.

Das tschechische Substantiv *pero* (*péro*) entspricht dem dt. Feder nicht nur in den Hauptbedeutungen 'auf dem Körper eines Vogels wachsendes Gebilde' und 'Schreibwerkzeug', sondern auch in der Bedeutung 'elastisches, spiralisches oder blattförmiges [Metall]teil'. Laut dem DWDS «dürfte die Elastizität der Vogelfeder als Anregung für die Übertragung der Bezeichnung auf die elastischen Vorrichtungen im technischen Bereich gedient haben (17 Jh.)» [4], was sich auch im Verb *federn* 'sich elastisch hin und her bewegen' widerspiegelt, welches im Tschechischen ebenso in *pérovat* seine Entsprechung findet [15]. Wendet man sich anderen slawischen Sprachen zu, gewinnt man folgendes Bild: außer dem Slowakischen, das mit dem Tschechischen eng verwandt ist, wird die Bedeutung 'elastisches, spiralisches oder blattförmiges [Metall]teil' nicht mit *pero*, *nepo* oder *pióro*, sondern mit anderen Lautkörpern ausgedrückt: slk. *pero* (neben *pružina*), rus., ukr., bel., bul. *пружина*, pol. *sprężyna*, *resor*, hrv., srp. *opruga*. Im Französischen wird diese Bedeutung auch nicht als *plume*, sondern als *ressort* bezeichnet. Im Englischen ist das Substantiv *feather* monosem. Folglich handelt es sich im Falle von tsch. und slk. *pero* (*péro*) um eine Lehnbedeutung aus dem Deutschen.

Das nächste Beispiel stammt ebenso aus dem semantischen Feld „Vogel“. Es handelt sich um das tsch. *křídlo*, dt. *Flügel*. Diese zwei Substantive haben eine Menge von gemeinsamen Bedeutungen, die relativ international sind: Flügel bei Vögeln, Insekten, Flügel eines Flugzeugs, Gebäudes, eines Altars, einer Mühle, einer Tür, einer Partei, einer Mannschaft. Immerhin ist eine Bedeutung auffallend: eine Klavierart. Der Duden [24] erklärt diese übertragene Bedeutung durch die Ähnlichkeit mit der Form eines Vogelflügels bedingt. Dieses Musikinstrument wird nur im Deutschen, Tschechischen und Slowakischen als *Flügel*, *křídlo*, *křídlo* bezeichnet, vgl. bul. *роял*, pol. *fortepian*, rus. *концертный рояль*, slk. *koncertni klavir*, ukr. *рояль*, eng. *grand piano*, fra. *piano*. Hier hat man es daher wieder mit einer Lehnbedeutung zu tun [15]. Bemerkenswert ist hier auch die Tatsache, dass die anderen Bedeutungen von dt. *Flügel* und tsch. *křídlo* meistens Duplizität implizieren (Vögel, Engel, Flugzeuge, Altare sowie Türen haben zwei Flügel, wenn es in einer Partei einen linken Flügel gibt, gibt es auch einen rechten), während es bei dem Klavier nur um formale Ähnlichkeit geht.

Sieht man sich in der Tier- und Pflanzenwelt um, entdeckt man im Tschechischen weitere Beispiele von deutschen Lehnbedeutungen. Ein interessantes Beispiel dafür wären tsch. *žába*, *žabka*, slk. *žaba* und dt. *Kröte*. In allen Fällen dienen die Begriffe als umgangssprachliche scherzhafte Bezeichnung für ein kleines Mädchen. In anderen slawischen Sprachen kommt diese Bedeutung bei Kognaten von *žába*, ebenfalls als umgangssprachliche übertragene Bezeichnungen für Kinder, z. B. im Serbischen und Kroatischen, vor. Im Slowenischen gibt es die deutsche Entlehnung *krota*, die nicht nur die Hauptbedeutung 'froschähnliches Tier' hat, sondern auch die übertragene expressive Bezeichnung für ein Kind (*ti krota mala*) sowie für einen kleineren, minderwertigen Menschen (*s to kroto ne želim imeti opravka*) [17]. Das DWDS verbindet die übertragene Bedeutung von *Kröte* für (weibliches) Kind mit der «Vorstellung des Kleinen, Geringen, Unbedeutenden, auf der Erde Laufenden» [5], die auch in der Semantik von slk. *krota* verankert ist [17]. Demzufolge geht es im Falle des Tschechischen und Slowakischen dann wohl um eine Lehnbedeutung.

Eine weitere tschechische Tiermetapher, die eine deutsche Herkunft haben könnte, ist *kočičí hlavy* (vgl. dt. *Katzenköpfe*, *Katzenkopfpflaster*). Der deutsche Begriff bezeichnet ein 'grobes Pflaster aus rundlich gehauenen Natursteinen'. Trávníček führt den Begriff *kočičí hlava* auch mit der Bedeutung 'vypouklý dláždící kámen' an [22, c. 682]. Im gleichnah-

migen tschechischen Wikipedia-Artikel wird darauf hingewiesen, dass diese übertragene Bedeutung auf der unregelmäßigen Form der Pflastersteine basiert, die Katzenköpfen ähnelt. Immerhin wird hier die Herkunft des Begriffs für unklar erklärt, obwohl es auf einen deutschen Einfluss zurückgeführt werden könnte [23]. In anderen Sprachen der ehemaligen Habsburger Monarchie finden sich auch ähnliche Bildungen wie z. B. pol. *kocie łby* (wortwörtlich 'Katzenstirne') sowie *hun. macskakő* (wortwörtlich 'Katze-Stein'), die ebenfalls von deutschem Einfluss zeugen könnten.

Auffallend ist ferner das Substantiv tsch. *kmen*, das in mehreren Bedeutungen mit dem dt. *Stamm* übereinstimmt: Baumstamm (*kmen dřeva*); größere Gruppe von Menschen, die auf gemeinsamer Herkunft, Sprache und Kultur beruht (dt. *germanische Stämme*, tsch. *germánské kmeny*); eine Kategorie im System der Lebewesen (dt. *Stamm von Gliederfüßern*, tsch. *kmen členovců*); kleine Einheit von Mikroorganismen (dt. *Bakterienstamm*, tsch. *bakteriální kmen*); zusammengehörender Bestand von bestimmten Tieren (dt. *Stamm von Bienen*, tsch. *kmen včel*); zentraler Teil eines Wortes (dt. *Wortstamm*, tsch. *slovní kmen*); Gruppe von Personen als fester Bestand von etwas (dt. *Stamm von Kunden*, tsch. *kmen návštěvníku*).

In anderen slawischen Sprachen ist eine entsprechende Palette von Bedeutungen unter einem Sprachzeichen mit der Hauptbedeutung „Baumstamm“ kaum zu finden, selbst im (westslawischen) Polnischen, vgl.: *pień, plemię, szczep, szczep pszczoł, rdzeń, stała klientela*. Im Russischen genauso: *ствол, племя, род, тип, штамм* (deutsches Lehnwort), *рой пчел, корень слова, постоянные клиенты*. Ein englischer Einfluss ist hier auch ausgeschlossen: *trunk, tribe, phylum, strain, strain, stem, regulars, regular customers*.

Es lässt sich annehmen, dass die Polysemie des Substantivs *kmen* einem deutschen Einfluss geschuldet ist. Darüber hinaus kann man vermuten, dass es hier nicht nur um Bedeutungsentlehnung schlechthin geht, sondern auch um Entlehnung der semantischen Invariante vom dt. *Stamm*, die visuell auf der Baumstammmetapher basiert und eine Vorstellung von etwas Grundlegendem, Stabilem hervorruft. Das DWDS bringt diese Invariante zum Ausdruck: «Die übertragene Bedeutung 'Teil eines Volkes, Volksstamm, Geschlecht, Familie' (vgl. oben ahd. *liutstam*) folgt dem Bild des sich nach allen Seiten ausbreitenden Baumes, dessen Äste aus einem gemeinsamen Stamm wachsen. Von einer ähnlichen Vorstellung ausgehend (in der Sprachwissenschaft)

'einer Ableitung, einer Wortfamilie zugrundeliegendes Wort' (17. Jh.), dann 'bedeutungstragender Teil eines Wortes' ohne wort- und formbildende Elemente, (in der Wirtschaft) 'Grundstock, Kapital' im Unterschied zu den Zinsen (18. Jh.), 'fester Bestand an Personen, Mitarbeitern, Kunden, Mitgliedern' (19. Jh.)» [6].

Ein ähnliches Beispiel wäre wohl das Paar dt. *Stiel* und tsch. *stopka (štopka)*, die ebenfalls semantische Parallelität aufweisen. Die beiden Substantive teilen nicht nur die Bedeutungen 'Stängel' (bei Blumen) und 'von einem Zweig, Stängel o. Ä. abzweigender, kürzerer, länglicher, dünnerer Teil von Blättern, Früchten, Blüten o. Ä.' (z. B. dt. *Apfelstiel*, tsch. *stopka jablka*), sondern auch 'längliches, dünnes Verbindungsstück zwischen Fuß und Kelch eines [Wein-, Sekt]glases' (dt. *Gläser mit langem Stiel*, tsch. *stopka kališku, sklenky*).

Auffallend sind weitere deutsche Zusammensetzungen wie *Stielaugen* (bei einigen Krebsarten sowie Schnecken) und *Notenstiel*, die in tsch. *oči na stopkách* und *stopka noty* ihre Entsprechungen finden. Außerdem gibt es in den beiden Sprachen ähnliche Redewendungen: dt. *Stielaugen machen/kriegen/bekommen* und tsch. *mít oči na stopkách* 'auf etwas nicht für möglich Gehaltenes oder sehr Erstrebenswertes in deutlich sichtbarer Weise mit Überraschung, Neugierde, Begehrlichkeit blicken'.

Die oben skizzierte Parallelität kommt in anderen slawischen Sprachen kaum vor, eine Ausnahme stellt nur das Slowakische dar. Slk. *stopka* bedeutet ebenfalls 'tenký výhonok na rastline nesúci kvet, list alebo plod' sowie 'tenký útvar, ktorý niečo nesie alebo spája, upevňuje' [8]. Die zweite abstrakte Bedeutung erklärt eigentlich alle konkreten Bedeutungen sowohl von tsch. und slk. *stopka*, als auch von dt. *Stiel* und kann als ihre semantische Invariante gelten, die im Deutschen entstanden und infolge von Bedeutungsentlehnung ins Tschechische und Slowakische ausgewandert ist.

Im Russischen, Polnischen und Bulgarischen werden diese Inhalte mit mehreren Lautkörpern ausgedrückt: Vgl. rus. *стебель* (bei Pflanzen), *черенок* (bei Äpfel), *черешок* (bei Blättern) *плодоножка* (bei Früchten), *ножка* (bei Gläsern), *стебельки глаз* (bei Krebsen und Schnecken), *штыль ноты* (dt. Lehnwort), *сделать большие глаза, выкатить глаза* (Stielaugen bekommen); pol. *łodyga* (Stängel), *szypulka* (bei Früchten), *ogonek* (Apfelstiel), *stopka* (bei Gläsern), *czułki* (bei Schnecken), *pałeczka* (Notenstiel), *wybałuszać/wyrztrzeszczywać oczy*; bul. *дръжка* (bei Früchten), *стъбло* (Stängel), *столче* (bei Gläsern), *отвесна черта* (Notenstiel),

окоркавам очи. Im Serbischen ebenfalls *стабло* (Stängel), *петељка* (bei Früchten und Blättern), *врат* (Notenstiel). Im Slowenischen ist immerhin der deutsche Einfluss zu spüren: *pecelj* bedeutet nur Stiel bei Früchten und Blättern: 'del sadu, lista, s katerim je ta pritrjen na rastlino' [18], wird aber in der Redewendung *imeti oči na pecljih* gebraucht.

Allem Anschein nach wurde das tsch. und slk. *stopka* stark von dt. *Stiel* beeinflusst und hat dadurch neben seinen Bedeutungen auch die semantische Invariante entlehnt.

Im Bereich der Gegenstände findet man auch einige Lehnbedeutungen. Das tsch. *kostka* wie das dt. *Würfel* bekamen neben der Hauptbedeutung 'Spielwürfel' die übertragene Bedeutung '(annähernd) würfelförmiger Gegenstand, Kubus', z. B. dt. *ein Würfel Zucker*, tsch. *kostka cukra*, dt. *Semmel in Würfel schneiden*, tsch. *krájet housky na kostky*. Die Etymologie dieser Sprachzeichen ist unterschiedlich: während *Würfel* 'etwas, was geworfen wird' meint, ist *kostka* 'etwas, was aus Knochen (*kost*) gemacht ist', weil Spielwürfel ursprünglich aus Tierknochen hergestellt wurden. Diese Art von Bedeutungsübertragung ist im Deutschen sowie in slawischen Sprachen anzutreffen, mit denen der letzterer in engem Kontakt war: slk. *kocka*, slv. *kocka*, srp. *коцка*, hrv. *kocka*. Im Bulgarischen werden Spielwürfel als *zap* (türkisches Lehnwort) bezeichnet, ein Gegenstand kubischer Form hingegen als *куб*. Im Russischen wird das Würfelspiel als *игра в кости* bezeichnet und würfelförmige Gegenstände als *куб*, *кубик* (Letzteres kann auch Spielwürfel bezeichnen, aber meistens dann, wenn es in anderen Spielen benutzt wird). Im Polnischen sind es *kości do gry* und *sześcian*, im Ukrainischen *гральні кости*, *гральні кубики*. *Куб* und *кубик* sind in ostslawischen Sprachen ziemlich späte Entlehnungen (17. Jh.) aus dem Griechischen [25, c. 450]. Für das Englische und für romanische Sprachen ist eine solche Übertragung nicht typisch: eng. *dice* und *cube*, fra. *dé* und *cube*, ita. *dado* und *cubo*. Daraus kann man schließen, dass es sich im Tschechischen, Slowakischen, Slowenischen, Serbischen und Kroatischen um deutsche Lehnbedeutungen handelt.

Ein weiteres interessantes Beispiel ist das tsch. *koš*, *košík* (für Hunde oder andere Tiere). Dieses Lexem ist keine reine Lehnbedeutung, ist jedoch durch einen starken semantischen Einfluss von dt. *Maulkorb* geprägt. Beides bedeutet 'aus Lederriemchen netzartig geflochtener Korb, der Hunden und bissigen Pferden übers Maul gebunden wird'. Das tsch. *koš* entspricht in der Hauptbedeutung dem dt. *Korb*. Dt. *Korb* ist wiederum eine alte lateinische Entlehnung:

lat. *corbis* und bedeutete eigentlich 'Geflochtenes'. In anderen slawischen Sprachen ist die Bezeichnung von Maulkorb nicht vom Substantiv mit der Bedeutung 'Korb' abgeleitet: bul., rus., ukr. *намордник*; pol. *kaganiec*; slv. *nagobčnik*; srp. *брњица*; hrv. *brnjica*. Wirft man den Blick auf andere germanische Sprachen, bemerkt man – das Englische *muzzle* stellt hier eine Ausnahme dar – weitere Ähnlichkeiten mit dem Deutschen: swe. *munkorg*, nld. *muilkorf*, nor. *munnkurv*, *munnkorg*, ltz. *Maulkuerf*. Daraus folgt, dass tsch. *koš* in der Bedeutung von 'Maulkorb' wohl eine deutsche Lehnbedeutung ist, denn für andere slawische Sprachen ist die Bezeichnung dieses Gegenstands als 'Korb' nicht charakteristisch.

Berücksichtigt man auch tsch. *hrudní koš*, das wohl eine Lehnübersetzung von dt. *Brustkorb* darstellt (vgl. bul. *гръден кош*, srp. *грудни кош*, hrv. *grudni (prsni) koš*, slk. *prsni koš* neben ostslawischen und polnischer Lehnübersetzung von eng. *ribcage*: rus. *грудная клетка*, ukr. *грудна клітка*, pol. *klatka piersiowa*), entdeckt man, dass tsch. *koš* wohl auch wie *kmen* und *stopka* die semantische Invariante aus dem Deutschen entlehnt hatte: Gegenstände wie Maulkorb und Brustkorb werden als etwas 'Rundförmiges und Geflochtenes' kategorisiert.

Zu dem Bereich der Gegenstände gehört das Beispiel von tsch. *sešit*, das wie dt. *Heft* nicht nur eine 'bestimmte Anzahl von Blättern, die durch einen Einband zusammengehalten werden' bedeutet, sondern auch 'Nummer einer Zeitschrift'. Eine solche Polysemie kommt bei pol. *zeszyt*, ukr. *зошит*, srp. *sveska* vor, während im Russischen, Bulgarischen und Slowenischen diese Sprachinhalte mit verschiedenen Lautkörpern ausgedrückt werden: rus. *тетрадь* und *номер*, *выпуск*; bul. *тетрадка* und *брой*; slv. *zvezek* und *številk*, *revije*. Im Slowakischen hat *zošit* folgende Bedeutung: 'časť väčšieho diela v podobe brožovanej publikácie' [9]. Vom englischen oder französischen Einfluss kann hier nicht die Rede sein, weil es in diesen Sprachen auch verschiedene Lexeme gibt: eng. *exercise book* und *magazine*, *issue*, fra. *cahier* und *revue*. Es ist zu vermuten, dass es in diesem Fall beim Tschechischen, Polnischen und Serbischen um eine Lehnbedeutung geht, während das Ukrainische seinerseits vom Polnischen beeinflusst wurde.

Lehnbedeutungen sind ferner für Substantive mit abstrakterer Bedeutung typisch. Ein Beispiel dafür wäre tsch. *kus*, das auch durch dt. *Stück* beeinflusst wurde. Die etymologische Herkunft dieser Wörter ist unterschiedlich. Tsch. *kus* wurde mit großer Wahrscheinlichkeit vom Verb *kousat* 'beißen' abgeleitet. Laut Jungmann ist *kus* 'tolík, co se dá rázem ukaus-

nuti' [19, с. 231]. Das ahd. *stucki* (8. Jh.) bedeutete 'Teil, Abschnitt, eigenes Ganzes, Brocken, Rinde, Kruste' [7]. Einige gemeinsame Bedeutungen vom *kus* und *Stück* lassen sich durch eine ursprüngliche semantische Ähnlichkeit erklären, z. B. 'einzelner Teil eines Ganzen': dt. ein *Stück Brot, Fleisch, Holz, Torte, Feld*, tsch. *kus chleba, masa, dřeva, dortu, pole*. Daneben gibt es einige Bedeutungen, die durch den Sprachkontakt entstanden sind. *Kus* in der Wortkombination *divadelní kus* konnte eine Lehnbedeutung sowohl unter direktem Einfluss von fra. *pièce* erhalten als auch vermittelt durch dt. *Theaterstück*.

Die Bedeutung 'einzelner Gegenstand, einzelnes Tier, einzelne Pflanze o. Ä. aus einer größeren Menge von Gleichartigem, aus einer Gattung' war wohl aus dem Deutschen entlehnt: dt. *zwei Kronen für Stück bezahlen* – tsch. *zaplatit dvě koruny za kus*, dt. *fünf Stück Eier* – tsch. *pět kusů vajec*, dt. *Meisterstück* – tsch. *mistrovský kus*, dt. *Möbelstück* – tsch. *kus nábytku*. In anderen slawischen Sprachen ist eine solche Übereinstimmung nicht so konsequent gegeben. Im Russischen kann der Kognat *кусок* in dieser Bedeutung nicht gebraucht werden. Für Fälle wie *fünf Stück Eier* kann man *пять (штук) яиц* sagen, das Wort *штука* ist aber ein deutsches Lehnwort. Für *Meisterstück* und *Möbelstück* sind Entsprechungen *шедевр* und *предмет мебели*. Im Polnischen wird der Kognat *kęs* viel seltener gebraucht als *kawałek*, das wohl auch unter dem deutschen Einfluss stand. Vgl. *kawałek chleba, mięsa, drzewa, torta, ziemi, papieru*. Andere Bedeutungen werden daneben auf andere Weise ausgedrückt: dt. *drei Euro pro Stück* – pol. *trzy euro za sztukę*, dt. *fünf Stück Eier* – pol. *sześć jajek*, dt. *ein seltsenes Stück* – pol. *rzadki okaz*, dt. *Meisterstück* – pol. *majsterszyk, arcydzieło*, dt. *Möbelstück* – pol. *mebel*.

Zum Schluss führe ich noch ein Substantiv mit abstrakter Semantik an, und zwar tsch. *poměr(y)*, das mit dem dt. *Verhältnis(se)* zwei gemeinsame Bedeutungen hat: 'Relation, Proportion' im Singular und 'Umstände' im Plural. In anderen slawischen Sprachen gibt es für diese Sprachinhalte verschiedene Lexeme: rus. *сравнение, отношение, соотношение* und *обстоятельства*, pol. *porównanie, proporcja* und *sytuacja, warunki, hṛv. odnos, otjer, razmjer* und *úvjet, bul. съотношение, отнасяне, обноски* und *обстоятелство, условие*. Das slk. *poter* hat die Bedeutung 'Umstände' nicht, dafür wird das Wort *okolnosti* gebraucht. Da sonstige ost-, west- und süd-slawische Sprachen keine entsprechende Parallelen mit dem Deutschen und Tschechischen aufweisen, kann die Polysemie des tsch. *poměr(y)* auch als deutsche Lehnbedeutung angesehen werden.

Die in diesem Aufsatz analysierten Beispiele stellen nur einen Teil der deutschen Lehnbedeutungen im Tschechischen dar. Selbstverständlich waren es nicht nur Substantive, die dem Prozess der Bedeutungsentlehnung ausgesetzt worden waren, was ein ziemlich weites Forschungsfeld eröffnet. Die Tatsache, dass Lehnbedeutungen früher häufig zu Lehnübersetzungen zugeordnet wurden, veranlasst den Forscher diese aus neuer Perspektive zu untersuchen, möglichst auch im Hinblick auf ihre Semantik, die bei früheren Studien außer Acht gelassen wurde.

Im Laufe der vorliegenden Studie wurde festgestellt, dass manche polysemantischen Substantive infolge des Sprachkontakts nicht lediglich einzelne Bedeutungen entlehnt hatten, sondern auch die semantische Invariante. Dies wäre auch der Anlass, Lehnbedeutungen zum Forschungsgegenstand der kognitiven Semantik und dadurch wieder zu einem aktuellen Forschungsthema zu machen.

Selbst wenn man Lehnbedeutungen nur in einer Sprache wie Tschechisch entdecken und beschreiben will, ist es nötig, auch andere slawische Sprachen einzubeziehen, um feststellen zu können, ob die zu erforschenden Bedeutungen der ganzen Sprachfamilie eigen sind oder eine Folge des Sprachkontakts mit dem Deutschen darstellen. Wie der Vergleich mit anderen slawischen Sprachen gezeigt hat, kann eine Bedeutungsentlehnung aus dem Deutschen nicht nur für das Tschechische, sondern auch für das Polnische, Serbische, Kroatische und Slowenische charakteristisch sein, denn diese Sprachen standen mit dem Deutschen in einem politisch und kulturell bedingten Sprachkontakt. Das Ukrainische erlebte wiederum einen starken polnischen Einfluss, deshalb kann es auch zahlreiche Parallelen zum Deutschen aufweisen. In diesem Zusammenhang ist es ratsam, in erster Linie denjenigen Sprachen Beachtung zu schenken, deren Kontakt mit dem Deutschen nicht intensiv war, z. B. dem Russischen und dem Bulgarischen.

Kürzel für Namen von Sprachen

ahd. – althochdeutsch
 bel. – weißrussisch
 bul. – bulgarisch
 dt. – deutsch
 eng. – englisch
 fra. – französisch
 hun. – ungarisch
 ita. – italienisch
 lat. – lateinisch
 ltz. – luxemburgisch
 hrv. – kroatisch
 nld. – niederländisch

nor. - norwegisch
 pol. – polnisch
 rus. – russisch
 slk. – slowakisch
 slv. – slowenisch

swe - schwedisch
 srp. - serbisch
 tsch. – tschechisch
 ukr. – ukrainisch

Список литературы

- Berger T. Deutsche Einflüsse auf das grammatische System des Tschechischen // Deutsch-slawischer Sprachkontakt. Entlehnungen und sprachliche Identität (Hg. G. Hentschel). Frankfurt-am-Main: Manuskript, 2008. S. 57-69.
- Betz W. Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn: H. Bouvier, 1949. 227 S.
- Blahak B. Franz Kafkas Literatursprache. Deutsch im Kontext des Prager Multilingualismus (= Intellektuelles Prag im 19. Und 20. Jahrhundert 7). Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2015. 646 S.
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Feder#et-1> (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Kr%C3%B6te#et-1> (Дата доступа 24.01.2017 г.)
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Stamm#et-1> (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/St%C3%BCck#et-1> (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Elektronický lexikón slovenského jazyka. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.slex.sk/index.asp> (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Elektronický lexikón slovenského jazyka. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.slex.sk/index.asp> (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Jansen S. Sprachliches Lehngut im world wide web. Neologismen in der französischen und spanischen Internetterminologie. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. 412 S.
- Martins E. Studien zur Frage der linguistischen Interferenz. Lehnprägungen in der Sprache von Franz von Kazinczy (1759-1831). Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1970. 373 S.
- Newerkla S. Bohemismen (und Slowakismen) in Wien (und Österreich) // Tribüne – Zeitschrift für Sprache und Schreibung. 2009. №3. S. 8-13.
- Newerkla S. Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch. – Frankfurt-am-Main, Berlin, Oxford, Wien, 2011. 780 S.
- Püda A. Zur Theorie der Lehnprägung im deutsch-tschechischen Sprachkontakt. Eine historisch-vergleichende Untersuchung im inner-slawischen und europäischen Kontext. Peter Lang Verlag, 2010. 401 S.
- Reiter N. Deutsche Lehnübersetzungen im Tschechischen. Berlin: Otto Harassowitz, 1953. 244 S.
- Rejzek J. Český etymologický slovník. Český Těšín: LEDA, 2001. 752 s.
- Slovar Slovenskega knjižnega jezika. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bos.zrc-sazu.si/cgi/a03.exe?name=sskj_testa&expression=krota&hs=1 (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Slovar Slovenskega knjižnega jezika. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bos.zrc-sazu.si/cgi/a03.exe?name=sskj_testa&expression=pecelj&hs=1 (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Slownik česko-německý Josefa Jungmanna. Díl II. (K-O). Praha: Kněžecí arcibiskupská knihtiskárna, Josefa wdowa Fetterlowá, 1836. 1031 S.
- Schuhardt, Hugo. Slawo-deutsches und slawo-italiensches. Graz: Leuschner & Lubensky, 1884. 138 S.
- Skála E. Deutsch-tschechischer Bilinguismus // Sprachwandel und Sprachgeschichtsschreibung. Düsseldorf, 1977. S. 260-279.
- Trávníček F. Slovník jazyka českého. Prag, 1952. 1801 s.
- Wikipedie. Otevřená encyklopedie. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cs.wikipedia.org/wiki/Ko%C4%8D%C4%8D%C3%AD_hlavu (Дата доступа 24 января 2017 г.)
- Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Fluegel> (Дата обращения 24.01.2017 г.)
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т.1: А – Пантомима. 624 с.

Сведения об авторе:

Елизарьева Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: языковые контакты, центральноевропейский языковой союз, чешский язык, семантика. E-Mail: marycreek@mail.ru.

GERMAN SEMANTIC CALQUES IN CZECH (ON THE EXAMPLE OF SUBSTANTIVES)

M.A. Yelizaryeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article deals with one of manifestations of German-Czech language contact - semantic calques of German origin in Czech (noun polysemy patterned after German equivalents). The German-Czech language contact has been a focus of linguistic research for a long time and its phonetical, prosodic, morphological and syntactical features as well as German loanwords and loans in Czech are described. Nevertheless, linguists have paid not enough attention to numerous semantic calques of German origin. In this paper we focus on the following semantic calques: cz. pero – ger. Feder, cz.. křídlo - ger. Flügel, cz.. žába - ger. Kröte, cz.. kočičí hlavy - ger. Katzenkopfpflaster, cz. kmen - ger. Stamm, cz. stopka - ger. Stiel, cz. kostka - ger. Würfel, cz. koš - ger. Korb, cz. sešit - ger. Heft, cz. kus - ger. Stück, cz. poměry – ger. Verhältnisse. Comparing this Czech lexems with their equivalents in other Slavonic languages (Russian, Polish, Ukrainian, Serbian, Croatian, Bulgarian, Slovenian), we made a conclusion that some of these languages had also been influenced by German semantics. Russian and Bulgarian exhibit less similarities.*

Key Words: *language contact, contact linguistics, semantic calques, German, Czech, polysemy, semantics, Slavonic languages.*

References

- Berger T. Deutsche Einflüsse auf das grammatische System des Tschechischen [German Influence on Grammatical System of Czech] // Deutsch-slavischer Sprachkontakt. Entlehnungen und sprachliche Identität (Hg. G. Hentschel) [German-Slavonic Language Contact. Loans and Language Identity]. Frankfurt-am-Main: Manuskript, 2008. S. 57-69.
- Betz W. Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel [German and Latin. Loans of Old High German Rule of Saint Benedict]. Bonn: H. Bouvier, 1949. 227 S.
- Blahak B. Franz Kafkas Literatursprache. Deutsch im Kontext des Prager Multilingualismus [Literature language of Franz Kafka. German language in context of Prague Multilingualism]. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2015. 646 S.
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Digital Dictionary of German language]. <https://www.dwds.de/wb/Feder#et-1> (Accessed 24 January 2017)
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Digital Dictionary of German language]. <https://www.dwds.de/wb/Kr%C3%B6te#et-1> (Accessed 24 January 2017)
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Digital Dictionary of German language]. <https://www.dwds.de/wb/Stamm#et-1> (Accessed 24 January 2017).
- Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. [Digital Dictionary of German language]. <https://www.dwds.de/wb/St%C3%BCck#et-1> (Accessed 24 January 2017).
- Elektronický lexikón slovenského jazyka. [Digital dictionary of Slovak language]. <http://www.slex.sk/index.asp> (Accessed 24 January 2017).
- Elektronický lexikón slovenského jazyka. [Digital dictionary of Slovak language]. <http://www.slex.sk/index.asp> (Accessed 24 January 2017).
- Jansen S. Sprachliches Lehngut im world wide web. Neologismen in der französischen und spanischen Internetterminologie [Loans in the world wide web. Neologisms in French and Spanish Internet Terminology]. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. 412 S.
- Martins E. Studien zur Frage der linguistischen Interferenz. Lehnprägungen in der Sprache von Franz von Kazinczy (1759-1831) [Studies of linguistic interference. Calques in the language of Franz von Kazinczy (1759-1831)]. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1970. 373 S.
- Newerkla S. Bohemismen (und Slowakismen) in Wien (und Österreich) [Bohemisms (and Slovakisms) in Vienna (and Austria)] // Tribüne – Zeitschrift für Sprache und Schreibung, 2009 [Tribune – Journal for Language and Writing]. №3. S. 8-13.
- Newerkla S. Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch [Language Contacts German – Czech – Slovak]. Frankfurt-am-Main: Peter Lang Verlag, 2011. 780 S.
- Půda A. Zur Theorie der Lehnprägung im deutsch-tschechischen Sprachkontakt. Eine historisch-vergleichende Untersuchung im innerslawischen und europäischen Kontext [Concerning Theorie of Loan Translation in German-Czech language Contact.

- A Historic-Comparativ Study in Inner-slavonic and European Context]. Frankfurt-am-Main: Peter Lang Verlag, 2010. 401 S.
15. Reiter N. Deutsche Lehnübersetzungen im Tschechischen [German Loan Translations in Czech]. Berlin: Otto Harassowitz, 1953. 244 S.
 16. Rejzek J. Český etymologický slovník [Etymological Dictionary of Czech]. Český Těšín: LEDA, 2001. 752 s.
 17. Slovar Slovenskega knjižnega jezika. [Dictionary of Slovenian Literary Language]. http://bos.zrc-sazu.si/cgi/a03.exe?name=sskj_testa&expression=krota&hs=1 (Accessed 24 January 2017).
 18. Slovar Slovenskega knjižnega jezika. [Dictionary of Slovenian Literary Language]. http://bos.zrc-sazu.si/cgi/a03.exe?name=sskj_testa&expression=pecelj&hs=1 (Accessed 24 January 2017).
 19. Slownjik česko-německý Josefa Jungmanna. Díl II. (K-O) [Czech-German Dictionary by Josef Jungmann. 2nd edition (K-O)]. Praha: Knjžecí arcibiskupská knihtiskárna, Josefa wdowa Fetterlowá [Archbishop book printery], 1836. 1031 S.
 20. Schuhardt H. Slawo-deutsches und slawo-italiensches [Slavonic-German and Slavonic-Italian]. Graz: Leuschner & Lubensky, 1884. 138 S.
 21. Skála E. Deutsch-tschechischer Bilinguismus [German-Czech Bilinguism] // Sprachwandel und Sprachgeschichtsschreibung [Language Change and Language History Descripton]. Düsseldorf, 1977. S. 260-279.
 22. Trávníček F. Slovník jazyka českého [Dictionary of Czech Language]. Prag, Slovanské nakladatelství [Slavonic publishing house], 1952. 1801 s.
 23. Wikipedie. Otevřená encyklopedie. [Wikipedia. The Free Encyclopedia]. https://cs.wikipedia.org/wiki/Ko%C4%8Di%C4%8D%C3%AD_hlavy (Accessed 24 January 2017).
 24. Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag. [Dictionary of German Language. Duden Publishing House]. <https://www.duden.de/rechtschreibung/Fluegel> (Accessed 24 January 2017).
 25. Chernykh P.Ia. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka: V 2 t. 3-e izd., stereotip [Historic-Etymological Dictionary of Modern Russian Language. In Two Volumes. The 3rd reprint edition]. M.: Rus. iaz. [Russian Language], 1999. T.1: A – Pantomima [Volume 1: A - Pantomime]. 624 s.

About the author:

Maria A. Yelizaryeva – PhD in linguistics, Teacher of Department of German Language, MGIMO-University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: language contacts, Central European Sprachbund, Czech language, semantics. E-mail: marycreek@mail.ru.

* * *

СЕМАНТИКА МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ SHALL И SHOULD В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Д.Н. Новиков, Н.О. Катаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается вопрос определения системных значений английских модальных глаголов shall и should. Исследование проводится в рамках изучения лексики английского языка с позиций прототипической семантики. С опорой на концепцию “лексического прототипа” как ядра семантической структуры слова, его значения на уровне языковой системы, проводится последовательный прототипический анализ указанных глаголов, в результате которого формулируются их вероятностные системные значения, предположительно функционирующие в обыденном сознании носителя английского языка: be obligated in one’s image to do sth (shall) и be expected in one’s image to do sth (should). Интерпретация контекстов употребления shall и should даёт основания полагать, что регистрируемые словарями варианты речевого функционирования этих лексем являются результатом прагматического осмысления их (широкого) значения, что подтверждает тезис о незеркальном характере единиц языка и речи. Выводы исследования позволяют по-иному взглянуть на вопросы, связанные с многозначностью модальных глаголов и их ролью в различных синтаксических конструкциях.

Ключевые слова: прототипическая семантика, лексический прототип, лексико-семантический вариант, широкозначный глагол, номинативно-непроизводное значение, модальный глагол shall, модальный глагол should, системное значение.

Одним из базовых свойств любого предложения (или высказывания) наряду с предикативностью является, как известно, модальность. В английском языке имеется и особая грамматическая категория глаголов, помогающих передавать то или иное отношение к каким-либо действиям – модальные глаголы, позволяющие выразить тончайшие оттенки речевых смыслов, вплоть до того, что их использование может влиять даже на принятие важнейших политических решений. Так, Соединенные Штаты поставили подпись под Парижским соглашением о климате только после замены в одном из его положений глагола shall на should¹.

Среди проблем исследования модальных глаголов, не до конца решённых в лингвистике, оказываются вопросы, связанные с наличием у них многозначности: означает ли возможность употребления этих глаголов в широком спектре контекстов наличие в их семантической структуре разных лексико-семантических вариантов или это одно широкое значение, и как установить и наиболее эффективно описать его границы? Каков статус глаголов shall и should в синтаксических конструкциях типа “We shall promote partnerships between civil society and government”, “The Organization shall promote the formation of a just and democratic world order”, “States should actively enforce due diligence requirements”, “It is

¹ <http://www.politico.eu/article/one-word-almost-sunk-climate-talks-legally-binding-cop21-deal-global-warming/>

impossible that they should not have rendered some assistance to the revolt” и т. п. (полнозначный глагол? «десемантизированный вспомогательный», «омонимичный» и т. д.?)

Представляется, что одним из современных направлений, в рамках которых возможно приблизиться к решению поставленных задач, является прототипическая семантика, возникающая в рамках современной когнитивной лингвистики и прошедшая путь становления, начиная с трудов Э. Рош 1970-х гг., посвящённых проблемам категоризации в языковом сознании человека объектов окружающего мира вокруг когнитивных прототипов, до исследований в начале XXI столетия лексических прототипов – инвариантов семантической структуры слов на материале различных видов лексики. Так, на основе теории, предложенной И.К. Архиповым, были проведены исследования различных групп существительных (С.А. Песина, Д.Н. Новиков), глаголов (Е.П. Беляева, Е.И. Малютина), синестетических прилагательных (И.Б. Левчина), лексической синонимии (А.В. Ширяева, А.А. Кутузов, Н.А. Пузанова); возможность успешного применения принципов прототипической семантики в изучении проблем словообразования и грамматических конструкций, а также ценность теории для целей прикладной лингвистики была продемонстрирована в работах Е.А. Пушкарёва, А.В. Трухачевой, А.Н. Шевелёвой, Е.Б. Жулиной, Д.Н. Новикова, А.С. Дружинина, А.А. Карасёва и др.

Любое знание, получаемое человеком, является «продуктом концептуализации или категоризации мира»². Смоделировать процесс категоризации предметов окружающей нас действительности помогает прототипический анализ, в ходе которого происходит выделение категорий, каждая из которых характеризуется внутренней структурой. Самые типичные объекты категорий называются центрами, или «прототипами». Прототипы «отражают наиболее характерные признаки категории и позволяют узнавать категорию в целом», при этом каждый член категории имеет общие признаки с другими её членами [9, с. 47].

Теория прототипов Э. Рош получила развитие в трудах И. К. Архипова, разработавшего методику анализа лексической семантики, центральным элементом которой на этот раз является не просто когнитивный прототип, а «входящий с

ним в пару» «лексический прототип» (ЛП), при этом И. К. Архипов отмечает, что когнитивный прототип «обращен вовне» (процесс категоризации предметов), а лексический, напротив, «вовнутрь», то есть, в саму лексико-семантическую систему языка [2, с. 92]. ЛП предоставляет максимально экономичный способ хранения информации в долговременной памяти о наиболее релевантных характеристиках слова и выступает в качестве основы всех его актуальных значений, или лексико-семантических вариантов (ЛСВ). ЛП включает в себя номинативно-непроизводное значение (ННЗ), то есть «то значение, которое первым приходит в голову носителю языка при осмыслении словоформы многозначного слова» [8, с. 56; см. тж. 6, с. 42-43], в сочетании с пучком узуальных категориальных и дифференциальных признаков высокого уровня абстракции [2, с. 115; 7, с. 747], благодаря чему человеку нет необходимости помнить одновременно все ЛСВ одного слова.

Прототипический анализ успешно применяется и при изучении особого пласта лексики, которая характеризуется весьма широкой сферой употребления, часто встречается в речи носителей английского языка и поэтому именуется широкозначной. Помимо существительных (таких, как *affair, kind, sort, thing, type, way* и др.) в группу широкозначных слов включают примерно 10 – 12 смысловых глаголов, наиболее активно используемых носителями языка в силу своей краткости, лёгкой воспроизводимости и стилистической нейтральности (*be, come, do, get, give, have, keep, make*, а также модальные глаголы, например, *would* [4, с. 72]). Методика прототипического анализа семантики широкозначных глаголов находит применение в работе Е.И. Малютиной [5, с. 92] и, наряду с теорией ЛП И.К. Архипова, является теоретической основой данного исследования. Таким образом, целью дальнейшего анализа становится определение системных значений, являющихся фактом быденного сознания носителя английского языка и мотивирующих появление исследуемых модальных глаголов в конкретных речевых условиях.

Для более глубокого понимания семантики глаголов *shall* и *should* следует обратиться к их истории. Оба глагола восходят к формам претерито-презентного глагола *sculan* (инфинитив), который дал начало формам *sceal* (*shall*) для настоящего времени и *sceolde* (*should*) – для

² <http://www.boldyrev.ralk.info/dir/material/193.pdf>

прошедшего. Постепенно эти две формы разошлись и стали функционировать самостоятельно. В древне-английском периоде употребление глагола *sceal* связано с долгом, задолженностью перед кем-либо, вынужденностью и зависимостью от внешних условий. В средне-английский период число ситуаций употребления *shal* сужается и выделяется наиболее частотный случай его употребления – передача долженствования. В ново-английский период к уже существующим добавляется ситуация, связанная с передачей совета [1, с. 91]. На современном этапе изучения в силу употребления глагола *shall* для передачи долженствования в течение двух периодов его эволюции (древне-английского, средне-английского) возникают вопросы относительно того, является ли значение долженствования основным, как и прежде; интерес представляет и вопрос о степени так называемой «десемантизации» глагола *shall* в грамматических конструкциях Future Tense и *should* в конструкциях Subjunctive Mood [10, p. 405].

Как отмечалось, в основе выведения системных значений модальных глаголов *shall* и *should* лежит методика исследования широкозначных глаголов, предложенная Е. И. Малютиной. Широкозначные глаголы имеют одно значение, существующее на уровне системы языка и проявляющееся в неизменном виде в речевых контекстно-обусловленных вариантах [5]. С целью установления содержания системного значения на первом этапе проводится анализ первого ЛСВ глагола в словарных источниках и формулируется его наиболее вероятное ННЗ, далее в терминах ННЗ осуществляется анализ семантической структуры слова и проводится интерпретационный анализ словарных примеров.

Для выведения ННЗ было использовано 15 интернет-словарей: Oxford Advanced Learner's Dictionary³; Oxford Living Dictionaries⁴; Cambridge

English Dictionary⁵; Longman Dictionary of Contemporary English⁶; Macmillan Dictionary⁷; Collins Dictionary⁸; American Heritage Dictionary⁹; Merriam Webster Learner's Dictionary¹⁰; Dictionary by Merriam Webster¹¹; Chambers Dictionary¹²; Collaborative International Dictionary of English¹³; Free On-Line English Dictionary¹⁴; Dictionary.com¹⁵; The Free Dictionary¹⁶; WordReference.com¹⁷. В результате анализа значений глагола *shall* наблюдается следующее: практически во всех значениях (12 из 15) представлена сема «будущности». Более того, в пяти значениях выделяется сема «твёрдой решимости или намерения»; в трёх значениях имеется сема «ожидания», и в двух значениях находит отражение сема «планирования». В одном из словарных источников первым зарегистрировано значение «вежливого предложения и просьбы дать совет». Все эти значения указывают на действие в будущем, которое по мнению говорящего должно произойти, будь то намерение, ожидание, план. Не стоит упускать из виду и историческое значение глагола *shall* («долженствование»), которое регистрируется двумя словарными источниками в качестве первого, несмотря на пометку «архаичное», а в одном словаре выделяется как одно из основных значений. Исконная сема «долженствования» по-прежнему довольно чётко прослеживается и должна быть отражена при формулировании интегрального признака. Для выведения интегрального признака глагола *shall* семы «будущности» и «долженствования» являются ключевыми. Наряду с ними интегральный признак должен отражать мыслительные и волевые процессы, происходящие в сознании человека и проявляющиеся в виде твёрдой решительности, намерения, ожидания, предложения, просьбы дать совет. Для передачи указанных мыслительных и волевых процессов представляется наиболее подходящим английское слово

³ <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

⁴ <https://en.oxforddictionaries.com/>

⁵ <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>

⁶ <http://www.ldoceonline.com/>

⁷ <http://www.macmillandictionary.com/>

⁸ <https://www.collinsdictionary.com/>

⁹ <http://americanheritage.yourdictionary.com/>

¹⁰ <http://learnersdictionary.com/>

¹¹ <https://www.merriam-webster.com/>

¹² <http://chambers.co.uk/>

¹³ <http://www.dict.org/bin/Dict?Form=Dict3&Database=gcide>

¹⁴ <https://www.wordsmyth.net/>

¹⁵ <http://www.dictionary.com/>

¹⁶ <http://www.thefreedictionary.com/>

¹⁷ <http://www.wordreference.com/>

“image” (“образ”) [4, с. 74-75], поскольку, когда человек представляет себе какую-то ситуацию в будущем, он задействует своё образное мышление, пытаясь нарисовать в своём воображении (“imagination”), как будут разворачиваться события, а все перечисленные выше понятия (твёрдая решительность, намерение, ожидание) помогают ему это сделать. С учётом сказанного, ННЗ глагола *shall* следует сформулировать как “to be obligated in one’s image (to do sth)”.

На втором этапе исследования семантики глагола *shall* проводится интерпретационный анализ всех речевых реализаций и соответствующих словарных примеров. Всего проанализировано 5 речевых реализаций и 105 примеров с глаголом *shall*, которые позволяют сделать следующие выводы:

1. Долженствование неразрывно связано с будущностью. Значение долженствования придаёт большую уверенность высказываниям с глаголом *shall* о том, что должно произойти или о том, что человек должен сделать в будущем. В данном случае человек не говорит о своём желании или воле (ср. с глаголом *will*), а, напротив, подчёркивает именно наличие субъективно обусловленного долженствования в совершении будущего действия (This time next week I shall be in Scotland. – This time next week I *am obligated in my image to be in Scotland* (OALD)).

2. Предложения с глаголом *shall* отражают мнение человека относительно того, что он, по мнению других, должен сделать в будущем. При помощи вопросов с глаголом *shall* говорящий показывает, что считается с мнением своего собеседника, что делает вопросы подобного рода вежливыми, не исключая при этом элемента долженствования (Shall I send you the book? – *Am I obligated in your image to send you a book?* (OALD)).

3. Предложениям, выражающим решительный настрой человека, решимость, решительность, глагол *shall* придаёт большую категоричность (He is determined that you shall succeed. – He is determined that you *are obligated in his image to succeed* (OALD)).

4. В сочетании с глаголами *look forward* и *hope* после модального глагола *shall* предложения начинают звучать более официально и вежливо (Well, we shall look forward to seeing him tomorrow. – Well, we *are obligated in my image to look forward to seeing him tomorrow* (COLLINS)).

5. Предложения с глаголом *shall* используются для передачи будущего события или действия, которого избежать нельзя, то есть, оно должно

произойти. При помощи подобного рода предположений человек подчёркивает связь между неизбежностью и долженствованием (That day shall come. – That day *is obligated in my image to come* (AHD)). Таким образом, все речевые варианты употребления *shall* могут быть интерпретированы через сформулированное для него ННЗ, что даёт основания считать его системным значением данного глагола.

Переходя далее к определению системного значения глагола *should*, отметим следующее: в 8-и из 15-и словарей отмечается сема «правильности / разумности / целесообразности / корректности / важности действия», одновременно с этим в двух словарях отмечается «критика действий другого человека». В 5-и словарях выделяется сема «долженствования», «обязательности»; при этом в одном из них делается пометка о «моральном обязательстве», а в 2-х словарях и вовсе даётся определение через другой модальный глагол, использующийся для выражения «нравственного обязательства» (*ought to*). В 2-х словарях отмечается в качестве первой речевой актуализации «условие»; при этом в одном из них обособляется отдельно «предположение». В одном из словарей регистрируется историческая темпоральная характеристика (“simple past tense of shall”). Таким образом, сема «правильности / разумности / целесообразности / корректности / важности действия» превалирует. Следует отметить также, что данное значение часто выражается говорящим в отношении другого индивида: говорящий ожидает, что к его словам прислушаются и сделают так, как, по его мнению, действительно разумно, целесообразно, правильно поступить. Следовательно, в качестве интегрального признака мы получаем сему «ожидаемости» (“expectation”), предполагающую наличие «условия» и «предположения» [3, с. 141]. Не следует забывать и о мыслительных процессах, которые вновь передаются через слово «образ» (“image”). Таким образом, ННЗ глагола *should* следует сформулировать как “to be expected in one’s image (to do sth)”.

На втором этапе когнитивного анализа глагола *should* приводится 15 речевых реализаций и 245 примеров, которые, с учётом уже проведённых исследований И. А. Гребенкиной [3, с. 129-151], позволяют прийти к следующим выводам:

1. Значение правильности, разумности, целесообразности, верности, уместности возникает в виду «ожидаемости, детерминированной здравым смыслом человека» (“common sense”), то есть

тем, что, по мнению говорящего, является разумным, исходя из его логики, знаний, опыта. Как видно из примеров, здравый смысл часто находит выражение в общих суждениях относительно поведения человека: Men should act decisively, don't you agree? – Men *are expected in my image* to act decisively, don't you agree? (WORDSMYTH); You should respect your mother and your father. – You *are expected in my image* to respect your mother and father (WR); образа жизни: Parents should spend as much time with their children as possible. – Parents *are expected in my image* to spend as much time with their children as possible (MACM); The diet should be maintained unchanged for about a year. – The diet *is expected in my image* to remain unchanged for about a year (COLLINS); правилах, в том числе, грамматических: There should be a comma after "Yours sincerely". – There *is expected in my image* to be a comma after "Yours sincerely" (MACM); Every sentence should start with a capital letter. – Every sentence *is expected in my image* to start with a capital letter (LDOCE); White wine, not red, should be served with fish. – White wine, not red, *is expected in my image* to be served with fish (LDOCE). В вопросах с глаголом should человека интересует, что является разумным, правильным в глазах его собеседника и что собеседник ожидает от него: "Should I apologize to him?" "Yes, I think you should". – "Am I *expected in your image* to apologize to him?" "Yes, I think *you are expected in my image* (to apologize to him)" (CED).

2. В отрицательных высказываниях с перфектным инфинитивом наблюдается «сбывшееся ожидание», или положительный результат разрешения противоречия между «ожидаемостью» говорящего и существующим положением вещей, то есть ожидание человека, воплощённое в реальности: A present for me? You shouldn't have! – A present for me? You *were not expected in my image* to have (bought it) (OALD); You shouldn't have gone. – You *weren't expected in my image* to have gone (OLD); You shouldn't have said anything! – You *weren't expected in my image* to have said anything! (CED). Контекстуально обусловленное значение «совета» детерминировано «личной заинтересованностью субъекта», будь то человек, который даёт его или, наоборот, нуждается в нём, причём каждый из коммуникантов преследует свою «субъективную цель» (помочь, вывести дополнительную информацию, поделиться собственным опытом).

3. Третье контекстуальное значение детерминировано непосредственно «ожидаемостью

того, что какое-то событие будет иметь место / возможно произойдёт»: We should arrive before dark. – We *are expected in my image* to arrive before dark (OALD).

4. Утвердительные высказывания с продолженным и перфектным инфинитивом связаны с «несбывшимся ожиданием», или отрицательным результатом разрешения противоречия между «ожидаемостью» говорящего и существующим положением вещей: It should be snowing now, according to the weather forecast. – It *is expected in the image of the weather forecasters* to be snowing now, according to the weather forecast (OALD); The bus should have arrived ten minutes ago. – The bus *was expected in my image* to have arrived ten minutes ago (OALD).

5. Придаточные, выражающие нереальное условие с глаголом should, несут в себе «ожидаемость на основе предположения»: человек рисует в своём воображении определённую ситуацию и предполагает, что от него ожидается в ней предпринять (If I were asked to work on Sundays, I should resign. – If I were asked to work on Sundays, I *am expected in my image* to resign (OALD)).

6. Придаточные адвербиальные со значением условия, выражающие случайную возможность, указывают на «ожидаемость, подразумевающую маловероятность»: If you should change your mind, do let me know. – If you *are expected in your image* to change your mind, do let me know (OALD).

7. Историческое значение, которое находит отражение в выражении прошедшего времени модального глагола shall, указывает на «ожидаемость в прошлом». Интересно отметить, что при анализе словарных источников глагола shall, в 3 значениях была выявлена сема «ожидаемости» ("expectation"). Таким образом, при отдельном развитии глагола should сема «ожидаемости» стала интегральной: He asked me what time he should come. – He asked me what time he *was expected in my image* to come (OALD).

8. Предложение и организация какого-то события детерминирована «ожидаемостью на основе предположения», то есть, человек выдвигает предложение своему собеседнику и предоставляет ему право поделиться своими соображениями, а, порой и сам делится своими идеями: She recommended that I should take some time off. – She recommended that I *was expected in her image* to take some time off (OALD); We agreed that we should meet the following week. – We agreed that we *are expected in our image* to meet the following week (CED).

9. В придаточных предложениях, в которых содержится эмоциональная оценка (I am anxious; I find it astonishing that; it is astonishing / odd / unfair / strange / essential / surprising и др.) речь идёт о «неожиданности»: неожиданной является сама мысль о возникновении существующего события: I'm anxious that we should allow plenty of time. – I'm anxious that we *are expected in my image* to allow plenty of time (OALD).

10. В предложениях, содержащих вежливую просьбу или предложение, «ожидаемость» обусловлена «вежливым поведением, воспитанием, образованием» человека, именно поэтому подобные предложения характерны для официального разговора: I should like to call my lawyer. – I *am expected in my image* to like to call my lawyer (OALD).

11. В предложениях, в которых человек выражает своё мнение и делает это неуверенно, присутствуют неопределённость и ожидаемость, именно поэтому после глагола should, как видно из примеров, следуют инфинитивы глаголов imagine, think, hope: I should imagine it will take about three hours. – I *am expected in my image* to imagine it will take about three hours (OALD).

12. В предложениях, выражающих твёрдое согласие, один из коммуникантов реагирует на высказывание своего собеседника, соглашается с ним и всецело ожидает, что какое-то событие произойдёт в будущем: “I know it's expensive but it will last for years”. “I should hope so too!” – “I know it's expensive but it will last for years”. “I *am expected in my image* to think so too!” (OALD).

13. Вопросительные предложения с местоименными наречиями why, how, who, what являются по своей природе риторическими, подразумевают отрицательный ответ, получаемый в результате «несоответствия ожидаемости» говорящим в прошлом относительно того, что произойдёт в будущем и реального положения вещей. Говорящий указывает на нехватку или отсутствие необходимых и достаточных оснований для возникновения события, о котором идёт речь, исходя из естественного хода вещей. Вопросительные запросы со словами why, how, who, what связаны с причинами и предпосылками существования имеющегося положения вещей: Why should I help him? He's done nothing for me. – Why *am I expected in your image* to help him? He's done nothing for me (OALD).

14. При выражении сильного удивления и изумления наблюдаются эмфатические примеры употребления глагола should с различными фор-

мами инфинитива. Глагол should с перфектным инфинитивом передает значение «несбывшегося ожидания»: You should have seen her face when she found out! – You *were expected in my image* to have seen her face when she found out! (OALD). У глагола should с продолженным и простым инфинитивом проявляется значение «полной неожиданности»: I got on a bus and who should be sitting in front of me but Tony! – I got on a bus and who *was expected in my image* to be sitting in front of me but Tony! (OALD).

15. Передача «ожидаемости», отражённой в официальных приказах и указаниях, детерминирована «общественным благом» и подразумевает осуществление «цели общества» (в отличие от «личной заинтересованности» субъекта и наличия «субъективной цели» при передаче значения совета). В официальных ситуациях ожидается, что выполнение правил, норм и директив приведёт к порядку, безопасности и благополучию: Passengers should proceed to Gate 12. – Passengers *are expected in the image of the airport staff* to proceed to Gate 12 (LDOCE). Таким образом, сформулированное ННЗ глагола should так же прослеживается в неизменном виде во всех его контекстно обусловленных вариантах и может считаться его системным значением.

В результате проведенного исследования были сформулированы и проиллюстрированы значения модальных глаголов shall и should. Так, системное значение глагола shall может быть представлено дефиницией “to be obligated in one's image (to do sth)”, а глагола should – “to be expected in one's image (to do sth)”. Данные системные (широкие) значения актуализируются говорящим во всех проанализированных речевых контекстах.

Конкретные формулировки дефиниций системных значений исследуемых глаголов, а также интерпретация контекстов их употребления потребуются в дальнейшем уточнить с учётом анализа данных экспериментальной работы с информантами, что также позволит определить вариантологические (американские, британские) особенности исследуемых глагольных лексем. Есть основания полагать, что регистрируемые словарями контекстно обусловленные варианты – скорее результат прагматического осмысления и, соответственно, употребления имеющегося в распоряжении языковой личности данного *системно-языкового* ресурса для выражения своего отношения к действиям участников *речевой ситуации*, что подтверждает тезис о незеркальности единиц языка и речи

[2; 6 и др.], а также особый статус широкозначности и её отличие от полисемии (где системное значение – ЛПП – далеко не всегда актуализируется целиком во всех ЛСВ) [5; 2 и др.].

Итак, на основе анализа первых речевых смыслов, представленных в 15 словарных источниках, выведены реализующиеся в речи во всех регистрируемых словарями контекстах системные значения глаголов *shall* и *should*, которые, по всей видимости, не подверглись десемантизации (у глагола *shall* во всех синтаксических конструкциях сохраняется его историческое

значение, связанное с выражением особого типа долженствования, а у глагола *should* при самостоятельном развитии сложилось другое значение – «ожидаемость») и получают дальнейшую интерпретацию в сознании языковой личности в зависимости от прагматических установок в конкретных коммуникативных условиях (что необходимо учитывать в том числе при составлении различных типов документов – соглашений, текстов выступлений, заявлений, резолюций и т.д.).

Список литературы

1. Аракин В.Д. История английского языка. М.: Физматлит, 2003. 272 с.
2. Архипов И.К. Язык и языковая личность. СПб: ООО Книжный дом, 2008. 248 с.
3. Гребенкина И.А. Проблема многозначности в сфере модальности (на материале английского модального глагола *should*): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 / Гребенкина Ирина Ивановна. М., 1995. 169 с.
4. Дружинин А.С. Когнитивно-прагматические особенности контрафактных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 / Дружинин Андрей Сергеевич. М., 2014. 181 с.
5. Малютина Е.И. Широкозначность против полисемии на уровне языка (на материале глаголов современного английского языка) // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.: 2007. №37. С. 123–127.
6. Новиков Д.Н. О пределах семантического варьирования слова // Филологические науки в МГИМО. М.: МГИМО-Университет, №21. 2005. С. 41–53.
7. Новиков Д.Н. К проблеме разграничения языка и речи: Об однозначности многозначных слов // ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE, Nr. 6 - Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Kaunas, 2010. С. 743 – 749.
8. Песина С.А. От инварианта многозначного слова к лексическому прототипу // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 53–61.
9. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 265 с.
10. Novikov D.N., Druzhinin A.S. Subjunctive mood in modern English: Cognitive base and pragmatic potential of grammar structures invoking supraréality // International Linguistic Conference: Linguistic Diversity and Cognitive Linguistics. 2017. P. 405.

Сведения об авторах:

Новиков Дмитрий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1, МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: проблемы лексикологии, грамматики, переводоведения и лингводидактики в когнитивном и прагматическом аспектах. E-mail: dnnovikoff@mail.ru.

Катаева Наталия Олеговна – студентка второго курса магистратуры “Подготовка переводчиков для международных организаций”, МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, переводоведение. E-mail: Natalia.Kataeva@yandex.ru.

SEMANTICS OF THE MODAL VERBS *SHALL* AND *SHOULD* IN MODERN ENGLISH: PROTOTYPE APPROACH

Dmitry N. Novikov, Nataliya O. Kataeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article examines the semantic structure of the English modal verbs “shall” and “should” and attempts to formulate their systemic meanings based on the Lexical Prototype theory. With the lexical prototype underlying discourse-based word semantics and constituting lexical meaning at the level of the language system, the paper provides an algorithm for a cognitive analysis of the meaning of the modal verbs “shall” and “should”. The research results contain the wordings of the feasible systemic meanings of the verbs under discussion, which are presumed to exist in an average English native speaker’s linguistic consciousness: be obligated in one’s image to do sth (shall) and be expected in one’s image to do sth (should). The interpretation of the contexts of the “shall” and “should” uses in discourse gives ground to believe that the definitions registered in the dictionaries result from the verbs’ systemic (broad) meanings being used for pragmatic purposes. The research conclusions will allow of a fresh look at the issues related to the modal verbs polysemy and their role in various syntactic structures.*

Key Words: *prototype semantics, lexical prototype, lexico-semantic variant, broad-meaning verb, nominal non-derived meaning, modal verb “shall”, modal verb “should”, systemic meaning.*

References

1. Arakin V.D. Istorija anglijskogo jazyka [The History of the English language]. M.: Fizmatlit, 2003. 272 p.
2. Arhipov I.K. Jazyk i jazykovaja lichnost' [Language and the languaging person]. St. Petersburg: OOO Knizhnyj dom, 2008. 248 p.
3. Grebenkina I.A. Problema mnogoznachnosti v sfere modal'nosti (na materiale anglijskogo modal'nogo glagola should) [The issue of polysemy in the field of modality]. MSPU, 1995. 169 p.
4. Druzhinin A.S. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktnyh grammaticheskikh konstrukcij v amerikanskom predvybornom diskurse [Cognitive and pragmatic peculiarities of the counterfactual grammar structures in the American pre-election discourse]. MGIMO University, 2014. 181 p.
5. Maljutina E.I., Shirokznachnost' protiv polisemii na urovne jazyka (na materiale glagolov sovremennogo anglijskogo jazyka). Izv. RGPU im. A. I. Gercena [Eurysemy vs polysemy at the language level – Evidence from modern English verbs. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2007, no. 37, P. 123–127.
6. Novikov D.N. O predelakh semanticheskogo var'irovanija slova. Filologicheskie nauki v MGIMO [On the scope of word meaning variation. Philological Sciences in MGIMO]. 2005, no. 21, P. 41–53.
7. Novikov D.N. K probleme razgranichenija jazyka i rechi: Ob odnoznachnosti mnogoznachnyh slov [On the difference between language and speech]. ŽMOGUS KALBOS ERDVöJE. 2010, no. 6, P. 743 – 749.
8. Pesina S.A. Ot invarianta mnogoznachnogo slova k leksicheskomu prototipu. Voprosy kognitivnoj lingvistiki [From the polysemantic word invariant to the lexical prototype. Issues of Cognitive linguistics], 2006, no. 2, P. 53–61.
9. Frumkina R.M. Cvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psiholingvisticheskogo analiza [Colour, meaning, similarity. Aspects of a psycholinguistic analysis]. M.: Nauka, 1984, 265 p.
10. Novikov D.N., & Druzhinin A.S. Subjunctive mood in modern English: Cognitive base and pragmatic potential of grammar structures invoking suprareality. International Cognitive Linguistic Conference: Linguistic Diversity and Cognitive Linguistics, 2017, P. 405.

About the authors:

Dmitry N. Novikov – PhD in Linguistics, Associate Professor at English Language Department No. 1, MGIMO, Moscow. E-mail: dnnovikov@mail.ru.

Nataliya O. Kataeva – second-year student at the Master’s programme “Training Translators and Interpreters for International Organizations”, MGIMO, Moscow. E-mail: Natalia.Kataeva@yandex.ru.

* * *

ПАРАДИГМА ВАРИАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ 'INKLUSIVE' И 'EXKLUSIVE' В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

А.И. Орлова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

*Статья посвящена анализу и выявлению значимых различий в употреблении предлогов *inklusive* и *exklusive* в немецкой прессе и рекомендаций немецкой грамматики *Duden*. Данные предлоги всё чаще встречаются в современной прессе вместе с заимствованными словами, очевидна их сочетаемость с существительными не только конкретного, но и абстрактного типа. И тот и другой предлог обнаруживает различную частоту и степень регулярности употребления. Исследование публицистических материалов указало на тот факт, что вариативное надежное управление типично для рассматриваемых предлогов. Вывод о том, что изучаемые предлоги способны соединяться более чем с одной надежной формой, расходится с рекомендациями грамматистов и их мнением о том, что эти предлоги могут управляться только одной надежной формой. Структурно-формальный фактор является основным фактором, оказывающим влияние на вариативное управление предлогов: это присутствие или отсутствие артикля, наличие в предложной конструкции сопроводительных слов перед существительным, предлог в препозиции или постпозиции. Согласно нормативным грамматикам предлог *inklusive* относится к предлогам с управлением генитив, однако допускается – хотя и реже – управление датив. Предлог как часть речи отражает постоянно развивающиеся тенденции в развитии языка. Существует достаточно оснований полагать, что в основе развития предложной системы языка лежит перманентное устремление мозга человека к постоянной дифференциации отдельно взятых значений, что представляет собой частный случай всеобъемлющего процесса языковой глобализации.*

Ключевые слова: предлог, вариативное управление, предложное управление, немецкая пресса, синкретизм.

Современный немецкий язык возник в качестве языка немецкого народа на базе франкского языка, а далее (с 843 г.) восточнофранкского государства и представляет собой результат продолжительного и трудоёмкого исторического процесса развития. Древневерхненемецкий язык (*Althochdeutsch* – 750–1050 гг.) сменялся средневерхненемецким (*Mittelhochdeutsch* – 1050–1350 гг.), далее нововерхненемецким языком (*Frühhochdeutsch* – 1350–1650 гг.) и воплотился в новом немецком языке (*Neuhochdeutsch* с 1650 г.). В процессе своего развития и становления многие элементы системы немецкого языка сохранились в том

или ином виде, будучи унаследованными от германского языка и индоевропейского праязыка.

Следовательно, развитие предложной системы началось именно с индоевропейского языка, где предлоги, так же как и другие составляющие системы, касающиеся согласования, подчинения и порядка слов, относили к языковым средствам синтаксиса. Происхождением большей части предлогов древнегерманских языков являются наречия места, служащих в индоевропейских языках в качестве средства пространственного определения значения глагола – сказуемого.

Такие наречия в дальнейшем либо превращаются в предлоги и к ним присоединяются пригла-

гольные дополнения и слова обстоятельственного рода, или соединяются с глаголом, становясь так называемыми «отделяемыми приставками». Развиваясь из наречий, предложные конструкции становятся конкурентами падежам, т.к. обозначают синтаксические связи существительного более конкретно и дифференцированно. Согласно своему латинскому происхождению, такая часть речи как предлог (*praepositio*) в переводе означает «постановка впереди», что напрямую отражает позицию предлогов в предложениях. Некоторые предлоги, как *exklusive*, продолжают использоваться как прилагательные.

Рассмотрим подробно предлоги *inklusive* и *exklusive*. В немецком языке они являются заимствованными из латинского языка, их употребление восходит к XV–XVI векам.

Inklusive (*einschließlich, eingeschlossen* – млат. *inklusive Adv., zu lat. includere (inclusum) einschließen, einsperren*) – слово из канцелярского обихода, употребляется с XV века, в текстах с XVI века – в качестве предлога с генитив.

Предлог с противоположным значением *Exklusive* – (*ohne, ausgenommen, ausschließlich* млат. *exklusive Adv., zu lat. excludere* – является латинским наречием с XV века, употребляется в текстах в качестве предлога с XVI века с генитив. *Exklusive* употребляется в современной прессе крайне редко в качестве предлога – из выборки было обнаружено не более пяти примеров, один из примеров демонстрирует следующее предложение:

Die Preise verstehen sich immer **exklusive Umsatzsteuer** ab Verladestation (Focus).

Анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев его употребление встречается в качестве прилагательного или наречия, как в следующих примерах:

Machen Sie Ihren Schlüsselbund einzigartig mit dem **exklusiven Vorschlag** Art Keys von Silca (Süddeutsche Zeitung).

Diese Bilder würde ich als Schnappschüsse bezeichnen, wobei das untere doch schon wieder **exklusiver** erscheint, da es so durch eine Scheibe fotografiert wurde, so dass das innere Motiv zu erkennen ist und das äußere, nämlich der Fotograf (Hannoverische Allgemeine Zeitung).

Следовательно, необходимо, на наш взгляд, сфокусироваться на анализе более распространённого предлога *inklusive*, поскольку можно отметить, что его управление, по сравнению с другими предлогами, не отличается стабильностью, как и все заимствованные предлоги в целом.

Среди всех типов дискурса одним из самых интересных с точки зрения языкового анализа можно назвать медиадискурс, который отличается крайне сложной многомерной внутренней структурой. Лингвистические исследования сегодня проводятся не только на уровне слов, предложений, текста, но и на надтекстовом, дискурсивном уровне с учётом экстралингвистических факторов.

Поэтому за базу исследования мы взяли немецкую прессу. Предлоги исследовались в контексте, т.е. проводился анализ места предлога в предложении и его окружение другими частями речи.

Примеры были получены методом сплошной выборки в немецком корпусе Cosmas II и в таких немецких онлайн изданиях газет как: Hannoverische Allgemeine Zeitung, Süddeutsche Zeitung, Die Zeit, Der Spiegel, Focus, Nürnberger Nachrichten, Niederösterreichische Nachrichten.

Таким образом были обнаружены 606 примеров употребления предлога *inklusive* с Genitiv, 360 примеров употребления с дательным падежом и 3497 примера с вариативной формой управления. Можно отметить, что достаточно в большом количестве присутствуют случаи употребления номинатива и аккузатива. Среди них четыре однозначных номинатива и один аккузатив, а также 32 вариации Nom./Akk.

Целесообразно сначала рассмотреть количественное соотношение форм дательного и родительного падежей, где к дательному относится 8% случаев, в то время как к родительному падежу около 13%. Как можно заметить, разрыв не слишком большой.

Если же рассматривать формы датив и генитив в отдельности, то процентное соотношение будет составлять около 37% датив против 62% генитив. Такой результат противоречит трактовке грамматики Duden, где говорится, что управление дательным падежом у предлога *inklusive* скорее редкий случай. Из статистики видно, что *inklusive* в основном обладает вариативностью в управлении – приблизительно в 77% случаев.

Также встречаются существительные, которые не получают падежного окончания – таких случаев оказалось много, целых 2380 примеров. Если такие случаи относить к формам датив, то его доля повысится до 81%, в то время как к генитив относятся лишь 18% случаев. Если рассматривать с этой точки зрения, то можно предположить, что предлог управляет дательным падежом.

Полученные результаты соответствуют выводам и гипотезе немецкого филолога и профессора Университета г. Кёльн Клаудио Ди Меола, основными сферами исследований которого стали когнитивная семантика, синтаксис, язык прессы.

Согласно его гипотезе, управление датив в основном встречается в единственном числе – 51%, чаще, чем генитив – 49%. При этом во множественном числе, для сравнения, у дательного падежа лишь 27 %, а у родительного 72%.

Если не брать в расчёт случаи обязательного управления датив при множественном числе, то его употребление при вариативности составит лишь около 7%.

Возможной причиной стремительно развивающейся тенденции к вариативности управления в единственном числе является тот факт, что управление датив предлога *inklusive* получило широкое распространение – около 37%, что гораздо больше, чем у таких предлогов как *wegen* 8%, *während* 5% и *trotz* 9%. Например:

Wenn ich beraten werde, macht es mich stets stutzig, wenn der Ratgeber allen Ratsuchenden **inklusive mir** die beinahe selben Ratschläge erteilt (Deutsche Allgemeine Zeitung).

В рамках развивающейся тенденции во всё более частом употреблении управления *Dativ*, противоречащие нормам и подпадающие под вариативность случаи с *Dativ* составляют 238 из 360 рассмотренных примеров, таким образом, составляя большинство.

Если провести сравнение за пределами нормативного управления, то тогда у дательного падежа 28%, а у родительного 71%, что опять же указывает на вариативность. В основном речь идёт о дательном падеже в неопределённой форме (185 примеров), среди которых большая часть (161 пример) – это управление в неопределённой форме в единственном числе. В таких случаях управление датив «маркируют» с помощью флексивного прилагательного (101 пример), поэтому именно по окончанию прилагательного можно определить управление, ниже примеры таких случаев:

Neben dem Verlust seines Pfarramtes, was der Mittellosigkeit und einem Berufsverbot gleichkam, erhielt er eine mehrtägige Prangerstrafe, **inklusive anschließendem** Landesverweis (Focus).

Der Abend im Kinosaal ist eine einzigartige Mischung aus Filmvorstellung und Konzert, **inklusive kleiner** Anekdoten und den Liedern des brandneuen Albums „Stück von mir“, das am 12. April im Handel erscheint (Focus).

Однако встречается и маркировка посредством артиклей (60 примеров).

Вторую по величине группу составляет управление в дательном падеже, при этом определённый артикль существительного мужского или среднего рода однозначно указывает на падежную форму (43 примера), из которых 40 случаев с употреблением определённого артикля, как на пример:

Der Eintritt kostet **inklusive einem** Glas Prosecco 20 Euro (Hannoverische Allgemeine Zeitung).

В трёх случаях датив был маркирован с помощью определённого артикля:

Inklusive dem – bereits überwiesenen – Januar-Abschlag und einer weiteren Mahngebühr in Höhe von fünf Euro für diesen Monat soll Hermann Beck also insgesamt 153 Euro überweisen (Süddeutsche Zeitung).

Гораздо реже управление датив встречается с притяжательным местоимением с существительными мужского и среднего рода, например:

Die Fahrt erfolgt mit dem Bus **inklusive unserem** bewährten Imbiss aus der Bordküche (Die Zeit).

На основе проведённого анализа можно отметить, что частота маркировки посредством флексивного прилагательного (125 случаев) и артикля (110 случаев) приблизительно равна. В процентном выражении это составляет около 52% управления датив с флексивным прилагательным против 46% управления датив с артиклем, как в следующем примере:

Die meisten der Leute, die dort schon lange arbeiten, **inklusive der** Direktorin und der Lehrer, können kein Italienisch (Nürnberger Nachrichten).

Определённые формы родительного падежа около в 58% примеров были маркированы с помощью артиклей, в то время как маркеры посредством флексивных прилагательных составили около 39%. Опять же наблюдается тенденция, когда указание на управление посредством артиклей встречается чаще в генитиве, чем в дативе. Четыре примера указывают однозначно на номинатив благодаря определённому артиклю:

Zum Ende einer Staffel wird alles, was in 31 Folgen – **inklusive der** Tod Bobbys – geschah, weggewischt mit dem Satz: „Ich hatte einen furchtbaren Traum« (Die Zeit).

All die vorgesehenen flankierenden Massnahmen, **inklusive die** Kosten der 61 Bahnunterführung im Wiesental, sind durch die Gemeinden zu tragen (Die Zeit).

Данные примеры демонстрируют тот факт, что *inklusive* действительно относится к пред-

логам с вариативным управлением. Бывают и интересные случаи, которые возможно отнести к ошибкам или опускам – например, когда в одном предложении можно встретить и однозначно правильное управление датив, и управление Dat./Gen., что демонстрируют следующие предложения:

Der Eintritt zu den Tagen der offenen Kellertür beim RotweinOpening – beträgt 30 Euro für beide Tage, **inklusive Verkostungsglas**, 10 Euro Einkaufsgutschein, **den** Eintritt zum Frühschoppen und **dem** Shuttle-Bus (Niederösterreichische Nachrichten).

Im Tribünengeschoß befindet sich ein großzügiger Aufenthaltsbereich **inklusive Bar**, Küche **und den notwendigen Lager** – und Kühlräumen sowie WC-Anlagen (Focus).

Наряду с Nom./Akk. существует и большое число Nom./Akk./Gen амбивалентных вариаций: найдено 152 таких примера во множественном числе и без сопроводительных частей речи, например:

Der Betrieb beschäftigt heute rund 25 Mitarbeiter, **inklusive 6** Lehrlinge (Focus).

Chinesen kopieren eine komplett dm-Filiale – **inklusive 2** Slogans (Deutsche Allgemeine Zeitung).

В таких случаях обычно принято, в том числе признано грамматикой Duden, обращаться к управлению датив, чтобы таким образом подчеркнуть однозначность управления [9, с. 77].

Но в данном случае амбивалентные формы преобладают – 152 амбивалентные формы против 122 форм с однозначным дативным падежом. Возможно, именно это приводит к повышенной и противоречащей нормам доле управления датив у предлога *inklusive*.

Важно также отметить, что в прессе встретились как минимум пять примеров как с управлением датив, так и с управлением генитив, как в следующих случаях:

Diese rund acht Minuten Spielzeit **inklusive zweier** Freiwurfpunkte und einem Steal dürften in Kochs Sportlerleben zu den herausragenden Momenten zählen (Nürnberger Nachrichten).

Allen war es bekannt, dass es sein Ziel war, die Symbolik des Amtes des Bundespräsidenten zu verringern – **inklusive des** Ehrensoldes (Deutsche Allgemeine Zeitung).

Такие «находки» подчёркивают утверждение филолога о том, что управление во многом избирается интуитивно, является маркером развития языка и не всегда соответствует норме [7, с. 170].

Если рассматривать территориальное распределение в прессе управления Дативный падеж предлога *inklusive*, то логично провести разде-

ление по региональному принципу Север/ Юг. Например, швейцарская газета St. Galler Tagblatt показывает самое частое употребление датив – около 44%, в то время как в газете Nürnberger Nachrichten данный процент гораздо ниже – 24%. Также частое употребление датив было обнаружено в северо-восточной газете Berliner Morgenpost – около 40% и северо-западной Hannoverschen Allgemeine Zeitung – около 43%. В австрийской же прессе управление датив встречается несколько реже – в Niederösterreichische Nachrichten 39%, Burgenländische Volkszeitung около 39%.

Выявленные различия между, например, Hannoversche Allgemeine Zeitung и австрийской прессой достаточно умеренные и поэтому им не стоит приписывать слишком большого значения. Если брать в расчёт все формы дативного падежа, то в прессе как минимум в 40% предложений схожее управление. К исключениям относятся Mannheimer Morgen – 32%, Hamburger Morgenpost – 31% и Nürnberger Nachrichten – 24%.

Данная статистика показывает, что существенной разницы по принципу территориального разделения у управления предлога *inklusive* не наблюдается.

Проведённый анализ показал, что выбор управления предлога носит во многом субъективный характер и определяется непосредственно человеком с индивидуальными предпочтениями функционального стиля. Антропоцентризм, а также стилистическая синонимия – именно эти два фактора прагматически обуславливают вариативное употребление предлогов.

Структурный фактор является основным фактором, оказывающим влияние на вариативное управление предлогов. Именно ввиду данного фактора на функцию некоторых предлогов оказывает влияние присутствие или отсутствие артикля, наличие в предложной конструкции сопроводительных слов перед существительным, предлог в препозиции или постпозиции. Имеет значение и род существительного, в каких случаях он влияет на употребление конкретного падежа, сколько существительных присутствует в предложном сочетании [1, с. 240; 2, с. 215].

Современная немецкая пресса на практике показывает некую закреплённость за конкретными функциональными стилями некоторых предлогов. Например, официальному, научному и газетно- публицистическому стилям очевидно присущ класс производных предлогов, тогда как в обиходном языке наиболее часто встречаются простые предлоги.

Список литературы

1. Шубина, Э.Л. Стилистическое и синтаксическое варьирование у немецких предлогов/ Э.Л.Шубина// Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3. С. 240.
2. Шубина Э.Л. Функционально-семантические свойства предлогов pro и je в немецкоязычной прессе / Э.Л.Шубина, А.И.Орлова // Вестник Костромского государственного университета. 2017. №1. С. 214-218.
3. Deutsches Referenzkorpus (DeReKo): Cosmas II: [https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2- web/menu.registration.login.do](https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/menu.registration.login.do) [Abgerufen am 12.10.2017].
4. Duden 2013: Duden Online Wörterbuch: http://www.duden.de/rechtschreibung/nahe_naechst_zukuenftig [Abgerufen am 11.07.2014].
5. Di Meola, Claudio 2000: Die Grammatikalisierung deutscher Präpositionen. Tübingen 2000: Stauffenburg Verlag.
6. Di Meola, Claudio 2002: Präpositionale Rektionsalternation unter dem Gesichtspunkt der Grammatikalisierung: das Prinzip der 'maximalen Differenzierung'. In: Cuyckens, Hubert; Radden Günter 2002: Perspectives on prepositions. Tübingen 2002: Max Niemeyer Verlag, 101–129.
7. Di Meola, Claudio 2004: The rise of the prepositional genitive in German - a Grammaticalization phenomenon. In: Lingua 114, 2004, 165–182. Verfügbar unter:<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384103000330> [abgerufen am 11.09.2013.]
8. Duden 2007: Richtiges und gutes Deutsch. Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. Band 9. 6. Aufl. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich 2007: Dudenverlag.
9. Duden 2009: Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Band 4. 8 Aufl. Mannheim 2009: Duden, Brockhaus.
10. Duden 2016: Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Band 4. 9 Aufl. Mannheim 2016: Duden, Brockhaus.
11. Engemann, Jennifer 2013: Veränderungen in der Präpositionsrektion: Der Wechsel vom Dativ (bzw. Akkusativ) zum Genitiv. In: Triangulum. Germanistisches Jahrbuch 2012 für Estland, Lettland und Litauen. Riga/Tallinn/Kaunas 2013: Vilnius Academy of Arts Press, 97–125.

Сведения об авторе:

Орлова Анна Игоревна – аспирант кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология немецкого языка, семантика, лингвострановедение, юридический перевод. E-mail: anna.mp3@yandex.ru.

THE PARADIGM OF VARIATIONAL MANAGEMENT OF PREPOSITIONS 'INKLUSIVE' AND 'EXKLUSIVE' IN MODERN GERMAN PRESS

Anna I. Orlova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *This article is devoted to the analysis and determining differences in the use of the prepositions 'inklusive' and 'exklusive' in German press and the rules of their usage found in German grammar books, Duden, for example. These prepositions actively penetrate into journalism with borrowed words, finding compatibility both with concrete and abstract nouns. Both show different regularity of use. The analysis of press materials has revealed variable case management – contrary to the rules found in grammar books. Formal structural factor is the basic factor affecting the use of case management. It is the use /or lack of the article, an accompanying word before a controlled noun, the position of the preposition, the type of declination of a noun used with the preposition – all these factors have the greatest impact on fluctuations in the use of prepositions in modern German language. According to the Duden grammar, the preposition 'inklusive' refers to the prepositions with Genitiv, but it is allowed – albeit less often – the Dativ. Prepositions as part of speech are one of those linguistic phenomena that are closely associated with the evolution of language, with those trends that manifest themselves in one or another language at a certain stage of its development. With a certain degree of certainty, it can be argued that the development of*

the prepositional system of language is a special case of that global process, which is based on the constant striving of the human brain to increasingly differentiate individual meanings.

Key Words: *preposition, fluctuations, German press, variation.*

References

1. Elvira L. Shubina: Stilisticheskoe i sintaksicheskoe var'irovanie u nemeckih predlogov [Stilistic And Syntactic Variation Of German Prepositions] //Vestnik MGIMO University. 2014. № 3. P. 240.
2. Elvira L. Shubina; Anna I. Orlova: Funkcional'no-semanticheskie svojstva predlogov pro i je v nemeckojazychnoj presse [Functional-Semantic Characteristics Of Prepositions Pro And Je In The German Press] // Vestnik Kostroma State University. 2017. №1. P. 214–218.
3. Deutsches Referenzkorpus (DeReKo): Cosmas II: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/menu.registration.login.do> [Abgerufen am 12.10.2017].
4. Duden 2013: Duden Online Wörterbuch: http://www.duden.de/rechtschreibung/nahe_naechst_zukuenftig [Abgerufen am 11.07.2014].
5. Di Meola, Claudio 2000: Die Grammatikalisierung deutscher Präpositionen. Tübingen 2000: Stauffenburg Verlag.
6. Di Meola, Claudio 2002: Präpositionale Rektionsalternation unter dem Gesichtspunkt der Grammatikalisierung: das Prinzip der 'maximalen Differenzierung'. In: Cuyckens, Hubert; Radden Günter 2002: Perspectives on prepositions. Tübingen 2002: Max Niemeyer Verlag, 101-129.
7. Di Meola, Claudio 2004: The rise of the prepositional genitive in German - a Grammaticalization phenomenon. In: Lingua 114, 2004, 165–182. Verfügbar unter:<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384103000330> [abgerufen am 11.09.2013.]
8. Duden 2007: Richtiges und gutes Deutsch. Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. Band 9. 6. Aufl. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich 2007: Dudenverlag.
9. Duden 2009: Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Band 4. 8 Aufl. Mannheim 2009: Duden, Brockhaus.
10. Duden 2016: Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Band 4. 9 Aufl. Mannheim 2016: Duden, Brockhaus.
11. Engemann, Jennifer 2013: Veränderungen in der Präpositionsrektion: Der Wechsel vom Dativ (bzw. Akkusativ) zum Genitiv. In: Triangulum. Germanistisches Jahrbuch 2012 für Estland, Lettland und Litauen. Riga/Tallinn/Kaunas 2013: Vilnius Academy of Arts Press, 97-125.

About the author:

Anna I. Orlova – Graduate student of German Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: lexicology of the German language, semantics, linguoculturology, legal translation. E-mail: anna.mp3@yandex.ru.

* * *

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ В ТОПОНИМИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ НЕМЕЦКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО СТОЛИЦЫ)

Т.В. Передреева

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3 а.

В статье рассматриваются описательные названия, или перифразы, которые, по мнению лингвистов, являются обозначениями предметов и явлений действительности, имеющими эмоционально-экспрессивный и оценочный характер и вносящими дополнительную информацию об объекте вторичной номинации. В центре исследования представлены описательные названия двух самых известных немецких топонимов – названий государства и его столицы – Германии и Берлина. Приводятся и анализируются примеры, собранные из Словаря немецкого разговорного языка [Kürper 1997], учебных пособий Д. Г. Мальцевой [Мальцева 1991, 2001] и электронных ресурсов сети Интернет. Столицу Германии часто называют Афинами на реке Шпрее (Spree-Athen), а в сети Интернет она получила названия 'растущего города' (eine wachsende Stadt), города коротких дорог (eine Stadt der kurzen Wege), центром высшего спорта (eine Drehscheibe des Spitzensports) и многонационального рынка труда с возможностями и вызовами для каждого (ein multikultureller Arbeitsmarkt mit Chancen und Herausforderungen für Jedermann). Германия получила такие описательные названия как туристическая Германия (Reiseland Deutschland), как государство международных институтов (Sitzstaat) и международных ярмарок (Messestaat), государства-донора (drittgrößter Beitragszahler der vereinigten Nationen). Перифразы отражают искреннее отношение жителей страны к своей родине и являются важными лингвокультурологическими знаками.

Ключевые слова: описательные выражения, перифразы, имена собственные, топонимы, вторичная номинация, Берлин, Германия.

Вопрос взаимоотношения языка и культуры остаётся одним из самых актуальных направлений лингвистических исследований последнего времени. Активные процессы интеграции людей разных национальностей, присущие странам Европейского Союза, характеризуют жизнь многих современных государств.

Изменения, происходящие в обществе и культуре, безусловно, находят свой отклик в языке народа. Географические названия, сохраняя тесную связь с условиями жизни людей, являются важнейшим ресурсом знаний и хранителями ценнейшей информации об обществе.

Важно отметить, что лингвистов многих стран привлекают так называемые неофициальные названия географических объектов. В своих

работах Е.М. Верецагин и В.Г. Костомаров подтверждают уникальность неофициальных именований и в качестве достоинств описательных выражений называют сочетание «рациональной и образной видов информации», а также их авторитетность [Верецагин, Костомаров 2005: 175]. В лингвистике широко распространён термин «перифраза», часто заменяющий понятие «описательное выражение». Под перифразой понимается «стилистический приём, заключающийся в непрямом, описательном обозначении предметов и явлений действительности (преимущественно эмоционально-экспрессивного, оценочного характера)» [Ярцева 1998: 371].

Как правило, эти описательные выражения подчёркивают важнейшие характеристики име-

нуемого объекта. По словам Г.Д. Томашина, перифразы обычно создаются как описательные эквиваленты названий, вносящие некую дополнительную информацию или характеристику [цит. по Томашин 1982: 121].

Среди лингвистов, исследующих немецкие перифразы в различных аспектах, следует назвать работы Г.З. Розановой (1973) (функционалирование перифраза в прессе ГДР и ФРГ), Д.Г. Мальцевой (1991, 2001) (изучение немецких фразеологизмов, содержащих топонимы). Учёные XXI века продолжают изучение особенностей вторичной номинации: в одной из глав докторской диссертации Т.А. Бурковой (2010) выявляется статус неофициального именованья в лексико-семантической системе языка, К.А. Отт в своей кандидатской диссертации рассматривает функциональный спектр перифразы в современных немецких печатных СМИ (2010), отдельные вопросы употребления перифраз исследуются в работах М. Schwarz-Friesel (2007), S. Heusinger (2004). В кандидатской диссертации К.В. Габдрахмановой на различных примерах топонимов объясняется наличие у них топонимического прозвища (2016).

Итак, в качестве объекта вторичной номинации могут выступать антропонимы и топонимы как наиболее частотные разряды ономастикона любого этносоциума. Д.Г. Мальцева считает, что описательные выражения могут быть неофициальными названиями не только городов, но и «... городских районов и различных регионов страны. Как правило, они характеризуются устойчивостью и употребляются в речи в готовом виде». Автор говорит и об особой «коммуникативной значимости» описательных выражений, при этом обязательно следует открывать изучающим язык их страноведческое содержание. Иначе заложенная в них ценная информация не будет понятна коммуниканту [Мальцева 2001: 18].

Немецкий лингвист В. Флейшер рассматривает онимы не только как состоящие из отдельных слов (*Karl, Leipzig, Elbe*) или словообразовательные конструкции (*Karl-Max-Stadt, Ostsee, Ribnitz-Damgarten*), но и как «единое наименование (номинацию), состоящее из группы слов (*Schwarzes Meer, Freiburger Mulde*)». Речь идёт об изучении имён собственных как групп слов, а именно онимических групп слов.

По мнению учёного, эти словосочетания в первую очередь функционально являются именами собственными, а их структура имеет вторичное значение. Они отличаются от неоними-

ческих наименований преимущественно тем, что они идентифицированно называют отдельные предметы (самого разного характера) [Флейшер 1982: 74, перевод наш – Т.П.].

Немецкий исследователь М. Турмер считает, что употребление определённых имён собственных имеет непосредственное отношение к внеязыковому знанию обозначенных ими объектов. Прежде всего, оно указывает на историческое, политическое или культурное знание и относится к людям, местам, датам и т.д. «Досягаемость» этого знания имеет культурную специфику, т.е. существуют определённые имена собственные и географические объекты, обозначаемые ими, при условии, что знания о них общеизвестны внутри одной культуры. При этом внеязыковое знание внутри языкового и культурного сообщества тесно связано с соответствующим названием [цит. по Турмер 2002: 88, перевод наш – Т.П.].

В данном случае Г. Кальверкерпер указывает на коннотативно сильные именованья (*konnotationsstarke Namen*), связанные с поступками, традициями и культурными образцами. В качестве примеров учёный приводит следующие географические названия: *Atlantis, Canossa, Waterloo, Dresden, Tschernobyl* и другие [Кальверкерпер 1995: 440-447, перевод наш – Т.П.].

В качестве эмпирического материала в данной статье приведены примеры, собранные и проанализированные нами из различных источников: Словаря немецкого разговорного языка [Kürper 1997], учебных пособий Д.Г. Мальцевой [Мальцева 1991, 2001] и электронных ресурсов сети Интернет. В центре исследования представлены описательные названия двух самых известных немецких топонимов – названий государства и его столицы – Германии и Берлина.

Столицу Германии часто называют *Spree-Athen* букв. *Афины на реке Шпрее*. Сравнение со знаменитой греческой столицей неслучайно: этот город подразумевает особую заботу об искусстве и науке, а также о возвращении к античной архитектуре. Эта перифраза вошла в употребление в 1706 году, когда Эрдманн Виркер посвятил одно из своих стихотворений первому прусскому королю [цит. по Kürper 1997: 785, перевод наш – Т.П.].

Журналисты многих СМИ именуют Берлин совершенно по-разному. Так, следующая информация размещена на официальном сайте города: «...*ist nicht nur Regierungssitz, Kulturmetropole und Gründerhauptstadt, sondern vor allem ein*

Ort zum Leben. Im internationalen Rankings wird Berlin immer wieder zu den lebenswertesten Städten weltweit gezählt» букв. ... это не только резиденция правительства, культурная и учрежденная столица, но, прежде всего, место для жизни. По международному рейтингу Берлин относится к самым достойным для проживания городам мира [Электронный ресурс www.berlin.de, перевод наш – Т.П.].

На этом же сайте Берлин представляется как *eine wachsende Stadt* букв. *растущий город*;
eine Stadt, die nicht nur durch Zuzug gewinnt букв. *город, привлекающий не только притоком населения*;

eine Stadt der kurzen Wege букв. *город коротких дорог*;

die grünste Hauptstadt Europas букв. *самая зеленая столица Европы*;

ein attraktiver Wohnort für Menschen aus aller Welt букв. *привлекательное место жительства для людей со всего мира*;

ein multikultureller Arbeitsmarkt mit Chancen und Herausforderungen für Jedermann букв. *многонациональный рынок труда с возможностями и вызовами для каждого*;

eine Drehscheibe des Spitzensports букв. *центр высшего спорта*;

diese spannende Stadt in der Mitte Europas букв. *захватывающий город в центре Европы*;

eine Stadt des Wissens und der Kultur букв. *город знаний и культуры*.

Рассмотрим отдельные перифразы, упомянутые выше. Несмотря на величину города, Берлин называют «городом коротких дорог». Это связано с тем, что сеть общественного транспорта, состоящая из автобусов, трамваев и метро охватывает почти 2.500 км протяжённости линий и непрерывно расширяется и развивается. Проживание в столице – *Wohnen in Berlin* сравнивается с *Wohnen am Puls der Zeit* букв. *жизнь на пульсе времени*. В то время как город ... *befindet sich stetig im Wandel* букв. *постоянно изменяется*. По итогам 2013 года Европейская комиссия присудила Берлину звание «*Barrierefreie Stadt 2013*» букв. *город без барьеров 2013 года*.

Как уже было сказано, Берлин также называют *eine Drehscheibe des Spitzensports*. На олимпийской базе тренируются спортсмены почти по 35 видам спорта. Берлинские спортивные клубы известны по всей Германии и Европе. Ежегодный Берлинский марафон притягивает всемирный поток спортсменов. В эти дни более мил-

лиона зрителей следят за всемирно известными бегунами на длинные дистанции.

Исследователи А.В. Щербакова и Е.В. Милосердова относят топонимы Германии к разряду культурных реалий и делят их на официальные и новые, вторичные. Обе группы топонимов, по мнению этих учёных, «отражают в зеркале немецкого языка искреннее отношение его носителей к своей родине и являются важными лингвокультурологическими единицами немецкой топонимической системы».

Чрезвычайно ярко это показано на примерах неофициальных топонимов, употребляемых параллельно с официальными названиями федеральных земель ФРГ. Так, само название государства Германия имеет несколько неофициальных названий, появившихся вследствие усиливающегося влияния Федеративной Республики Германия в Европе и во всем мире. Вышеназванные ономатологи приводят следующие именованья страны: *Reiseland Deutschland* – *туристическая Германия*,

Sitzstaat – *государство, в котором размещено множество международных институтов*;

Messestaat – *страна, в которой проводится большая часть международных специализированных ярмарок*;

Hochlohnland – *страна, где труд работающих хорошо оплачивается*; *drittgrößter Beitragszahler der vereinigten Nationen* – *одно из основных государств-доноров ООН* [цит. по Щербакова, Милосердова 2011: 721-722].

Имена собственные, представляющие определённую страну, несут важнейшую информацию о национальной культуре народа, обычаях и традиционном образе жизни. Нельзя не согласиться с отечественными учёными Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, утверждающими, что определённое имя собственное является носителем как групповой, так и индивидуальной информации фонового характера. Общеизвестные онимы не только выражают лексическое понятие, связанное с конкретными историческими личностями и географическими объектами, но и имеют свойственный им лексический фон [цит. по Верещагин, Костомаров 2005: 219].

В заключение следует подчеркнуть: активное развитие страны и взаимодействие Германии с другими государствами быстро находят своё отражение в языковых явлениях, во вторичных номинациях, или перифразах, которые являются описательными выражениями, характеризующими Германию и Берлин, в частности, с

разных точек зрения – развития инфраструктуры, заботы о гражданах, экологической обустроенности, содействия спорту. В то же время культурные традиции, веками присутствующие в жизни немцев, оправдывают знаменитую перифразу *Spree-Athen*.

Список литературы

1. Буркова Т.А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке. Дисс. докт. фил. наук. Уфа, 2010, 428 с.
2. БЭС. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., «БЭС», 1998. 690 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. Монография. М., Индрик, 2005. 1040 с.
4. Габдрахманова К.В. Топонимы в современном немецком языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Уфа, 2016. 22 с.
5. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по нем. яз.: уч. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 173 с.
6. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Текст./ Д.Г. Мальцева; 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО Издательство «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 416 с.
7. Отт К.А. Функциональный спектр перифразы в современных немецких печатных СМИ. Дисс. Канд. фил. наук. Иркутск, 2010.
8. Розанова Г.З. Перифраз и его функционирование в прессе ГДР и ФРГ: автореф. дисс. канд. филол. наук. / Г.З. Розанова. М.: МГПИИЯ, 1973. 26 с.
9. Томахин Г.Д. Америка через американизмы. М.: Высшая школа, 1982. 256 с.
10. Щербакова А.В., Миросердова Е.В. Образные топонимы в немецкой лингвокультуре. // Вестник ТГУ, выпуск 12 (104), 2011. с. 717–722.
11. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. VEB. Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. 250 S.
12. Heusinger, S. Die Lexik der deutschen Gegenwartssprache Текст. / С. Heusinger. Wilhelm Fink Verlag GmbH & Co. KG, 2004. 312 S.
13. Kalverkämper, H. Textgrammatik und Textsemantik der Eigennamen Текст. / H. Kalverkämper // Namenforschung. Von E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler u.a. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 440–447.
14. Schwarz-Friesel, M. Sprache und Emotion Текст. / M. Schwarz-Friesel. A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2007. 439 с.
15. Thurmair M. Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder: was sie schon immer über Eigennamen wissen wollten. Anglogermanica online. www.anglogermanica.uv.es (Дата обращения: 10.10. 2016)
16. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache Текст. / Н. Kupper; Pofis-wörterbücher, 1 Aufl., 6. Nachdr. Stuttgart-München-Düsseldorf-Leipzig: Ernst Klett Verlag, 1997. 959 S.1. Художественная литература
17. www.berlin.de Электронный ресурс (дата обращения: 02.04.2017).

Сведения об авторе:

Передреева Татьяна Владимировна – соискатель кафедры романо-германского языкознания БГПУ им. М Акмуллы, учитель МАОУ «Лицей №46». Сфера интересов: лингвокультурология, топонимика немецкого языка. E-mail: tatyana.peredreeva@yandex.ru.

SECONDARY NAMING IN TOPONYMY (ON THE EXAMPLES OF THE NAMES “GERMANY” AND ITS CAPITAL CITY)

T.V. Peredreeva

The Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
ul. Oktyabrskoy Revolutsii, 3a, Ufa, Respublika Bashkortostan, 450000, Russia

The Abstract: *The article focuses on descriptive names, or periphrases, which are according to linguists the names of objects and phenomena possessing emotional and expressive as well as evaluative connotations and introducing additional information about the object of secondary nomination. The article presents descriptive nominations of two most famous German toponyms – the name of the country Germany and its capital Berlin. Under analysis are examples borrowed from the dictionary of German*

colloquial language [Küpper 1997], manuals by D.G. Maltseva [Мальцева 1991, 2001] and electronic resources found in the Internet. The capital of Germany is often called Spree-Athen; in the Internet one may find such descriptive names as 'eine wachsende Stadt', or 'eine Stadt der kurzen Wege', as well as 'eine Drehscheibe des Spitzensports', 'ein multikultureller Arbeitsmarkt mit Chancen und Herausforderungen für Jederman'. Germany has also got the names of 'Reiseland Deutschland', 'Sitzstaat', 'Messestaat', and 'drittgrösster Beitragszahler der vereinigten Nationen'. Periphrases reflect sincere attitude of the citizens to their country and are significant linguo-cultural signs. The article is intended for students and researchers of the German language, it may be interesting for all people who have interest in a place-naming study.

Key Words: *figurative word combinations, periphrases, proper names, toponyms, secondary naming, Berlin, Germany.*

References

1. Burkova T.A. Funktsional'no-stilisticheskoe var'irovanie antroponimov v nemetskom jazyke [Functional and stylistic variety of anthroponyms in German] Diss. dokt. fil. nauk. Ufa, 2010, 428 s.
2. BES. Iazykoznanie / Gl. red. V.N. Iartseva. [Linguistics]. M., «BES», 1998. 690 s.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov, V.G. Jazyk i kul'tura. [Language and culture] Monografiia. M., Indrik, 2005. 1040 s.
4. Gabdrakhmanova K.V. Toponimy v sovremennom nemetskom jazyke. [Toponyms in modern German] Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Ufa, 2016, 22 s.
5. Mal'tseva D.G. Stranovedenie cherez frazeologizmy. [Country study through phraseology] Posobie po nem. jaz.: uch. posobie. M.: Vysshiaia shkola, 1991.173 s.
6. Mal'tseva D.G. Germaniia: strana i jazyk. Tekst [Germany: the country and the language] / D.G. Mal'tseva; 2-e izd., ispr. i dop. M.: OOO Izdatel'stvo «Russkie slovari»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001.416 s.
7. Ott K.A. Funkcional'nij spektr perifrazy v sovremennykh nemetskiikh pechatnykh SMI [A functional range of a paraphrase in modern printed media] Diss. Kand. fil. nauk. Irkutsk, 2010.
8. Rozanova G.Z. Perifraz i ego funkcionirovanie v presse GDR i FRG [Periphrase and its functioning in the media of GDR and FRG]: avtoref. diss. kand. filol. nauk. / G.Z. Rozanova. M.: MGPIIIa, 1973.26 s.
9. Tomakhin G.D. Amerika cherez amerikanizmy [America through Americanisms]. M.: Vysshiaia shkola, 1982. 256 s.
10. Shcherbakova A.V., Miloserdova E.V. Obraznye toponimy v nemetskoj lingvokul'ture. [Imaginative toponyms in German linguoculture]// Vestnik TGU, vypusk 12 (104), 2011, s. 717–722.
11. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. VEB. Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. 250 S.
12. Heusinger, S. Die Lexik der deutschen Gegenwartssprache Текст. / C. Heusinger. Wilhelm Fink Verlag GmbH & Co. KG, 2004. 312 S.
13. Kalverkämper, H. Textgrammatik und Textsemantik der Eigennamen Текст. / H. Kalverkämper // Namenforschung. Von E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler u.a. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 440–447.
14. Schwarz-Friesel, M. Sprache und Emotion Текст. / M. Schwarz-Friesel. A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2007. 439 c.
15. Thurmair M. Eigennamen als kulturspezifische Symbole oder: was sie schon immer über Eigennamen wissen wollten. Anglogermanica online. Available at: www.anglogermanica.uv.es (accessed 10 October 2016).
16. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache Текст. / H. Küpper; Pofis-wörterbücher, 1 Aufl., 6. Nachdr. Stuttgart-München-Düsseldorf-Leipzig: Ernst Klett Verlag, 1997. 959 S.1. Khudozhestvennaia literatura
17. www.berlin.de (accessed 02 April 2017).

About the author:

Peredreeva Tatyana Vladimirovna – PhD applicant, The Bashkir State Pedagogical University named after M. Ak-mulla; the teacher of lyceum №46, Ufa. Spheres of interest: cultural linguistics, the German place-naming study. E-mail: tatyana.peredreeva@yandex.ru.

* * *

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВА «УДИВЛЕНИЕ» В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ)

Г.В. Петрова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

*Удивление (У) – эмоциональное состояние, замкнутое в субъекте (адмирате). В статье анализируются три синтаксические структуры, описывающие ситуацию удивления, и все её параметры: адмират, причина (каузатор) и собственно предикаты удивления. Удивление – преходящая эмоция, непосредственно следующая за её каузатором, и синтаксические структуры, описывающие каузатор, посредством союзов и предлогов указывают на одновременность каузатора и эмоции или непосредственное следование эмоции. Предикаты У являются градуируемыми на шкале интенсивности, могут нести сему положительной/отрицательной оценки или быть нейтральными относительно её. У – неконтролируемая эмоция, но способы её манифестации могут контролироваться. Предикаты У с семой отрицательной оценки часто описываются при помощи сравнения с физиологическими реакциями оцепенения, потери физических или умственных способностей, а предикаты с семой положительной оценки – экстаза ослепления при виде необыкновенного явления. В статье также анализируются условия, при которых предикаты *espantar* и *assombrar*, которые могут обозначать как эмоцию удивления, так и страха (удивлять, пугать), обозначают эмоциональное состояние удивления.*

Ключевые слова: Эмоциональное состояние удивления, предикаты удивления, интенсификация, градуированность, положительная оценка, отрицательная оценка, манифестация, многозначные предикаты.

1. Введение

«Человеческая» лингвистика – одно из современных направлений языкознания, изучающих, в том числе, эмотивные предикаты, то есть предикаты, описывающие эмоции. Удивление (У) – одна из базовых эмоций, которая представляет собой одну из характеристик человека и становится стимулом для познания мира, заставляя человечество развиваться. Эмоция У, являясь универсальной, в разных языках вербализируется по-разному [4]. Заметим, что при лингвистическом анализе эмотивных предикатов нельзя обойтись без данных, предоставляемых смежными науками – психологией, социологией и физиологией человека [5], [11], [7].

Данная работа является продолжением исследования предикатов эмоционального состояния (ЭС) страха [8], в котором выявилось, что

между предикатами страха и У в португальском языке не существует чёткого разграничения, так как между ними находится некая «буферная зона», образуемая глаголами *espantar* и *assombrar* (удивлять, пугать), способными выражать и ту, и другую эмоцию.

В статье рассматриваются средства выражения эмоции У в португальском языке в сопоставлении с русским. При работе использовались дефиниционно-компонентный, этимологический, контекстуальный анализ и сравнительно-сопоставительный метод, при котором русский язык предстаёт также в качестве метаязыка, раскрывающего семантические различия.

По определению П. Экмана, удивление (У) – это самая краткая из всех эмоций, длящаяся не более нескольких секунд [11]. Внешней причиной удивления, по определению К. Изарда, слу-

жит внезапное, неожиданное событие [5]. Это естественная реакция на отклонение от нормы, рационально-эмоциональное состояние от встречи со странным, неожиданным явлением. Необходимая предпосылка У – внезапность, неожиданность, непредсказуемость явления (каузатора У).

У – это эмоциональное состояние, и предикаты У, как все предикаты ЭС, являются одноактантными, так как эмоция замкнута внутри субъекта (А) (экспериенсера, или, по терминологии Н. В. Дорофеевой, адмирата [4]). Для описания ситуации У будут проанализированы следующие параметры: субъект У (адмирал), предикат У и каузатор, или причина эмоции. В качестве иллюстративного материала (около 3 тыс. примеров) используются развёрнутые контексты из базы данных «Corpus do Português» [12]. Примеры взяты из периодики, произведений португальских и бразильских авторов XIX – XXI вв., а также из Интернета.

2. ЭС удивления описывается в португальском языке следующим синонимическим рядом: *admirar-se, assombrar-se, surpreender-se, estranhar-se, espantar-se, pasmar-se, maravilhar-se, atarantar-se, encantar-se, deslumbrar-se, extasiar-se, fascinar-se* [13]. Русский язык описывает ЭС удивления при помощи предикатов: *удивляться, изумляться, недоумевать, поражаться, дивиться, обомлеть, одеревенеть, окаменеть, окостенеть, остолбенеть, оцепенеть, застыть* и др. [10].

Эти предикаты характеризуются степенью интенсивности, способом манифестируемости эмоции У и наличием/отсутствием положительной или отрицательной оценки.

2.1. Синтаксические способы описания эмоции удивления

Как было выявлено в [8], эмоциональные состояния как в русском, так и в португальском языке обычно выражаются тремя синтаксическими структурами: 1. [А+ *verba sentiendi* + имя ЭС]; 2. [Имя ЭС + предикат, обозначающий начало, нарастание, окончание ЭС+А]; 3. [N + каузативный глагол + А + *verba sentiendi* + имя ЭС]. Рассмотрим функционирование этих структур на примере ЭС удивления.

2.1.1. [А+*verba sentiendi*+имя ЭС]

Адмирал *испытывает* удивление (*удивляется*); при этом конструкция обязательно содержит указание на субъект эмоции. Предикаты У могут быть:

1) нерасчленёнными: *русск. удивляться, дивиться, изумляться; порт. admirar-se, assombrar-se, surpreender-se, estranhar, espantar-se, pasmar, maravilhar-se*:

Pasmo sempre quando acabo qualquer coisa. Pasmo e desolo-me. (ateus.net) – Я **удивляюсь** всякий раз, когда что-нибудь заканчиваю. **Удивляюсь** и прихожу в отчаяние.

2) расчленёнными: *русск.*: испытывать удивление /изумление, приходиться в удивление/ изумление; пассивные обороты типа: быть удивлённым /изумлённым, ошарашенным.

Ср. порт.: *sentir /experimentar /ter, estar /ficar cheio de surpresa /admiração /assombro /espanto /pasma /estranheza /maravilhamento; estar /ficar admirado /assombrado /surpreendido /espantado /pasmado (pasma)/maravilhado:*

Sacudiu-a - e ao erguer os olhos, ficou pasmada de se ver tão pálida. (Ежа:Basilio) – Она встряхнула её и, подняв глаза, сама **удивилась**, что так побледнела.

К категории 2.1.1. также относятся обороты, описывающие У путём перечисления физиологических реакций организма на эту эмоцию: *русск.*: *ахнуть, обомлеть, одеревенеть, окаменеть, окостенеть, остолбенеть, оцепенеть, встать как вкопанный, раскрыть/разинуть рот/варежку, челюсть отвисла; тарачить глаза, хлопнуть глазами, разводиться/всплеснуть руками, померять дар речи, впасть в ступор, диву даваться, глазам не верить* [10].

Ср. порт.: *estremunhar, atarantar-se; estar/ficar estremunhado, aparvalhado, atarantado, atônito, aturdido, embasbacado, estupefato, boquiaberto; cair em estupefação:* *Fiquei atônito, embasbacado, estupefato.* (cpadnews.com.br) – Я **потерял дар речи, ошарашенный, остолбеневший.**

2.1.2. [Имя ЭС + предикат, обозначающий начало, нарастание, окончание ЭС+А]

Практически любая эмоция часто описывается как некая активная, действующая независимо от субъекта сила, которая охватывает субъекта, завладевает им. Ср. в порт.:

(a) *Calou-se o velhinho bom, sob a estupefação que nos tomara de assalto.* (ocaminho.com.br) – Добряк-старичок замолк, полный **изумления**, которое вдруг охватило всех нас (*букв. взяло нас приступом*).

(b) *Essa minha estranheza veio porque acompanho todas as ações do Governo do Estado em nossa região.* (asmoimp.blogspot.com) – Моё **удивление** вызвано тем (*букв. пришло потому*), что я слежу за всеми действиями правительства в нашем регионе.

[Имя ЭС + каузативный глагол+А]

В этой конструкции У – активная сила, которая вынуждает А совершать какие-либо действия либо, наоборот, парализует его:

(a) O **pasma** não lhe deu tempo de refletir, comparar e concluir. (biblio.com.br) – Из-за **изумления** он не смог (букв. **изумление** не дало ему) подумать, сравнить и сделать заключение.

(b) A **estupefação** imobilizou a todos. (ft.org.br) – Мы застыли от **изумления**. (букв. **изумление** заставило нас застыть на месте.)

2.1.3. [N+каузативный глагол+A+verba sentiendi+имя ЭС]

Адмирал (A) и каузатор (N) меняются позициями, при этом каузатор попадает в позицию подлежащего, а причина оказывается в позиции дополнения и вызывает У у адмирала, таким образом: N удивляет A; N внушает удивление A; N наполняет A удивлением.

Нерасчленённые каузативные глаголы в русском языке образуют ряд: удивлять, изумлять, поражать, озадачить, огорошить, ошарашить, ошеломлять. Португальская линейка представляет собой ещё более широкий перечень: *estranhar, admirar, surpreender, estremunhar, atarantar, pasmar, estupefazer, estupeficar, encantar, maravilhar, fascinar, extasiar, assombrar, deslumbrar*.

Расчленённые предикаты в этой категории представлены оборотами типа русск. *внушать/пробуждать удивление/изумление, наполнять удивлением/изумлением*; в порт. яз. – *causar / gerar / produzir / provocar, encher de admiração / espanto / pasmo / estupefação / surpresa / estranheza / maravilhamento / assombro*:

Estranhei a pergunta, que me encheu de **espanto**. (Barreto: Cemitério) – Я **удивился** этому вопросу, который наполнил меня **недоумением**.

К этой же категории можно отнести конструкцию [N + ser + adj.], напр.: *ser estranho / surpreendente / espantoso / assombroso*, в которых субъект эмоции может вообще не присутствовать, быть безличным или имплицитным:

É **espantoso** que elas (as pessoas) saibam tão raramente aplicar a sua vontade. (Hugo Hofmannsthal) – **Удивительно**, что людям так редко удаётся проявить свою собственную волю.

3. Эмоции возникают и развиваются по определённому сценарию, в котором Ю.Д. Апресян выделяет пять фаз; это: 1. первопричина эмоции; 2. непосредственная причина эмоции, то есть интеллектуальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта; 3. собственно эмоция; 4. желание продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию; 5. внешнее проявление эмоции

[2]. Как определённый сценарий рассматриваются ЭС стыда и страха в работах [8], [9].

Рассмотрим основные параметры ситуации У: это субъект У (адмирал), каузатор У, собственно предикаты удивления и их семантические параметры: оценка, внешняя манифестация эмоции, её протяжённость во времени и языковая метафора, связанная с У.

3.1. Адмирал. Субъект У, как правило, является одушевлённым человеческим существом:

Teresa maravilhou-se da quietação inesperada de seu pai. (Castelo:Amor) – *Тереза удивилась* неожиданному спокойствию отца.

При метонимическом переносе в позиции субъекта эмоции могут стоять также атрибуты и признаки, свойственные человеку, или понятие коллективного множества людей (вид, лицо, улыбка, взгляд, мир). При этом в португальском языке эти атрибуты могут не совпадать с признаками, допускающими такую сочетаемость в русском языке. Так, в русском невозможна или маловероятна сочетаемость типа: «удивлённые *веселье, *тишина», допустимая в португальском:

(a) E aquele bandão de gente entrou e foi-se acomodando, olhando com ar de **riso pasmado**. (Lopes: Gauchescos) – И вся эта толпа вошла и расселась, **удивлённо** посмеиваясь (букв. смотря *с видом **удивлённого** смеха).

(b) Então o major saiu de seu **silêncio espantado**. (Castilho: Avulsos) – И тогда майор прервал молчание, полное удивления (букв. ***удивлённое молчание**).

(c) Paloma ria-se com um **regalo surpreendido**. (Bessa: Incuráveis) – Паломы смеялись, **удивлённая** (букв. *с **удивлённым** весельем).

3.2. Каузатор У

В русском языке каузатор У выражается следующими синтаксическими конструкциями: *удивляться кому, чему? испытывать удивление перед кем, чем? быть удивлённым кем, чем? удивиться из-за чего?*

В португальском языке каузатор при глаголах *estranhar, admirar-se, pasmar* вводится прямым дополнением без предлога (1 а, б), при возвратных глаголах *admirar-se, surpreender-se* и др., а также при расчленённых предикатах *estar (ficar) pasmado / admirado / maravilhado* и др. – предлогами **com** и **de**, зачастую в одинаковой синтаксической позиции и, по видимости, без изменения смысла, ср. (2) и (3).

Каузатор У также может вводиться предлогом **por** (4), который эксплицирует причинные отно-

шения, а также **ante, diante de, perante, frente** а (5 а-с). Последние свидетельствуют о том, что причина метафорически представляется как физическое явление, в присутствии которого (перед которым, перед лицом которого) возникает эмоция У.

1) (a) Salustiano... pareceu **admirar-se** achar Mariana acompanhada de duas pessoas. (Macedo: Amores) – Салуштиану, казалось, **удивился** тому, что Мариана оказалась в компании двух человек.

(b) **Estranhei** a ausência de qualquer referência ao islamismo. (Folha) – Я был **удивлён** отсутствием какого бы то ни было упоминания об исламе.

2) Por aí, eu olhei minha mulher, **espantado** com a sua reflexão. (Barreto: Cemitério) – И тут я посмотрел на жену, **удивившись** её задумчивости.

3) O barbeiro ficou **espantado** da pergunta. (Machado: Alienista) – Брадобрей **удивился** вопросу.

4) Firmino tirou o chapéu e Alberto imitou-o, **surpreendido** por aquele rosto de outonal beleza e vaga melancolia. (Ferreira: Selva) – Фирмину снял шляпу, и Алберту последовал его примеру, **удивлённый** этим лицом, хранящим следы былой красоты и полным смутной меланхолии.

5) (a) Alguém poderia ficar **pasmado** ante o fato de que... (culturabrasil.org) – Кто-то может **удивиться** тому, что... (*букв. перед* тем, что)

(b) Honestamente, **pasmado** perante o realismo da coisa. (ceticismoaberto.com) – Честно сказать, я испытываю **удивление** перед реализмом этой вещи.

(c) O doutor estava **pasmado** diante do homem que lhe apareceu depois daquela transformação. (Gaio: Mário) – Доктор испытывал **удивление** перед человеком, который предстал перед ним после этого преобразования.

В структуру каузатора могут входить лексемы *удивительный, странный, неожиданный*, но чаще всего причина является нейтральной по отношению к адмиративной модальности и к модальности оценки, которую мы рассмотрим ниже.

Каузатор У может выражаться как одушевлённым (1), так и неодушевлённым абстрактным (2) или конкретным существительным (3), инфинитивом (4) или придаточным предложением (5):

1) существительное одушевлённое: ...aquele sentimento de **maravilhamento** diante dum homem. (saladadecinema.com.br) – ...это чувство **удивления** перед человеком.

2) существительное абстрактное: Andava **pasmado** com a pequenez dos homens que cercavam D. Miguel de Bragança. (Gaio: Mário) – Он был **удивлён** незначительностью людей, которые окружали донна Мигела Браганского.

3) существительное конкретное: Fiquei **pasmado**. Com aquele frontal estreito, com aquele olhar de desvairado, com aquela fisionomia. (Barreto: Caminha) – Я **удивился**. Этому узкому лбу, этому блуждающему взгляду, этой физиономии.

4) пропозицией синфинитивом (личным инфинитивом): Até **estranhei** a senhora não ter comparecido ao velório e ao enterro. (Vieira: Mais) – Я даже **удивился** тому, что госпожа не появилась на ночном бдении и на похоронах.

Как можно видеть из примера (4), пропозиция может выражаться инфинитивной конструкцией и в том случае, если субъект предиката удивления некоррелентен субъекту инфинитива. Эта конструкция не свойственна русскому языку, который прибегает к придаточному предложению.

5) придаточное изъяснительное предложение: Não seria de **admirar** que a prima adoecesse gravemente com aquele modo de vida por ela adotado. (Penna: Menina) – И не **удивительно**, что кузина серьёзно заболела из-за своего образа жизни.

В придаточных изъяснительных после предикатов У во всех случаях употребляется *Modo conjuntivo*, сослагательное наклонение, свидетельствующее об особом виде субъективной (адмиративной) модальности [3].

6) (a) придаточное причины: Foram pedir esmola à Porta Formosa do templo; e ficaram cheios de **pasmado** e **assombro** pelo que lhe acontecera. (apazdosenhor.org.br) – Они пошли просить милостыню у Прекрасной двери храма, и преисполнились **удивления** и **трепета** из-за того, что произошло.

(b) Essa minha **estranheza** veio porque acompanho todas as ações do Governo do Estado. (asmoimp.blogspot.com) – Моё **удивление** вызвано тем, что я слежу за всеми действиями правительства.

7) придаточное времени, герундиальные, инфинитивные или абсолютные конструкции.

3.2.1. Временная ориентированность каузатора У

В синтаксических структурах, описывающих каузатор У, причина эмоции представляется как явление, возникшее одновременно с возникновением У. Поэтому каузатор удивления син-

тактически выражается придаточным времени с союзом *quando* (a), простым герундием (b, c) или конструкцией *a (ao)+infinitivo* (c, d), обозначающими одновременность возникновения причины и эмоции У. Абсолютные инфинитивные конструкции *ao+infinitivo*, обладающие собственным подлежащим, отличным от подлежащего главного предложения, также относятся к данной категории. В отличие от эмоции страха, при которой причина может быть направлена в ретроспекцию, одновременность или в проспекцию (бояться можно уже прошедшего, одновременного или будущего явления), причина удивления относится к моменту, одновременно или непосредственно предшествующему возникновению У:

(a) Por isso mesmo, não **estranhei** quando não mereci resposta. (Cony:Piano) – Именно поэтому я не **удивился**, когда не получил ответа.

(b) O negociante ficou **pasmado**, contemplando o vulto de Antônio. (Rocha:Dusa) – Торговец **удивился**, увидев (букв. рассматривая) лицо Антониу.

(c) e qual minha **surpresa** ao constatar que o mundo estava **pasmado** observando os acontecimentos dos últimos minutos. (casadobrucho.com.br) – и каково же было моё удивление, когда я констатировал (букв. констатируя), что мир пребывает в **изумлении**, наблюдая последние события.

(d) Fosse noutra momento, e ficaria **pasmado** a adivinhar, a sentir crescer-me no corpo uma vaga de calor. (Redol:Fanga) – При других обстоятельствах я бы **удивился**, ощущая, чувствуя растущую в моём теле волну тепла.

Проанализировав эти две составляющие ситуации удивления, перейдём к семантике собственно предикатов удивления.

4.1. Интенсификация

Эмоция У является градуированной и колеблется от сильного потрясения до лёгкого удивления (он слегка удивился). По свидетельствам информантов, предикаты удивления располагаются на шкале интенсивности примерно в следующем порядке: **estranhar**, **admirar**, **surpreender**, **estremunhar**, **atarantar**, **pasmado**, **estupefazer**, **estupeficar**, **encantar**, **maravilhar**, **fascinar**, **extasiar**, **assombrar**, **deslumbrar**. При этом градуированность эмоции может выражаться лексически, (де)интенсифицирующими прилагательными и наречиями *muito*, *grande*, *tamanho*, *bastante*, *(um) pouco*. Заметим, что сочетаемость интенсификаторов с предикатами У в русском языке ограничена: ср. * достаточно удивиться (c), * наполовину удивлённый (d), при том, что

в русском возможно только немного, слегка или сильно удивиться:

(a) ... por ter manifestado de início e sem pudores **tamanha surpresa**, também nunca mais tenha falado no assunto. (Carvalho:Bebados) – ...из-за того, что поначалу она без стеснения выражала своё крайнее удивление, она никогда больше не говорила об этом деле.

(b) E, vendo-a eu, **maravilhei-me** com **grande admiração**. (agrandecidade.com) – И я, увидев её, крайне удивился (букв. удивился с большим изумлением).

(c) José Mingorra ficou **bastante surpreendido** quando o pároco lhe pediu que mandasse aparelhar o carro. (Ribeiro:Planície) – Жозе Мингорра сильно (букв. достаточно) удивился, когда викарий попросил его запрячь коляску.

(d) – Que versos? perguntou **meio espantado**. (Machado:Casmurro) – Какие стихи? – спросил он, слегка (букв. наполовину) удивлённый.

4.2. Оценка

Удивление занимает промежуточное положение между позитивными и негативными эмоциями [5]. Предикаты У, после рациональной оценки причины эмоции, могут приобретать сему положительной или отрицательной оценки, либо оставаться нейтральными. Иными словами, удивление может быть приятным (a), неприятным (b) или нейтральным (c):

(a) Para nossa **agradável surpresa**... (Intrv:ISP) – К нашему приятному удивлению...

(b) Este impugnou-a logo, **dolorosamente surpreendido**. (Cunha:Sertoés) – И тут же, неприятно удивлённый, он оттолкнул её.

(c) O Sr. Lopes olhava **espantado** para aquele mundo que nunca vira. (Alçada:Lacos) – Сеньор Лопеш с удивлением смотрел на этот мир, который он никогда раньше не видел.

Нейтральным относительно оценки является ряд предикатов У: *estranhar*, *admirar-se*, *espantar-se*, *surpreender-se* и их дериваты. Они могут выражать как приятное, так и неприятное У:

...outra **surpresa** nem **agradável** nem **desagradável**... (Comparato:Guerra) – и другой сюприз, ни приятный, ни неприятный...

Удивление с положительной оценкой выражают предикаты *admirar*, *surpreender*, *encantar*, *maravilhar*, *fascinar*, *extasiar*, *deslumbrar*. В некоторых случаях возвратная форма глагола нейтрализирует оценку, заложенную в семантике предиката. Так, *admirar* – восхищать(ся) – несёт положительную оценку, а *admirar-se* (удивлять(ся)) – нейтральную.

Предикаты У с отрицательной оценкой образуют ряд: *estremunhar, atarantar, pasmar, estupefazer, estupeficar, assombrar*.

(a) *Aquela cólera súbita nela, uma pessoa tão doce, atarantou-o como um trovão que estala num céu claro de Verão* (Еҫа:Basilio). – Эта внезапная ярость в таком мягком человеке, как она, **ошеломила** его, как гром среди ясного летнего неба.

(b) *Joana deu um salto, estremunhada*. (Еҫа:Basilio) – Жоана привскочила, **ошарашенная**.

Оценка удивления (приятное или неприятное У) может эксплицироваться контекстом, который описывает знак У. Несмотря на то, что *pasmар* информанты относят к предикатам У с отрицательной оценкой, в примере (a) глагол *admirar* и оценочные слова *espetacular* и *milagre* меняют оценку причастия **pasmо** на положительную:

(a) *Recuperando-se do acidente, estava pasmo, admirando a espetacular natureza e o milagre de sua sobrevivência*. (bancodeescola.com) – Он приходил в себя после несчастного случая, полный **удивления**, **восхищаясь великолепной** природой и **чудом** своего спасения.

А в примере (b) определение *assustado* однозначно определяет оценку существительного **pasmо** как отрицательную:

(b) *Revejo, com um pasmo assustado, o panorama destas vidas*. (ateus.net) – Панорама этих жизней проходит перед моими глазами, и я смотрю на неё со **страхом** и **удивлением** (букв. с **испуганным удивлением**).

4.3. Физиологические реакции организма

Как положительная, так и отрицательная оценка У часто описывается **физиологическими реакциями организма**. Кэрол Э. Изард замечает, что в миг удивленья наш разум как будто становится пустым, все мыслительные процессы словно приостанавливаются, то есть удивление парализует двигательную и мыслительную активность человека [5].

В русском языке эмоция удивления уподобляется физическому параличу или удару по голове: **обомлеть, одеревенеть, окаменеть, окостенеть, остолбенеть, оцепенеть** от удивления. Удивление **ошеломляет** (от «ударить в бою по шелому»), **ошарашивает** (вероятно, от «шарашить» + о-).

В португальском языке эмоция У также описывается при помощи указаний на физиологические реакции организма. Причастия, указывающие на состояние неприятного удивления,

описывают главным образом паралич тела и/или умственных способностей субъекта У:

atarantado – от *укушенный тарантулом*, то есть парализованный;

estremunhado – прямое значение – состояние только что проснувшегося, всё ещё скованного сном человека;

estonteado – от *tonto* – потерявший разум, поглупевший;

estupefacto – букв. оцепеневший, от *лат. stupefactus*, от глагола *stupere* – быть в ступоре + *facere*, делать;

pasmado – от *вульг. лат. pasmus*, от *лат. spasmus* – спазм, паралич, конвульсия;

atónito – от *греч. atonía, as* – слабость;

boquiaberto – *boqui-* + *aberto* – с раскрытым ртом;

embasbacado – от *basbaque* – ротозей, зевака, разиня;

aparvalhado – от *parvo* – глупый;

aturdido – возможно, из *исп. aturdir*, от *tordo* – дрозд, птица, которая теряет голову, наевшись винограда и оливок, и др.

Причастия, описывающие состояние приятного удивления, этимологически связаны с экстазом при виде чуда, ослеплением от вида необыкновенного явления, и т.д.:

deslumbrado – от префикса *des* + *lumbre* (от *лат. lumen-*) – ослеплённый;

fascinado – от *вульг. лат. fascināre* – очаровывать;

extasiado – от *лат. ecstasis* – экстаз;

maravilhado – от *лат. mirabilia*, множ.число от сущ. *mirabilis* – чудесный;

encantado – от *лат. incantāre; in + cantāre* – петь, от заклинаний, которые распевали колдуны.

Удивление манифестируется движениями тела, рук, головы или звуковыми проявлениями (кинемами). Как можно видеть, в португальских литературных текстах состояние удивления описывается при помощи различных мимических, кранеальных, мануальных, корпоральных и звуковых реакций организма [4]: вытаращенных глаз (a), открытого рта (b), прекращения движения (c), непровольного движения назад (d), дрожи (e), потери речи (f) и др.

(a) – *O quê! – explodiu o administrador e arregalou espantado os olhos*. (Penna:Menina) – Что? – взорвался администратор, **удивлённо вытаращив глаза**.

(b) *Vasco surpreendido entreabriu a boca sem perceber*. (Rosa:Retrato) – Вашку, ничего не понимая, **открыл рот от удивления**.

(c) Um momento ele estacou, **surpreendido**. (Botelho:Fatal) – На какое-то время он замер от удивления.

(d) Macário recuou **espantado**, vendo sentado numa cadeira, com o chapéu entre os joelhos, um moço... (Sousa:Missionário) – Макариу отпрянул, **удивлённый**, увидев юношу, сидящего на стуле, со шляпой между колен.

(e) Meneses **estremeceu** e olhou para o amigo, **espantado** e desconfiado. – Quem lho disse? (Machado:Preto) – Менезеш вздрогнул и **испуганно** и недоверчиво посмотрел на друга. – Кто тебе это сказал?

(f) D.Maria ficou por algum tempo muda de **estupefação**. (portalsaofrancisco.com.br) – Дона Мария онемела от **изумления**.

4.4. Контролируемость

Как все первичные эмоции, удивление – эмоция неконтролируемая, ср. невозможность сочетаемости *нарочно/нечаянно *радостно /целеустремлённо удивляться (изумляться). Эти наречия являются показателями параметров [+Contr] и [- Contr]. Однако в человеческой воле контролировать проявления У. Отсюда сочетаемость предикатов У с такими маркерами контроля, как *преодолеть, скрыть, притвориться*:

(a) Ricardina não escondia sua **surpresa**. (Gattai:Cronica) – Рикардина не могла скрыть своего **удивления**.

(b) O rapaz fungiu-se mais **espantado** do que estava. (Lopes:Intrusa) – Юноша притворился более **испуганным**, чем он был на самом деле.

4.5. Протяжённость во времени

По замечанию П. Экмана, «Удивление мгновенно проходит, как только мы осознаём происходящее, и затем превращается в страх, радость, облегчение, гнев, отвращение и т. д. в зависимости от того, что нас удивило, или же после удивления может не наблюдаться никаких эмоций, если мы определим, что удивившее нас событие не имело для нас последствий» [11]. Таким образом, У – эмоция недолговечная и, после рациональной оценки каузатора, быстро переходящая в другие эмоциональные состояния:

Fiquei olhando a expressão do mudar de tranqüilo para chocado, de chocado para **pasmo** e de **pasmo** para... Feliz? (fanficsobssession.com.br) – Я смотрел, как выражение его лица меняется от спокойного до возмущённого, от возмущённого до **удивлённого**, от **удивлённого** до ... **счастливого**?

В текстах, однако, мы встречаем описание непреходящего удивления (а). В подобных контекстах и причина У может быть обращена в

будущее, в перспекцию (с). Заметим, что при этом происходит семантический сдвиг, и предикат удивления обозначает уже не эмоцию, а интенциональный акт (а), или же акт речи (b), при котором *рацио* субъекта ищет разгадку непонятого явления:

(a) Minha **surpresa** permanece a mesma. Por que iriam querer atirar em Júlio? (Garcia:Silencio) – Я не перестаю удивляться. Зачем им стрелять в Жулиу?

(b) Senhora não acabava de **se admirar**: – No Maranhão! Eu nunca soube. (Queirós:Dora) – Женщина не переставала удивляться: – В Мараньяне? А я и не знала!

(c) Главное для меня – не переставать удивляться. Перед отходом ко сну я непременно даю себе наказ с утра пораньше обнаружить что-нибудь **удивительное**. (Рэй Брэдбери)

5. Языковая метафора

Эмоции концептуализованы в различных конвенционализированных языковых метафорах (или метонимиях) [1, с. 91]. Лингвистическая метафора с предикатами У ограничивается сочетаемостью с *encher, cheio de* (наполнять, полный чем-л.), *tomado de* (охваченный чем-л.), что подразумевает восприятие У как жидкой субстанции (а) (b), или с глаголом *despertar* (пробуждать), который отсылает к аллюзии на некую дремлющую силу (с):

(a) O general, o almirante e o major enchiam de pasmo aqueles burgueses pacíficos, contando batalhas em que não estiveram. (biblio.com.br) – Генерал, адмирал и майор **изумляли** (букв. наполняли удивлением) этих мирных буржуа, рассказывая о битвах, в которых не участвовали.

(b) As pessoas que ali estavam, tomadas de pasmo, começaram a discutir o sucedido. (bibleserver.com) – Люди, которые там находились, **полные удивления** (букв. охваченные удивлением), принялись обсуждать происшествие.

(c) As pessoas cegas costumam despertar atenção, curiosidade e **estranheza**, ao fazer compras, combinar peças do vestuário, lidar com talheres. (bancodeescola.com) – Когда слепые делают покупки, подбирают детали туалета, управляют со столовыми приборами, они обычно привлекают внимание, вызывая (букв. пробуждая) любопытство и **удивление**.

«Ошеломлённый от удивления» подразумевает, что У воспринимается как шок, физический удар (d), а сочетаемость с «противостоять» показывает, что У воспринимается также как физическое препятствие (е):

(d) *Aturdido de surpresa* o cocheiro fustigou com vigor as duas parelhas. (Novaes:Maio) – Кучер, вне себя от удивления (букв. ошеломлённый от удивления), хлестнул кнутом обе упряжки.

(e) Porque só assim o ser humano enfrenta a *surpresa*. (Novaes:Maio) – Ибо только так человеческое существо может противостоять удивлению.

6. Удивление vs страх

Психологи, описывающие эмоцию удивления, утверждают, что удивление переходит в страх, при условии, если неожиданная ситуация вдруг окажется опасной. У и страх – это две, не идентичные, но возможно следующие одна за другой эмоции. Их физиологические проявления не совпадают.

Так, Пол Экман замечает: «Выражение испуга совершенно противоположно выражению удивления. Чтобы вызвать испуг у ничего не подозревавших объектов моего исследования, я неожиданно стрелял холостыми патронами из пистолета. Практически немедленно их глаза закрывались (при удивлении они раскрываются), брови опускались (при удивлении они поднимаются), а их губы становились напряжённо растянутыми (при удивлении нижняя челюсть опускается)» [11]. Заметим, что эмоция сильного страха вызывает озноб, похолодание конечностей, волосы экспериментатора встают дыбом [8]. Подобные реакции совершенно не характерны для удивления.

Удивление и страх – понятия переплетающиеся и переходящие одно в другое. Неожиданное событие способно вывести человека из состояния покоя, поскольку возникает опасность оказаться неподготовленным к нему: «Неожиданность – это ещё один тип ситуаций, которые могут оказаться неподконтрольными человеку. (...) Речь идёт ... о несовпадении ожиданий и реальности» [6, с. 169]. Поэтому неожиданное явление вызывает не только У, но и страх:

Não se compreendia bem esse *pasmo*, esse *espanto*, esse *terror* do povo por aquela casa imensa, severa. (biblio.com.br) – Не вполне были понятны это удивление, этот страх, этот ужас людей перед этим огромным и строгим домом.

В португальском языке существует два предиката, способные означать как удивление, так и страх: это *assombrar* и *espantar*. Не все контексты с этими глаголами позволяют однозначно трактовать ситуацию. Действительно, как отмечается в [8], в некоторых примерах эти предикаты могут интерпретироваться двузначно:

(a) A mesma sensação de *assombro* galvanizava-lhe o espírito, a despeito do espectáculo ter perdido o sabor de coisa inédita (Cabral:Margem). – Разум его трепетал от всё того же ощущения **страха** (?**удивления**), несмотря на то, что зрелище потеряло вкус чего-то невиданного.

(b) Sim, o mundo *espantou-se* há um ano. Sim, passaram esses dias todos mas o *espanto* não passou de todo. (Expresso) – Да, год назад мир **удивился** (?**испугался**). Да, прошли все эти дни, но **удивление** не прошло (?**страх** не прошёл).

Однозначное толкование данных предикатов и их дериватов зависит от контекста. Основной «лакмусовой бумажкой» являются, главным образом, описываемые физиологические реакции:

(a) Eu *tremia*, de puro *assombro*, ante o olhar vitorioso de Honório. (Costa: Excentricos). – Я дрожал от **страха** под победным взглядом Онорио.

(b) *Tinha os olhos abertos e parados* num último *assombro*. (Ferreira:Selva). – Его широко открытые глаза застыли от предсмертного **ужаса**.

Глагол *assombrar* (от *sombra* – тень) в прямом значении обозначает *бросать тень на что-л., затенять что-л.* Вполне понятно, что предмет, появляющийся из тени, может вызывать страх. Поэтому в ситуациях появления призрака или воскрешения из мёртвых этот глагол обозначает *испугать*:

No meio dos vivos é que não pode ser o lugar deles – só fazer *assombro*, tirar o juízo, criar confusão. E medo. Sim, e medo. (Queirós:Galo) – В мире живых им не место – они могут только **пугать**, лишая разума, сеять смятение. И страх. Да, и страх.

Глагол *espantar* (от вульг. *лат.* * *expaventare* < *лат.* *expavere* – страшиться) этимологически также относится к семантическому полю страха. Таким образом, значение *внушать страх* для этих глаголов – первичное, а значение *внушать удивление* стало вторичным, в результате семантического сдвига. Однако в современном языке употребление этих глаголов в значении ‘удивлять’ намного более частотно: из 321 проанализированных примеров с *assombrar* (*assombro*) из Corpus do Português [12] лишь 48 можно считать обозначением страха, остальные относятся к кластеру «удивление». Из 428 примеров с *espantar* (*espanto*) только 15 безусловно обозначают страх.

У относится к окультуренным (высшим) эмоциям, присущим только людям, а страх, соответственно – к низшим эмоциям. Поэтому в том случае, если субъект предиката *espantar-se* обозначает животное, предикат однозначно интерпретируется как глагол страха:

Mas o cavalo **espantou-se** com um tiro perdido. (Chiavento:Meninas) – Но лошадь **испугалась** случайного выстрела (*удивилась выстрелу).

В том случае, если при каузативном глаголе *espantar* стоит дополнение, выраженное неодушевлённым существительным, глагол приобретает значение «отпугивать, прогонять, развеивать» [6, с. 128]:

Para **espantar o tédio**, acelerou o tempo. (Folha de São Paulo) – Для того, чтобы **рассеять скуку**, он заставил время нестись быстрее.

Как можно видеть, для носителей португальского языка ЭС страха и У представляют некий континуум и могут переходить друг в друга, в то время как в русском языке эти два семантических поля чётко разграничены и не пересекаются.

7. Заключение

Таким образом, У – это ЭС, появляющееся при возникновении неожиданной ситуации. Для его описания были выделены три универсальные синтаксические структуры, вводящие эмоции, и проанализированы все составляющие данной структуры: адмират (субъект У), сам предикат У и каузатор У. Исследование основных параметров предикатов У показало, что они могут нести сему положительной (**admirar, surpreender, encantar, maravilhar** и др.), отрицательной

(**estremunhar, atarantar, pasmar, estupeficar** и др.) оценки, либо быть нейтральными относительно оценки эмоции (**estranhar, admirar-se, espantar-se, surpreender-se** и их дериваты). У возникает одновременно с причиной или непосредственно после её появления; это ограниченное во времени, градуируемое, манифестируемое и неконтролируемое ЭС, при том, что внешняя манифестация У может контролироваться. У характеризуется полной или частичной иммобилизацией физических и/или психических способностей адмирата, поэтому оно часто выражается оборотами, описывающими реакцию организма на эту эмоцию: *русск. обомлеть, одеревенеть; встать как вкопанный, разинуть рот* и др.; *порт. estremunhar, atarantar-se; estar/ficar estremunhado (aparvalhado, atarantado etc.)*.

Португальские глаголы *assombrar* и *espantar* и их дериваты, способные выражать как ЭС страха, так и У, могут трактоваться как предикаты У при определённых условиях, описанных в данном исследовании. Как можно видеть, семантические поля этих ЭС в португальском языке представляют собой непрерывный континуум эмоций У и страха, переходящих одна в другую, в то время как в русском языке эти два семантических поля чётко разграничены и не пересекаются.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Эмоции: современные американские исследования. // Семиотика и Информатика. М., 1995, т. 34, с. 82–97.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. М: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
3. Вольф Е.М. Главы из книги «Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний». // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность / Е.М. Вольф. М: ИЯ РАН. 1996, с.137–166.
4. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт: Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.
5. Изард Кэррол Э. Психология эмоций. Глава 8. Удивление-изумление. / Кэррол Э. Изард. М.–Санкт-Петербург. 2009. 252 с.
6. Иоанесян Е.Р. Способы номинации страха в языке. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов [Электронный ресурс]. / Е.Р. Иоанесян // 2012. вып. 4. Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/sbornik_kiya.pdf (дата обращения 9.12.2017)
7. Кутковой Н.А. Удивление как предмет социально-психологического исследования. // Национальный психологический журнал. 2013. № 3(11). с. 47–53.
8. Петрова Г.В. Семантическое поле слова «страх» в русском и португальском языках. // Древняя и новая Романия. СПб., 2016. Том 17 № 1 (17). с. 502–520.
9. Петрова Г.В. Семантика слова «стыд». Опыт семантического исследования предикатов эмоционального состояния с семой отрицательной оценки в русском и португальском языках / Г.В. Петрова // Филологические науки в МГИМО. Сб. научных трудов. М.: МГИМО, 1999. № 1(16). с. 76–89.
10. Словарь русских синонимов, онлайн версия. // [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-4710.htm> (дата обращения 9.12.2017)
11. Экман Пол. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. Глава 7. Удивление и страх. / Пол Экман. СПб: Питер. 2010. 336 с.
12. Corpus do Português. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.corpusdoportugues.org/> (дата обращения 9.12.2017)
13. Dicionário de Sinônimos Online. // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.sinonimos.com.br/surpreender/> (дата обращения 9.12.2017)

Сведения об авторе:

Петрова Галина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, кафедр романских языков МГИМО.
Email: galia.petrova@mail.ru.

THE SEMANTIC ANALYSIS OF THE PREDICATES OF SURPRISE IN PORTUGUESE AND RUSSIAN

Galina Petrova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

The Abstract: *Surprise is an emotional state contained within the subject. The article analyses three syntactic structures that describe the situation of surprise with all the parameters: the subject, the cause and the predicates of surprise proper. Surprise is a fleeting emotion, immediately following its cause that is expressed by propositions and subordinates describing the cause of surprise. The predicates of surprise are graduated on the scale of intensity and can contain a seme of positive/negative evaluation, or be neutral about it. Surprise is an uncontrollable emotion, but the modes of its manifestation can be controlled. Predicates of surprise containing the seme of negative evaluation are often described as compared to the physiological reactions of stiffness, loss of physical or intellectual capacities, while predicates containing positive evaluation are compared to ecstasy in the face of something extraordinary. The article also analyses conditions which make polysemantic predicates 'espantar' and 'assombrar' signify the emotional state of surprise.*

Key Words: *Emotional state of surprise, predicates of surprise, intensification, graduality, positive evaluation, negative evaluation, manifestation, physiological reactions, polysemantic predicates.*

References

1. Apresian V.Iu. Emotsii: sovremennye amerikanskije issledovaniia [Emotions: Contemporary American Studies]. Semiotika i Informatika. 1995, v. 34, p. 82–97.
2. Apresian Iu.D. Izbrannye trudy. T.2. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaja leksikografija [Selected Works, Vol. 2 The Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1995.
3. Volf E.M. Glavy iz knigi "Funktsional'naja semantika. Opisanie emotsional'nykh sostoianij" [Chapters from the book "Functional Semantics. A Description of Emotional States"]. Funktsional'naja semantika. Otsenka, ekspressivnost', modal'nost' Moscow, IJa RAN. 1996, p.137–166.
4. Dorofeeva N. V. Udivlenie kak emotsional'ny kontsept: Avtoref. dis... kand. filol. nauk. [Surprise as an emotional concept: Abstract of PHD diss.].] Volgograd, 2002. 19 p.
5. Izard Carroll E. The Psychology of Emotions. Chapter 8: Surprise-Startle. Springer Science & Business Media, 1991. 452 p. (Russ. Ed.: Izard Kerrol E. Psikhologija emotsii. Glava 8. Udivlenie-izumlenie. Moscow – Sankt-Petersburg, Piter, 2009. 464 p.)
6. Ioanesian E.R. Sposoby nominatsii strakha v jazyke [Ways of nomination of the word Fear in a language]. Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh jazykov. Periodicheskij sbornik nauchnykh trudov, 2012, no. 4. Available at: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/sbornik_kiya.pdf (Accessed 9 Dezember 2017)
7. Kutkovo N.A. Udivlenie kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniia. [Surprise as the object of socio-psychological study]. Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2013, № 3(11), p. 47–53.
8. Petrova G.V. Semanticheskoe pole slova «strakh» v russkom i portugal'skom jazykakh [Semantic field of the word *Fear* in Russian and Portuguese]. Drevnaja i novaja Romanija, 2016, v. 17 № 1 (17), p. 502–520.
9. Petrova G.V. Semantika slova "styd". Opyt semanticheskogo issledovaniia predikatov emotsional'nogo sostoianija s semoi otritsatel'noi otsenki v russkom i portugal'skom jazykakh [Semantics of the word *Shame*. An attempt of analysis of the predicates of emotional state containing the seme of negative evaluation in Russian and Portuguese]. Filologicheskie nauki v MGI-MO. Moscow, 1999, № 1(16), p. 76–89.
10. Slovar' russkikh sinonimov, onlain versija. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-4710.htm> (Accessed 9 Dezember 2017)
11. Ekman Paul. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. Ch. 7: Surprise and Fear. New York, Paperback, 2007. 304 p. (Russ. ed.: Ekman Pol. Psikhologija emotsii. Ia znaiu, chto ty chuvstvuesh'. Sankt-Petersburg, Piter, 2010. 336 c.)

12. Corpus do Português. Available at: <http://www.corpusdoportugues.org/> (Accessed 9 Dezember 2017)
13. Dicionário de Sinônimos Online. // Available at: <https://www.sinonimos.com.br/surprender/> (Accessed 9 Dezember 2017)

About the author:

Petrova, Galina V. – PhD (Romanic Languages), Associate Professor of Romanic Languages Department, MGIMO.
E-mail: galia.petrova@mail.ru.

* * *

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «STRENGTH» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.О. Шевелева

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38, стр.1

В статье проводится комплексный анализ механизмов репрезентации представлений о «Strength» в семантике одноимённой лексической единицы, выявляются важнейшие концептуальные элементы, из которых складывается концептуальная база – фрейм «Strength», как то: «субъект», «способность» и «активная деятельность», устанавливаются векторы развёртывания фрейма в контексте. В качестве источников контекстов используются примеры, приведённые в словарных статьях к лексеме «strength», а также данные Британского национального корпуса. В результате выявляется весь спектр представлений о «Strength» и устанавливаются концептуальные основания реализации этих представлений в семантике единицы «strength».

Ключевые слова: концепт, семантическая структура слова, концептуальные признаки, концептуальные основания, фрейм.

Современная отечественная когнитивная лингвистика характеризуется устойчивым интересом учёных-лингвистов к механизмам осмысления и закрепления ментальных сущностей в семантике языковых единиц. Свою глобальную задачу исследователи видят в поиске концептуальных оснований разноструктурных единиц языка, в попытке фиксации и интерпретации различных средств и способов языкового воплощения тех или иных ментальных категорий и концептов. Связь семантики языковых единиц с определёнными концептуальными структурами признаётся и всесторонне исследуется в отечественной (см., например, работы Е.С. Кубряковой [3], Е.Г. Беляевской [1], Рахилиной Е.В. [6] и др.) и зарубежной лингвистике (см., например, работы Ч. Филлмора [7], Л. Диллона [14], В. Иванса [15] и др.). По мнению Т. Н. Малаяр, «в современном языкознании семантические исследования рассматриваются как «ключ», открывающий дверь в концептуальные системы, которыми оперирует человеческое сознание» [5, с. 333].

Находясь в русле таких актуальных и перспективных научных исследований, настоящая статья продолжает цикл работ, посвящённых изучению разнообразных особым образом структурированных массивов лексических единиц, за которыми стоят базовые ментальные сущности того или иного социума.

Одним из наиболее важных в онтологическом и гносеологическом плане ментальных фрагментов англоязычного сознания является концепт «Strength».

Цель статьи – выявить специфику реализации идеи «Strength» в англоязычном сознании на основании когнитивной интерпретации результатов семантического и контекстуального анализа имени концепта – лексической единицы «strength».

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. провести дефиниционный и компонентный анализ единицы «strength»;
2. выявить наиболее значимые семантические признаки «strength»;

3. выявить наиболее значимые концептуальные признаки «strength»;

4. представить выявленные признаки в виде схематизированного конструкта, отражающего представление о «strength» в языковом сознании англичан, – фрейма;

5. провести контекстуальный анализ единицы «strength» с целью уточнения и детализации выявленного фрейма;

6. построить детальный фрейм «strength», отражающий специфику концептуализации исследуемого фрагмента действительности в английском языке.

В работах по семантике компонентный анализ традиционно используется как важнейшая составляющая анализа семантической структуры лексических единиц. В этой связи особое значение придаётся словарным дефинициям лексем как средству их «компонентного портретирования». Важно и то, что словарная дефиниция, носящая объяснительный характер [2, с. 54], выражает то значение, которое является инвариантным, надындивидуальным и обязательным для всех членов языкового коллектива [4, с. 97]. То есть максимально подробное изучение компонентного состава лексемы, анализ и синтез выявленных компонентов позволяет выделить набор семантических признаков, формирующих смысловое содержание лексемы.

Рассмотрим в качестве примера трактовку единицы «strength» по одному из самых авторитетных толковых словарей современного английского языка – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S. Hornby (OALD) [20, с.1517].

Strength

1. the quality of being physically strong;
2. the ability that smth has to resist force or hold heavy weights without breaking or being damaged;
3. the quality of being brave and determined in a difficult situation;
4. the power or influence that smb or smth has;
5. the quality of how strong or deeply felt an opinion or a feeling is;
6. a quality or ability that a person or thing has that gives them an advantage;
7. the quality of how strong a national force is;
8. the quality of how strong a particular flavor or substance is;

9. the quality of how strong a country's currency is in relation to other countries' currencies;

10. the number of people in a group, a team or an organization.

Из приведённых дефиниций видно, что в структурно-семантическом отношении лексическая единица «strength» обладает достаточно разветвлённой системой значений, отражающих различные смысловые аспекты анализируемого фрагмента действительности.

Изучение компонентного состава полисемантической лексемы «strength» в расширенном варианте¹ показывает, что её смысловое содержание представляет собой сложный набор, совокупность семантических признаков различного статуса. Одни признаки имеют доминантный статус, то есть они занимают ядерную зону конкретного значения изучаемой лексемы и зафиксированы в подавляющем большинстве ЛСВ. Другие признаки являются менее значимыми для реализации общего представления о такой абстрактной сущности, как «strength». Например, в совокупной семантике единицы «strength» по словарю OALD представлены такие признаки, как «качество», «способность», «физическая сила», «субъект», «активная деятельность», «сопутствующие обстоятельства», «результат», «количество», «интенсивность», «экономические показатели», «концентрация». Очевидно, что не все из перечисленных признаков играют ключевую роль, то есть являются доминантными. Под термином «семантические доминанты» понимаются «основные семантические признаки, составляющие содержание изучаемой сущности и отражающие ту идею, которая позволяет объединить определённые лексические единицы» в семантическое поле [9, с. 33]. В самом общем смысле совокупное содержание лексемы «strength» направлено на передачу идеи о способности (семантический признак «способность») субъекта (семантический признак «носитель способности»), позволяющей ему (потенциально и/или реально) совершать те или иные действия (семантический признак «активная деятельность»). Общеизвестно, что семантические признаки являются воплощением концептуальных признаков на языковом уровне, поэтому в результате экстраполяции выявленных семантических признаков на более высоком уровне абстрагирования в концептуальные признаки обнаружено, что семантика единицы

¹ Кроме OALD [20] использовались также данные словарей CALD [11], CED [13], MED [17].

«strength» базируется на наборе концептуальных элементов, формирующих её концептуальное основание. Объединение этих признаков даёт представление о том, что есть «strength» в самом общем, максимально абстрактном виде: *способность субъекта к активной деятельности*.

Выявленная концептуальная база (фрейм) выполняет следующие важные функции:

- 1) структурирует каждое отдельное значение исследуемого полисеманта;
- 2) организует структуру лексемы в целом.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время фреймовый подход к анализу семантики языковых явлений набирает обороты. Статус фрейма стремительно меняется. Из модели представления знаний, структуры сознания, призванной отражать определённый фрагмент знаний и опыта человека, фрейм на современном этапе развития когнитивной лингвистики превращается в удобный и, с нашей точки зрения, весьма удачный инструмент и даже метод анализа разнообъёмных групп лексики [1, с. 22]. В этой связи необходимо обратить особое внимание на то, что применение фреймового метода позволяет современным исследователям в области когнитивной лингвистики перейти от описательного принципа анализа языкового материала к объяснительному, или экспланаторному.

Продолжая исследование, скажем, что выделенные концептуальные элементы – «субъект», «способность», «активная деятельность» – по инференции складываются в схематизированный конструкт, или модель, отражающую проекции такой абстрактной сущности, как «Strength», в семантику единиц-репрезентантов одноимённого концепта.

В процессе коммуникации каждый из выделенных выше концептуальных элементов – слотов фрейма – наполняется конкретным содержанием, поэтому изучение функционирования единицы «strength» в контексте позволило усложнить исходную модель.

Так, субъекты, обладающие «strength»², могут быть как одушевлёнными, так и неодушевлёнными. К одушевлённым субъектам можно отнести отдельного индивида (Strength_{n7} – the quality or ability that gives **somebody** the advantage [16, с.1428]; **She had enormous reserves of mental strength** to draw on [18, с.785]), группу лиц, обладающих различным социальным статусом, а

также животных. К неодушевлённым субъектам по результатам анализа были отнесены природные явления, небесные светила, физические параметры вкуса, цвета, запаха, строительные объекты, произведения искусства и некоторые другие (The outward appearance of **the castle** is still nearly entire, the great strength and solidity of its walls having resisted the ravages of time and man [16, с.1428]).

Анализ словоупотреблений единицы «strength» в контексте показывает, что как одушевлённый, так и неодушевлённый субъекты могут обладать физической силой. При этом под физической силой одушевлённого субъекта мы понимаем силу мускулов и мышц, в то время как физическая сила неодушевлённых субъектов понимается как та, что измеряется при помощи различных приборов и служит термином физических наук. Так, в смысловом содержании единицы «strength» заложен семантический признак, служащий для передачи яркости свечения (I have doubts about the strength of that beam in the ceiling [16, с.1428], концентрации вещества (жидкости или газа – the strength of coffee; the strength of an acid [19, с. 381]), прочности материала (the strength of a rope; the strength of materials [19, с.381]) и т.п.

Что же касается одушевлённого субъекта, то, помимо физической силы, он может обладать и психической силой, при этом речь может идти только о человеке как носителе психической силы. Под психической силой мы понимаем силу определённых психических состояний, традиционно разделяемых на эмоциональные и ментальные [8, с.5]. Сила эмоциональных состояний рассматривается нами как сила проявления тех или иных эмоций и чувств (The Tories underestimated the strength of public feeling against the pit closure programme [10]). Силу ментальных состояний мы трактуем как силу интеллекта и силу воли (Those two tragedies have given me the strength to want to help others [10]).

Лексикографические трактовки содержания лексемы «strength» позволяют говорить и о том, что англоязычный социум приписывает обладание «strength» целому ряду лиц и абстрактных понятий, обозначающих различные политические, экономические, культурные явления, концептуализируя, таким образом, ещё один вид «strength» – социальную силу: strength_{n3} – power

² В данной статье мы рассматриваем единицу «strength» как абстрактное имя-субстантив, поэтому мы выносим за рамки исследования те значения «strength», где семантика передаёт более конкретное значение – средоточие групп военных и вооружений (военной техники).

in military, political or economic situation: the strength of the economy [17, с.1418]. Контексты употреблений единицы «strength» в значении «социальная сила» показывают, что областями действия подобного рода силы могут служить военная, политическая, экономическая сферы, сфера образования и науки.

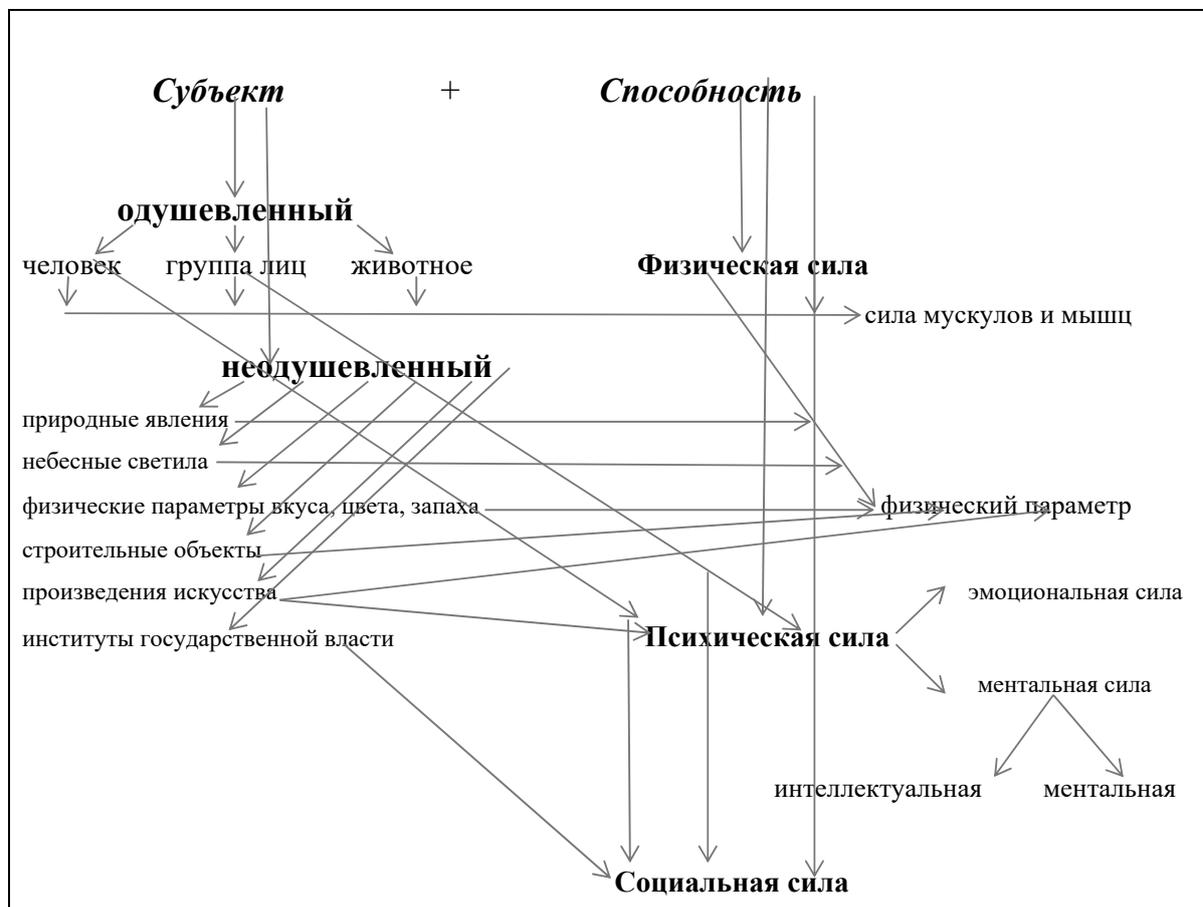
Итак, в процессе анализа контекстных реализаций единицы «strength» исходная фреймовая структура была детализирована, что позволило усложнить выявленную ранее базовую концептуальную модель (Схема №1).

Предлагаемая модель визуализирует семантические и, как следствие, концептуальные связи между элементами фрейма, отражая всё многообразие направлений концептуализации такой ментальной сущности, как «Strength».

При рассмотрении Схемы № 1 очевидно отсутствие концептуального элемента «активная деятельность», выделенного в качестве одного из основных концептуальных элементов в результате анализа лексикографического описания единицы «strength». Дело в том, что интегральное описание смыслового содержания единицы «strength», то есть учёт её семантических, концеп-

туальных и контекстуальных (коммуникативных) особенностей, позволяет говорить о разном концептуальном статусе выделенных элементов. Два из трёх элементов – способность и субъект – приобретают статус доминантных, то есть отражают квинтэссенцию того, что есть феномен «Strength» – заложенная в субъекте потенциальная способность. Таким образом, «Strength» концептуализируется как статическая категория, описывающая качество одушевленного или неодушевленного объекта, заложенное внутри него. Третий элемент – активная деятельность – безусловно, важен для понимания специфики «Strength». Поскольку этот элемент присутствует в словарных толкованиях семантики единицы, он непременно будет реализовываться в контексте. Очевидно, что такая реализация возможна благодаря важнейшему свойству фрейма – фокусировке, так как обычно в общей фреймовой структуре концептуальный элемент «активная деятельность» находится в некоторой «тени». Таким образом, фокусировка выполняет очень важную функцию – позволяет вывести на передний план тот концептуальный элемент, который придаёт идее «Strength» динамический характер, не присущий ей онтологически.

Схема № 1. Детализированный фрейм «Strength».

Проведённый комплексный анализ семантического содержания лексемы «strength» позволяет сделать некоторые **выводы** о специфике репрезентации соответствующей идеи в совокупной семантике имени концепта:

1) лексема «strength» представляет собой полисемантическую единицу со сложной структурой и семантически насыщенным содержанием;

2) смысловое содержание единицы «strength» определяется совокупностью семантических признаков различного статуса;

3) доминантными семантическими признаками являются «способность», «субъект» и «активная деятельность»;

4) фрейм «strength», структурирующий как каждое отдельное значение лексемы «strength», так и определяющий представления о «strength» в целом, можно представить как «(потенциальная) способность субъекта к активной деятельности»;

5) концептуальный элемент «активная деятельность» также носит доминантный характер,

однако реализуется в контексте за счёт свойства фокусировки-дефокусировки фрейма;

б) в контексте каждый из слотов фрейма наполняется конкретным содержанием, что позволяет выявить всё многообразие видов «strength» и её носителей (субъектов).

В заключение необходимо подчеркнуть, что согласно данным идеографического словаря П.М. Роже Roget's International Thesaurus [12], концепт «Strength» представлен в современном английском языке широким пластом лексических единиц. Очевидно, что все эти единицы не существуют в языке разрозненно. Помимо двух важнейших функций фрейма, упомянутых в статье, фрейм выполняет и ещё одну, крайне важную функцию – объяснительную. С его помощью можно объяснить лексическое наполнение соответствующего поля (с нашим случае, поля «Strength»), поскольку именно фрейм служит тем самым концептуальным «фильтром», определяющим взаимосвязь и взаимоположение языковых репрезентантов различных ментальных образований – концептов.

Список литературы

1. Беляевская Е. Г. Когнитивная лингвистика: параметры парадигмы [Электронный ресурс] // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 13–23. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_57.pdf
2. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Лаврова Н. А. Значение и смысл слова в речевой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». М.: Издательство МГОУ, 2009. № 3. С. 94–97.
5. Маляр Т. Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий: дис.... д-ра филол. наук. М. 2001. 389 с.
6. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: УРСС, 2002. с. 370–390.
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 52–93.
8. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2010. 272 с.
9. Шевелева Е. О. Семантические доминанты смыслового пространства «Power» («Сила») в современном английском языке. Дис. ...канд. филол. наук.: М. 2015. 230 с.
10. The British National Corpus [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Third Edition. Cambridge University Press 2008. 1700 p.
12. Chapman R. L. Roget's International Thesaurus /Fourth ed. Thomas Y. Crowell Company, INC. 1977. 1239 p.
13. Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers 2010. 1899 p.
14. Dillón L. George Introduction to Contemporary Linguistic Semantics. Presence-Hall, INC., Englewood Cliffs, New Jersey, 1977. 150 p.
15. Evans V. How words mean: Lexical concepts, cognitive models and meaning construction. – Oxford: Oxford University Press. – 2009. – 396 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with new words supplement. Pearsons Education Limited, 2001. 1668 p.
17. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Bloomsbury Publishing Plc. 2002. 1692 p.
18. Macmillan Collocation Dictionary for Learners of English. Macmillan Publishers Limited 2010. 911 p.
19. New English-Russian Dictionary. Moscow: Russian Language Publishing, 2000. Volume 3. 823 p.
20. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby. Oxford University Press. 2005. 1780 p.

Сведения об авторе:

Шевелева Евгения Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета. Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, фреймовая семантика, линвокультурология. E-mail: shevelev28@mail.ru.

CONCEPTUAL BASIS OF THE SEMANTICS OF THE LEXICAL UNIT 'STRENGTH' IN CONTEMPORARY ENGLISH

Evgeniia O. Sheveleva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Linguistic University»
(MSLU), 38/1, Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

The Abstract: *The article focuses on a complex analysis of the mechanisms of representing the concept 'Strength' in the semantics of the lexeme 'strength'. The analysis allows identifying the frame of 'Strength' – a complex of elements, such as 'subject', 'ability', and 'activity'. The article also looks at the development of the frame in context. The contexts are taken from the dictionary entries to the word 'strength' and from the British National Corpus. The results of the analysis allow revealing a whole spectrum of representations of 'Strength'. The article concludes by building the detailed conceptual basis of the representation of 'Strength' in the semantic content of the lexeme 'strength'.*

Key Words: *concept, the semantic structure of a word, conceptual features, conceptual basis, frame.*

References

1. Beljaevskaja E. G. Kognitivnaja lingvistika: parametri paradigm [Cognitive linguistics: parameters of paradigms] [Elektronni resurs] // Yazik, soznanie, kommunikatsija: sbornik statej / otv.red.serii V. V. Krasnih, A. I. Izotov. M.: MAKS Press, 2017. S. 13 – 23. Rezim dostupa: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_57.pdf
2. Karaulov Ju. N. Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo yazika [Linguistic construction and thesaurus of literary language]. – M.: Nauka, 1981. 366 s.
3. Kubrjakova E. S. Jazik i znanie: Na puti poluchenija znaniya o yazike: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol jazika v poznanii mira [Language and knowledge: On the way to getting knowledge about language: Parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in the world cognition]/ Ros. Akademia nauk. In-t yazikoznaniya. M.: Jaziki slavianskoj kul-turi, 2004. 560 s.
4. Lavrova N. A. Znachenie i smisl slova v rechevoi dejatel'nosti [Meaning and significance of the word in speech activity] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria 'Lingvistika'. M.: Isdatelstvo MGOU, 2009. № 3. S. 94 – 97.
5. Maljar T. N. Kontseptualizacija prostranstva i semantika anglijskih prostranstvennih predlogov i narechij [Conceptualization of space and semantics of English space prepositions and adverbs]: dis. ... d-ra filol. Nauk. – M., 2001. 389 s.
6. Rahilina E. V. Osnovnie idei kognitivnoj semantiki [The Basic ideas of cognitive semantics] // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamentalnie napravlenija. M.: URSS, 2002. S. 370–390.
7. Fillmor Ch. Freimi i semantika ponimanija [Frames and semantics of understanding] // Novoje v zarubeznoj lingvistike. M.: Progress, 1988. Vip. 23. S. 52 – 93.
8. Cherneiko L. O. Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni [Linguo- philosophical analysis of the abstract noun]. M.: Knizh-nij dom 'LIBROCOM', 2010. 272 s.
9. Sheveleva E.O. Semanticheskiye dominanty smyslovogo prostranstva «Power» («Sila») v sovremennom anglijskom jazike [Semantic dominants of semantic space «Power» in modern English]. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015. 231 s.
10. The British National Corpus [Elektronni resurs] / Rezim dostupa: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Third Edition. Cambridge University Press 2008. 1700 p.
12. Chapman R. L. Roget's International Thesaurus /Fourth ed. Thomas Y. Crowell Company, INC. 1977. 1239 p.
13. Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers 2010. 1899 p.
14. Evans V. How words mean: Lexical concepts, cognitive models and meaning construction. Oxford: Oxford University Press. 2009. 396 p.
15. Dillon L. George Introduction to Contemporary Linguistic Semantics. Presence-Hall, INC., Englewood Cliffs, New Jersey, 1977. 150 p.

16. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with new words supplement. Pearsons Education Limited, 2001. 1668 p.
17. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Bloomsbury Publishing Plc. 2002. 1692 p.
18. Macmillan Collocation Dictionary for Learners of English. Macmillan Publishers Limited. 2010. 911 p.
19. New English-Russian Dictionary. Moscow: Russian Language Publishing. 2000. Volume 3. 823 p.
20. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby. Oxford University Press. 2005. 1780 p.

About the author:

Evgeniia O. Sheveleva – PhD, associate Professor of the Department of English Lexicology, the Faculty of the English Language, MSLU (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, frame semantics, cultural linguistics. E-mail: shevelev28@mail.ru.

* * *

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА И ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ ПРОФЕССИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО)

В.Ш. Курмакаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

В статье рассматривается возможность повышения эффективности курса иностранного языка на старшем курсе бакалавриата и в магистратуре при обучении языку с помощью развития навыков критического мышления (КМ) и критического чтения (КЧ). Автор исходит из того, что КМ и КЧ взаимно дополняют друг друга и расширяют возможности продуктивной работы с текстом при обучении языку профессии. Проведённый анализ и опыт работы на старших курсах бакалавриата и в магистратуре на факультете международных отношений МГИМО, а также в иностранной магистратуре МГИМО в рамках курса «Теория и практика аргументации» (на английском языке), позволили автору прийти к выводу о необходимости расширения инструментария преподавателя иностранного языка в профессиональных целях за счёт использования методов аналитической работы с текстом, которые применяются в смежных областях обучения, а именно, в теории и практике КЧ и аргументации. В обучении собственно языку необходимо уделять внимание таким понятиям, как логическая структура текста, структура аргумента, когнитивные искажения, вызванные как эго- и этноцентричностью реципиента, так и языковыми ошибками рассуждения, вызванными различными видами языковой двусмысленности. С одной стороны, включение этих элементов в курс обучения иностранному как языку профессии даёт необходимые инструменты для развития навыков качественной работы с текстом (и письменным и устным), а с другой, позволяет сделать обучение иностранному языку специальности неотъемлемой частью более широкой профессиональной подготовки.

Ключевые слова: критическое мышление, критическое чтение, структура аргумента, когнитивные искажения, формальная логика, неформальная логика, языковые ошибки рассуждения.

Одной из самых популярных тем в неформальных обсуждениях с коллегами в последние годы стал вопрос о том, почему наши студенты так плохо считывают смыслы в предложенных текстах на английском языке и, за редким исключением, не могут их содержательно комментировать, интерпретировать и обсуждать. Тема тем актуальнее, что мы с коллегами работаем в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России (МГИМО), где отбор студентов и обучение языкам традиционно находятся на

высоком уровне, т.е. объяснить происходящее просто плохой языковой подготовкой не получается, - у наших студентов есть все возможности для работы с текстами на изучаемом языке. Можно предположить, что причин несколько, и они носят различный и необязательно языковой характер.

В данной статье описываются некоторые аспекты этой проблемы, решение которой выходит за рамки чисто лингвистического. Для этого мы рассмотрим некоторые когнитивные искажения (их очень много, и все рассмотреть в рамках

данной статьи не представляется возможным), которые характерны для наших студентов, и которые не позволяют им полностью раскрывать смысловую структуру текста, а также, как следствие этого, не позволяют строить осмысленное высказывание на английском языке. Вслед за Дж. Лакоффом можно сказать: «Если вам кажется, что вам не хватает слов, то на самом деле вам не хватает идей» [6, с. 23].

Для начала следует сказать, что есть целое направление академической литературы, которое давно занимается вопросами аналитического чтения. В англоязычной литературе оно обычно называется *critical reading* и занимается вопросами раскрытия читателем всех возможных смысловых уровней и перспектив текста. Так, к одному и тому же тексту можно подходить с формалистской, биографической, психологической, исторической, социологической, мифологической и т.д. стратегиями интерпретации смыслов [8]. К навыкам критического чтения (КЧ) относятся также логические и риторические. Если же говорить о том, как соотносятся критическое чтение и критическое мышление (КМ), то первое направлено на выявление информации и идей в тексте, а второе – на их адекватную интерпретацию и развитие [5]. Таким образом, в рамках первого появляется возможность видеть все смысловые уровни в тексте, в рамках второго – компетентно их интерпретировать, анализировать, дополнять и развивать. Естественно, что КЧ и КМ взаимосвязаны и на практике дополняют друг друга.

В данной статье говорится о трёх факторах, которые, с нашей точки зрения, особенно негативно сказываются именно на способности раскрытия смысловой структуры текста на иностранном языке и связаны не только лингвистическими навыками, но и с логикой, риторикой и фоновыми знаниями: 1) недостаточное развитие навыков КМ в целом; 2) когнитивные искажения эго- и этноцентризма в частности; 3) собственно, языковые ошибки рассуждения. Выделить именно эти факторы помогает многолетняя практика работы в качестве преподавателя английского языка как языка профессии, перевода и теории и практики аргументации.

Первый и самый общий фактор – это недостаточное развитие навыков критического мышления, которое в идеале должно развиваться всей содержательной и структурной частями того гуманитарного образования, которое получают наши студенты. Можно и нужно говорить о том,

что целью гуманитарного образования является развитие человеческого и гражданского потенциала, не воспитание, а именно развитие свободной личности, которая способна ориентироваться в плотном информационно-коммуникационном потоке и активно участвовать в жизни общества. В западном образовании эта идея отражена в концепции *liberal arts*; сама идея пришла из древнегреческой философии и считается самой старой концепцией образования в западном образовании. В России тоже предпринимаются попытки реализации этой концепции, например, в СПбГУ [15]. Такое образование предполагает комплексный подход, в рамках которого КМ развивается и поддерживается во всех дисциплинах, поскольку является необходимым условием для свободного обмена информацией. Развитые навыки КМ позволяют оценивать чужие идеи без искажения их содержания, а свои собственные – постоянно тестировать и подвергать сомнению. Как ни странно, формальная логика не является достаточной для КМ: у человека с развитой формальной логикой вполне могут быть не развиты навыки критического мышления, и в таком случае он не будет замечать своих когнитивных искажений, а, напротив, будет прибегать к некорректным упрощениям и обобщениям, а иногда и просто не понимать написанное. Иными словами, представляется важным целенаправленно развивать КМ в рамках всей системы гуманитарного образования, чего сейчас не происходит.

Конечно, как преподаватели иностранного языка, мы не можем отвечать за содержательное наполнение всего гуманитарного образования, но можем на своих занятиях работать над развитием у наших студентов навыков КМ в целом и КЧ в частности. Так, например, для того, чтобы улучшить навыки КМ и КЧ нужно видеть структуру аргумента, понимать, из чего он состоит, в чём его сила и слабость, какие альтернативные точки зрения есть, в чём цель и задача данного аргумента, отделять мнение от факта, понимать, что гуманитарное знание существует в рамках моделей, и идеальных моделей просто нет (со временем нынешние, признанные модели сменяются другими). Говоря строго лингвистически, нужно понимать механизм метафоры, которая в когнитивной лингвистике рассматривается не просто как образное средство, но как основной механизм мышления [7], и разделять смысл и значение слова.

Почему так важно говорить именно про когнитивные искажения, а не просто про логические ошибки? Принято считать, что основными

ошибками при считывании и передаче смысла являются логические. Нам представляется, что это не совсем так, потому что понятие когнитивного искажения включает в себя и логические ошибки, и ошибки, выходящие за рамки формальной логики, например, психологические и языковые. Согласно определению Дэниэла Канемана, который ввёл понятие когнитивного искажения в 1972 г., таковым является систематическая ошибка (обработки информации), вызванная субъективными убеждениями (предубеждениями), и проявляющаяся в виде паттерна в определённых обстоятельствах [4]. Поэтому рамки формальной логики кажутся для решения этой проблемы менее универсальными, гибкими и прикладными, чем подход, предложенный, скажем, в современной теории аргументации.

Согласно этому подходу, в гуманитарной сфере, как научной, так и повседневной, следует различать формальную логику (ФЛ) и неформальную логику (НФЛ) [10]. Первая применяется в точных науках, в то время, как для гуманитарных больше характерна вторая. В чём же отличие? В формальной логике вывод следует непосредственно из посылки, и в выводе аргумента, построенного по правилам ФЛ, не содержится новой по отношению к исходной посылке информации. Классической структурой формального аргумента можно считать силлогизм, состоящий из 2 посылок и основанного на них вывода. Таким образом, формальная логика бинарна и не предполагает другого ответа, кроме Да-Нет, т.е. высказывание либо верно, либо нет – градаций нет. (Так, утверждение «Если все небесные тела состоят из сыра, то Луна, будучи небесным телом, состоит из сыра» с точки зрения формальной логики безупречно, но с точки зрения практического смысла бессмысленно.)

В случае с НФЛ аргументация строится на других основаниях. С точки зрения современной теории аргументации [10], утверждения, предполагающие ответ ДА-НЕТ, не подлежат обсуждению (если что-то можно доказать с уверенностью в 100%, то не имеет смысла это обсуждать, это нужно доказывать). Так, если кто-то утверждает, что за окном такая-то температура, то выяснение, так ли это, не является предметом обсуждения, если есть градусник или интернет, - нужно просто свериться с показаниями.

Базовая структура аргумента в НФЛ состоит из доказываемого утверждения (claim), доказательства разной степени силы и убедительности (evidence) и логической связи между ними

(inference), которая также может варьироваться по силе и при необходимости подкрепляться дополнительными доводами для усиления этой связи (warrants). Помимо этих трёх основных элементов, в базовом неформальном аргументе присутствует также контраргумент или опровержение (counterargument & rebuttal). На первый взгляд, эта структура похожа на структуру аргумента в ФЛ. Но это сходство только внешнее – на самом деле, она, скорее, отражает структуру академического эссе, т.е. передаёт структуру аргументированного высказывания. Содержательно аргумент в НФЛ отличается тем, что в доказываемом утверждении (claim) всегда есть серая зона, которая никак не покрывается представленным доказательством. Эта зона содержит в себе новую информацию, которая не выводится непосредственно из доказательства, но доказательство достаточно убедительно и сильно, чтобы сделать так называемый прыжок веры (leap of faith) и считать утверждение верным. Такая структура аргумента не является бинарной, очень часто предполагаемый ответ содержит градации и степени вероятности и убедительности. Поскольку в гуманитарной сфере мы, в абсолютном большинстве случаев, имеем дело с обоснованием какого-то мнения, оценки или модели знания, т.е. чего-то, что по определению недоказуемо на 100%, то такая структура видится более рабочей. Впервые данная структура аргумента была предложена британским философом Стивенем Тулмином [9]. Пример [13]:

Claim: Автомобили с гибридным двигателем являются эффективным средством защиты окружающей среды.

Evidence: Самым вредным для окружающей среды поведением обычного гражданина является вождение личного транспортного средства.

Warrant: Поскольку, если говорить о гражданах, а не о промышленности, больше всего воздух загрязняют автомобили, переход на гибридные автомобили должен положительно сказаться на состоянии воздуха.

Evidence 1: Каждый произведённый автомобиль используется в течение примерно 12-15 лет.

Warrant 1: Автомобили используются довольно долго, что означает, что переход на гибридные их версии будет иметь долгосрочный эффект.

Evidence 2: Гибридный двигатель объединяет бензиновый двигатель и электродвигатель.

Warrant 2: Такая техническая комбинация приводит к снижению загрязнения. Согласно

inedtoknow.org: «Гибридный двигатель Prius производства Toyota производит на 90% меньше загрязняющих выбросов, чем сравнимый бензиновый.»

Counterclaim: Вместо того, чтобы концентрировать своё внимание на автомобилях, что само по себе стимулирует их использование, даже если речь идёт о снижении загрязнения, государство должно уделять больше внимания развитию скоростных систем массового общественного транспорта.

Rebuttal: Несмотря на то, что скоростные системы МОТ – разумная стратегия решения экологических проблем, такие системы недоступны или не актуальны в сельской местности и пригородах, для людей, живущих и работающих в разных городах, а это значит, что для большинства населения гибридные автомобили являются лучшим решением.

Что же даёт знание структуры простого аргумента в обучении работы с текстом? Во-первых, оно позволяет структурировать мысль (как свою, так и чужую) и увидеть связи между элементами этой структуры, а не рассуждать только на уровне смутной интуиции (как обычно происходит в студенческих обсуждениях); во-вторых, проделав первый шаг, можно работать с отдельными элементами этой структуры и оценивать их с точки зрения не столько правильности/неправильности (что является признаком как раз бинарной ФЛ), а силы/слабости, убедительности/неубедительности, приемлемости/неприемлемости. Именно такой градуальный подход позволяет отойти от категоричности и увидеть альтернативы, расширяющие пространство коммуникации.

Вторым фактором, про который хотелось бы поговорить в данной статье, являются эгоцентризм и этноцентризм. Что это такое? Это психологические особенности восприятия, которые считаются одними из самых частых причин когнитивных искажений [3]. Эгоцентризм – взгляд на мир исключительно с точки зрения своих собственных интересов и пристрастий, а этноцентризм – взгляд на мир исключительно с точки зрения представлений группы, к которой принадлежишь. Как это работает?

В курсе магистратуры на факультете международных отношений МГИМО мы работаем со статьёй *China and the Key to Asian Peace*, опубликованной в журнале *The Economist* [10]. В этой статье есть такое предложение: *And as the region's biggest anti-democratic hold-out by far,*

come a crunch China's policies are not going to be driven by a concern for the greater good, whether of the Chinese people or the region as a whole, but by what is good for maintaining party control. И много лет это предложение не вызывало у наших студентов никаких проблем, кроме технического понимания слов и структур. Однако, после того, как пару лет назад случилось обострение в отношениях России и Запада, в группе, с которой мы обсуждали этот текст, произошло нешуточное возмущение формулировкой *the region's biggest anti-democratic hold-out*. Возмущение было вызвано словом *anti-democratic*, которое, с точки зрения студентов являлось обидным ярлыком. С их точки зрения, более мягкой формулировкой было бы прилагательное *undemocratic*, а приставка *anti-* доказывала крайнюю предвзятость автора статьи по отношению к Китаю, что особенно иронично, поскольку именно прилагательное *undemocratic* является эпитетом, т.е. эмоционально окрашено (так, согласно словарю *Macmillan Dictionary* [14], это слово имеет следующие значения: 1) *controlled by officials or politicians who have not been elected by the people to represent them, e.g. an undemocratic regime*; 2) *not representing the wishes of the majority of people and therefore unfair, e.g. an undemocratic regime*)

В группе были люди, специализирующиеся на Китае, т.е. знающие специфику темы. Последовавшие с моей стороны вопросы (например, знают ли они формальные признаки западной демократии; считают ли они Китай демократией; считают ли они, что Китай сознательно не стремится соответствовать требованиям, предъявляемым современному демократическому государству?) в итоге привели к тому, что они сами пришли к выводу, что их взгляд на политику Китая не отличается от трактовки автора статьи, а слово *anti-democratic* является не эмоциональным ярлыком, а техническим термином, который использован автором для наиболее точного описания особенностей государственной политики Китая. Таким образом, в данном случае очевидно, что на прочтение текста повлияли внешне-политический (а не лингвистический) контекст и желание читателей текста принять одну из сторон в представляемом ими конфликте. Так работает этноцентризм.

Эгоцентризм работает похожим образом и часто проявляется в обсуждениях, когда студенты трактуют описанное в тексте исключительно через свой личный опыт, не допуская, что

опыт других людей может быть совсем иным (крайним проявлением эгоцентризма был ответ одной студентки на моё замечание, что нельзя приводить только факты, подтверждающие собственное мнение, и игнорировать другие: «А как же нам ещё доказать свою правоту?»).

Из этого же примера следует и метод работы с такими искажениями через проясняющие вопросы и рассмотрение альтернатив. Но реальное решение этой достаточно сложной проблемы восприятия смыслов именно на занятиях иностранным языком лежит в грамотном развитии навыков межкультурной коммуникации, например, через формат дебатов [1]. Нужно также знать и понимать свои культурные ограничения и культурные особенности коммуникации на иностранном языке. Из-за отсутствия таких навыков очень часто студенты просто не считают смыслы, заложенные автором в текст – им не хватает не столько языкового знания, сколько знания и понимания других социальных и психологических реалий, и они не готовы подвергать сомнению знания, полученные в курсах обучения в рамках своего культурного контекста.

И, наконец, третий вид когнитивных искажений, влияющих на восприятие текста, это языковые ошибки рассуждения (*language fallacies*). Они бывают различными (напр., двусмысленность (*ambiguity*), увиливание (*equivocation*), неясность (*vagueness*) [3]), но все они так или иначе вызваны встроением в высказывание неоднозначностью интерпретации сказанного. Иногда такая двусмысленность может привести к большей метафоричности и образности текста, но часто становится способом сокрытия смысла. Очень часто при этом участники коммуникации даже не понимают, что совершают ошибку.

Так, однажды в одной группе IV курса факультета международных отношений МГИМО происходило обсуждение текста *The Great British Class Survey* [12] тезиса, сформулированного в его вводном абзаце: *It's said that the British are obsessed with class, but does the traditional hierarchy of 'working', 'middle' and 'upper' class really exist anymore? And does social class even matter in 21st century Britain?* Группа была очень активной и с очень хорошей языковой подготовкой, поэтому дискуссия происходила очень оживлённо, но с самого её начала было ясно, что участники не совсем поняли смысл текста и вопроса. В частности, они не могли дать чёткого определения понятию *class*, постоянно повторяя, что это же и так ясно! В результате, очень скоро все спо-

рили со всеми, не понимая, как собеседники не видят очевидного. Однако если бы они знали и понимали, что имеют дело именно с языковой двусмысленностью, то, во-первых, сразу поняли бы это, а, во-вторых, сразу попытались бы дать определение того, о чём именно говорится в тексте, что дало бы им пространство для продуктивного обсуждения. Так, тот же словарь *Macmillan Dictionary* [14] даёт два подходящих значения слова *class*:

1) (count) one of the groups in which people in a society are divided according to their family background, education, job, or income *e.g. a social class, the ruling classes*;

2) (uncount) the existence of differences that cause people to be divided into different social groups *e.g. social class, a class system, class differences*.

Таким образом, в данном обсуждении произошло следующее: в тексте говорилось о том, что Великобритания когда-то была типичной страной, где всё определялось классом в первом значении, но сейчас такое понимание класса уже устарело, но есть класс во втором значении. Студенты в большинстве своём смогли более-менее считать первое значение, но для понимания сути проблемы этого было недостаточно, а второе значение они не считали, поэтому изначально активное обсуждение стало буксовать и потеряло содержательность.

Языковые ошибки рассуждения тем важнее, что часто о них не догадываются даже носители языка. В моём опыте есть преподавание курса теории и практики аргументации на английском языке в интернациональной группе, в которой было, в числе прочих, два американца, и в которой почти никто из примерно 20 слушателей, включая и этих американцев, не справились в тесте, т.е. уже после прохождения и обсуждения материала, с выявлением языковых ошибок. Скажем, в тесте был пример увиливания (*equivocation*): *What could be more affordable than free software? But to make sure that it remains free, that users can do what they like with it, we must place a license on it to make sure that it will always be freely redistributable*. Ошибка увиливания характеризуется тем, что в утверждении и доказательстве аргумента используется одно и то же слово, но в разных значениях. В данном примере слово *free* используется, судя по всему, в значениях (*Macmillan Dictionary* [14]): 1) *something that is free, does not cost anything*; 2) *not limited or controlled by rules*; 3) *available for someone to use*. В утверждении (*claim*) данного аргумента это

слово используется в первом из перечисленных значений, что подкреплено его контекстуальным синонимом *affordable*. Однако, в дальнейшем доказательстве (*evidence*) оно может относиться, судя по отсылке к лицензии и дистрибуции, ко всем трём значениям. Таким образом, мы имеем дело с некорректным утверждением. Студенты, включая американцев, почувствовали, что что-то не так, но так и не справились с определением ошибки.

Связано это с тем, что, во-первых, продвинутый носитель языка изначально не сомневается в своей способности правильно прочитать текст на родном языке, а все возможные значения многозначных слов существуют в его восприятии интуитивно и, как правило, отдельно не вербализируются, а, во-вторых, что самыми серьёзными принято считать именно логические ошибки, и их-то и пытаются выявить в первую очередь. И в упомянутой группе студенты пыта-

лись описать данную ошибку через нарушение логики. Решением данной проблемы в классе является работа со значениями слов и контекстами их использования по толковым словарям.

Подводя итоги, можно сказать, что факторы и типы когнитивных искажений, рассмотренные в данной статье, конечно же, не исчерпывают весь список проблем понимания и порождения высказывания (текста), но кажутся нам наиболее интересными именно потому, что обычно не являются предметом рассмотрения в лингвистических статьях по данной теме (даже, как ни странно, языковые ошибки рассуждения), поскольку не являются чисто лингвистическими. Однако, как показывает практика, они создают очень много проблем в обучении интерпретации текста, и именно поэтому представляется возможным и нужным заимствовать методы работы с ними из смежных областей, а именно, 1) КМ и КЧ; и 2) теории и практики аргументации.

Список литературы

1. Курмакаева В.Ш. Роли культурного контекста в развитии навыков межкультурной коммуникации / В.Ш. Курмакаева // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. Материалы Второй научно-практической конференции; [отв. ред. Д. А. Крячков]. - Москва: МГИМО-Университет, 2015. - С. 594-598
2. Паршин П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / Сборник статей междунауч. конф. «Диалог», 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/parshin/> (Дата доступа 20 октября 2017 г.)
3. Johnson, Ralph H., Blair, J. Anthony. Logical Self-Defense, New York: International Debate Educational Association, 2006. – pp. 147-167, 191-197
4. Kahneman, Daniel. Thinking, Fast and Slow. Penguin, 2011
5. Kurland, Daniel J. I Know What It Says...What Does It Mean? Critical Skills for Critical Reading. Wadsworth Pub Co; 1st edition (July 27, 1994). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.criticalreading.com/critical_reading_thinking.htm (Дата доступа 15 сентября 2017 г.)
6. Lakoff, George. Don't Think of an Elephant: Know Your Values And Frame the Debate. Chelsea Green Publishing; 2nd Revised edition edition, 2014
7. Lakoff, George. Metaphors We Live By. University Of Chicago Press; 1st edition, 2003
8. Meyer, Michael. Thinking and Writing about Literature. Boston: Bedford/St. Martins Press, 1995. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.montclair.k12.nj.us/WebPageFiles/443/Critical%20Strategies%20v2.pdf> (Дата доступа 25 сентября 2017 г.)
9. Toulmin, Stephen E. The Uses Of Argument. Cambridge University Press; Updated edition, 2003
10. Zarefsky, David. Argumentation: The Study of Effective Reasoning. The Teaching Company; 2001
11. China and the Key to Asian Peace. The Economist, 2005, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.economist.com/node/3786908> (Дата доступа 28 ноября 2017 г.)
12. The Great British Class Survey. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/labuk/experiments/the-great-british-class-survey> (Дата доступа 28 ноября 2017 г.)
13. OWL Purdue Online Writing Lab. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/588/03/> (Дата доступа 25 ноября 2017 г.)
14. Словарь Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/> (Дата доступа 28 ноября 2017 г.)
15. Иванова Ю.В., Соколов П.В. Перспективы развития образования по модели свободных искусств и наук в России. Вопросы образования, 2015, №4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vo.hse.ru/data/2015/12/23/1132618478/Ivanova.pdf> (Дата доступа 25 ноября 2017 г.)

Сведения об авторе:

Валерия Шамильевна Курмакаева – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России. Сфера интересов: когнитивистика, синхронный перевод, психология, коммуникация и теория аргументации. E-mail: val108@yandex.ru.

TEXT INTERPRETATION AND THEORY OF ARGUMENTATION IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES FOR PROFESSIONAL PURPOSES (ENGLISH)

V. Sh. Kurmakaeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

The Abstract: *The article analyses how to make teaching a foreign language for professional purposes (FLPP as distinct from FLSP - a language for specific purposes) more efficient by making an emphasis on critical thinking (CT) and critical reading (CR) skills. The author sees CT and CR as complementary and making FLPP more practical. The author analyses her experience acquired both as a FLPP teacher and the author of a course in the theory and practice of argumentation and makes a conclusion that it is essential to add the methods from CR and argumentation studies to FLPP courses. Teaching FLPP should include such notions as argument structure, cognitive biases, especially, those caused by ego- and ethnocentrism, and fallacies, in particular, language fallacies. It will, on the one hand, give the students in such courses effective tools to improve their text interpretation skills (both orally and in writing), while on the other hand, it will make FLPP an integral part of developing interdisciplinary programmes for bachelor students in their final year as well as master students.*

Key Words: *critical thinking, critical reading, argument structure, cognitive bias, fallacies, language fallacies, formal logic, informal logic.*

References

1. Kurmakaeva, V. Sh. O roli kulturnogo konteksta v razvitiu navikov mezhkulturnoi kommunakatsii / V.Sh. Kurmakaeva // Magiya INNOM: novoe v issledovanii iazika i metodike iego prepodavaniia. Materiali Vtoroi nauchno-prakticheskoi konferentsii; [otv. red. D.A. Kriachkov]. – Moskva: MGIMO-Universitet, 2015. – pp. 594-598
2. Parshin P.B. Ob oppozitsii sistemotsentrichnosti i antropotsentrichnosti primenitel'no k politicheskoi lingvistike [On opposition between system-centric and anthropocentric paradigms in political linguistics]. Trudy "Komp'yuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii" [Proc. "Computer Linguistics and Intellectual Technologies"], 2000. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/parshin/> (Accessed 20 October 2017)
3. Johnson, Ralph H., Blair, J. Anthony. Logical Self-Defense, New York: International Debate Educational Association, 2006. – pp. 147-167, 191-197
4. Kahneman, Daniel. Thinking, Fast and Slow. Penguin, 2011. – p. 3
5. Kurland, Daniel J. I Know What It Says...What Does It Mean? Critical Skills for Critical Reading. Wadsworth Pub Co; 1st edition, 1994. Available at: http://www.criticalreading.com/critical_reading_thinking.htm (Accessed 15 September 2017)
6. Lakoff, George. Don't Think of an Elephant: Know Your Values And Frame the Debate. Chelsea Green Publishing; 2nd Revised edition edition, 2014. – p. 23
7. Lakoff, George. Metaphors We Live By. University Of Chicago Press; 1st edition, 2003
8. Meyer, Michael. Thinking and Writing about Literature. Boston: Bedford/St. Martins Press, 1995. Available at: <http://www.montclair.k12.nj.us/WebPageFiles/443/Critical%20Strategies%20v2.pdf> (Accessed 25 September 2017)
9. Toulmin, Stephen E. The Uses Of Argument. Cambridge University Press; Updated edition, 2003
10. Zarefsky, David. Argumentation: The Study of Effective Reasoning. The Teaching Company; 2001
11. China and the Key to Asian Peace. The Economist, 2005, Available at: <http://www.economist.com/node/3786908> (Accessed 28 November 2017)
12. The Great British Class Survey. Available at: <http://www.bbc.co.uk/labuk/experiments/the-great-british-class-survey> (Accessed 28 November 2017)

13. OWL Purdue Online Writing Lab. Available at: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/588/03/> (Accessed 25 November 2017).
14. Macmillan Dictionary. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed 28 November 2017)
15. Ivanova Y.V., Sokolov P.V. Perspektivy razvitiia obrazovaniia po modeli svobodnykh iskusstv i nauk v Rossii [Prospects for Liberal Arts Education Development in Russian Universities]. Voprosy obrazovaniia, 2015, no. 4. Available at: <https://vo.hse.ru/data/2015/12/23/1132618478/Ivanova.pdf> (Accessed 25 November 2017)

About the author:

Valeria Kurmakaeva has a PhD in Linguistics, is an Associate Professor of English at MGIMO University. Her current research interests include cognitive studies, conference interpreting, translation, argumentation theory & practice, cross-cultural communication, and psychology.

* * *

ОБУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ: ДИАЛЕКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Л.В. Яроцкая

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38.

В условиях активного изменения форматов профессиональной деятельности во многих предметных областях особую актуальность приобретает вопрос о разработке образовательной стратегии, позволяющей обеспечить подготовку специалистов нового поколения, способных работать на опережение ситуации, создавать инновационные «матрицы деятельности», готовых «вписаться» в любой профессиональный контекст. По этой причине вопросы профессионального развития личности студента сегодня переходят в разряд образовательных приоритетов. «Устоявшаяся» в педагогическом сообществе концепция развивающего обучения, рассчитанная прежде всего на школьную аудиторию, очевидно, требует переосмысления и предметного решения с учётом уровня развития субъекта деятельности – студента вуза – и иной системы социальных отношений, в которые он включён.

Данная статья посвящена обоснованию лингводидактической стратегии опережающего развития профессиональной личности в условиях неязыкового вуза. В качестве важнейшего направления педагогического процесса рассматривается бинарное прогностическое моделирование и становление у обучающегося комплекса компетенций, и прежде всего личностных качеств, существенных для последующей самореализации личности в сознательно выбранной профессии. В этой связи акцентируется необходимость полиперспективного форматирования содержательно-целевого компонента иноязычной профессиональной подготовки специалиста нелингвистического профиля с позиции и в интересах развивающейся профессиональной личности, методического «доопределения» фиксируемых преподавателем координат развития. Такой подход позволяет вывести профессиональное развитие студента в вузе из положения «ведомого», придав ему статус прежде всего базового условия профессионального обучения и лишь затем – результата всего образовательного процесса. «Пусковым механизмом» подобного преобразования в силу специфики своего предмета, его актуального состояния может и должна стать дисциплина «Иностранный язык».

Ключевые слова: профессиональная личность, профессиональное обучение, профессиональное развитие, опережающее развитие, прогностическое моделирование, профессиональное сознание, мотивационно-личностный аспект, иноязычная профессиональная подготовка.

Понятия обучение, развитие, воспитание – «три кита» современной педагогической теории – получили значительное внимание со стороны специалистов в области школьного образования. Так, концепция развивающего обучения, основанная на идеях Л.С. Выготского о том, что обучение должно вести за собой развитие, ориентироваться на зону ближайшего развития ребёнка, сегодня, по су-

ществу, перешла в разряд педагогических аксиом. При этом развивающее обучение в системе профессиональной подготовки специалиста в условиях высшего учебного заведения (если подобная постановка вопроса исследователями в принципе допускается), имея иной ориентир – профессиональную деятельность – и иные условия преломления вектора образовательного процесса, как правило, (нередко по умолчанию)

исходит из аналогичного формата педагогического взаимодействия. Такое положение дел, на наш взгляд, вряд ли приемлемо, или, по крайней мере, оно нуждается в дополнительной аргументации. Кроме того, исходя из принятой в отечественной науке *деятельностной теории обучения и развития*, эффективность которой сегодня не оспаривается, и в логике *освоения профессиональной деятельности*, т. е. при определённой обусловленности процессов эффективного *формирования* соответствующих механизмов, приобретаемая студентом специальность оказывается поделённой между некоторым набором дисциплин, каждая из которых ориентирована на свой *сегмент действительности* и конкретные *способы деятельности* в нём – по сложившейся традиции приоритетные объекты обучения и контроля в вузе. Между тем именно эти сегментированные знания, специализированные умения и навыки нередко становятся и главным аргументом в вопросах развития¹ личности студента, хотя, по иронии судьбы, часто до крайности обезличенным. Личность как целостность, как субъект осваиваемой профессиональной деятельности оказывается некоей условностью, которой легко пренебречь. Попытки разрешить столь очевидное противоречие неоднократно предпринимались в рамках проблемного обучения, при разработке эвристических методик, в частности при обосновании учебно-творческой деятельности студента (школа В. И. Андреева [1]), в контекстном обучении (школа А. А. Вербицкого [2]) – посредством консолидации учебного, предметного и социального контекстов будущей профессиональной деятельности студентов. Так, важнейшим результатом комплексного проектирования профессионально релевантных контекстов деятельности является развитие мотивационной сферы студентов – как известно, неиссякаемого источника личностного роста. Однако XXI век бросает новые вызовы педагогическому сообществу: динамика и диапазон обновления контекстов профессиональной деятельности столь значительны, границы между предметными областями так подвижны и условны, а уровень ожиданий общества к подготовке нового поколения профессионалов настолько высок, включая запрос на «произво-

дителей реальных ценностей», создателей «прорывных технологий» во всех сферах деятельности, что актуальным вопросом образовательной повестки сегодня становится *развитие прогностических способностей личности*, позволяющих специалисту работать на опережение ситуации, задавать новые направления и контексты развития профессиональной сферы, определять в них перспективные «точки роста». Без сомнения, подобная антиципация приобретает статус незаменимого инструмента любого современного новатора, стремящегося к созданию социально значимого продукта.

В данной статье предпринята попытка обосновать стратегию *опережающего развития профессиональной личности* «как личности, полноценно реализующейся в профессии, через профессию, созидающей ценности этой профессии» [5, с. 7-8]. Очевидно, что «рождение» профессионала в условиях вуза связано, главным образом, с прогностическим моделированием² и становлением у обучающегося комплекса компетенций, и прежде всего личностных качеств, существенных для последующей самореализации личности в сознательно выбранной профессии. В этой связи *созидание* – неизменный двигатель прогресса, самовоспроизводящая базовая ценность и, без сомнения, общественный приоритет первого порядка – рассматривается нами как основополагающий ориентир и важнейшее условие совместной конструктивной деятельности субъектов образовательного процесса, направленного на подготовку высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов.

Действительно, сегодня, как никогда, стало очевидным, что будущее в любой сфере деятельности определяют не «армия профессионально обученных потребителей» и даже не «эффективные профессиональные пользователи» созданного кем-то (и очевидно в своих целях) продукта, которых, оказывая «образовательные услуги», из года в год «выпускают» вузы многих стран, а специалисты, способные мыслить системно, нестандартно, создавать новые «матрицы деятельности»; умеющие поставить задачу и решить её «под ключ»; обладающие высокой степенью адаптивности – умением «вписаться» в любой

¹ Уточним, что понятие *развитие* мы рассматриваем в едином контексте психологической структуры личности и психологических механизмов деятельности.

² Таким образом, профессиональная личность становится объектом бинарного прогностического моделирования: как со стороны преподавателя при проектировании учебного процесса, так и со стороны студента – при планировании своего жизненного пути в профессиональной сфере.

профессиональный контекст; люди, готовые нести всю полноту ответственности за результаты своей деятельности. Вместе с тем, осознание значимости перечисленных выше качеств для формирующейся профессиональной личности и постановка соответствующих образовательных задач, как известно, отнюдь не гарантируют их адекватного решения, ибо в педагогической деятельности важнейшим, если не решающим, условием успеха является мотивированный выбор средств достижения цели на этапе научного обоснования проекта. В этой связи напомним: полученные исследователями данные свидетельствуют о том, что результаты обучения нередко принимают форму не столько цели как прогнозируемого образа результата, сколько средств, используемых для её достижения³ [3, 4, 5]. С учётом вышесказанного полагаем, что содержательно-целевой компонент, в частности, иноязычной профессиональной подготовки специалиста нелингвистического профиля нуждается в актуальном «полиперспективном разрешении» и форматировании с позиции и в интересах *развивающейся профессиональной личности* (с возможностью произвольного переноса «точки обзора» открываемых и осваиваемых студентом измерений профессиональной сферы), а также требует методического «доопределения» фиксируемых преподавателем координат развития – своего рода, точек бифуркации. Подобный подход позволяет, на наш взгляд, вывести профессиональное развитие студента в вузе из положения «ведомого», придав ему статус прежде всего *базового условия профессионального обучения* и лишь затем – *результата всего образовательного процесса*. Мы полагаем (и многолетнее опытное обучение позволяет нам сделать этот вывод [5]), что «пусковым механизмом» такого преобразования в силу специфики своего предмета, его актуального состояния может и должна стать дисциплина «Иностранный язык». Этот

вывод был сделан нами по результатам анализа объективных тенденций, обозначившихся в последние годы в профессиональной сфере.

Современные авторы сходятся во мнении, что важнейшим фактором, который в настоящее время оказывает возрастающее влияние на деятельность профессиональной личности, как уже состоявшейся, так и находящейся в стадии своего становления, является формирование глобализированного информационно-коммуникационного пространства. В XXI в. в качестве его важнейшего атрибута выступают *профессиональные интеркультуры* – новое измерение профессиональной общности, объединяющее людей, принадлежащих одной профессии или одной предметной области, однако представляющих различные лингвосоциумы. Подобные неформальные объединения – очень подвижные, но достаточно стабильные (именно в силу своей подвижности) образования, поскольку они непрерывно пополняются и обновляются за счёт наиболее активных представителей профессионального сообщества, стремящихся расширить национальные рамки своей профессии, приобщиться к актуальному профессиональному знанию мирового уровня, – т. е. специалистов, осознанно и систематически повышающих свою профессиональную компетентность. Гармоничное вхождение индивида в такой межкультурный контекст, безусловно, требует новых компетенций, связанных с *развитием иноязычной коммуникативной способности личности, её перцептивных возможностей, готовности к интеракции*. По этой причине повестка развития в предметном поле лингводидактики должна формироваться с учётом этих объективных условий, ориентировать нас на стратегически важные для общества будущего приоритеты развития. И эта повестка должна получить не эпизодическую, а максимально полную реализацию во всём образовательном процессе вуза.

³ Поскольку *вопрос о соотношении целей, средств и результатов обучения* чрезвычайно важен в педагогическом контексте, но часто недооценивается преподавателями в аудитории, поясним его на простых и, с нашей точки зрения, показательных примерах. Для наглядности поставим в один ряд две типичные ситуации из разных предметных областей: школьный учитель геометрии, выставляющий отметку «отлично» за выученную дома и «доказанную» в классе у доски теорему, как и вузовский преподаватель иностранного языка, добивающийся почти дословного воспроизведения текста во время пересказа, в обоих случаях, по существу, усиленно *тренируют память* своих подопечных, что, очевидно, не имеет прямого отношения к заявленным в программах этих учебных дисциплин целям – *развитию мыслительных или коммуникативных способностей личности*. В то же время, возможно, нерациональный, но «свой» вариант доказательства теоремы школьником, пытающимся «на ходу» выйти из затруднительного положения, например, когда материал недоучен, или «перекроенный» и в таком случае, скорее всего, переосмысленный, но с неизбежными для обучающегося ошибками пересказ текста нередко достаиваются невысокой, или даже низкой, отметки, хотя именно в этих случаях актуализируются психологические механизмы деятельности, непосредственно ориентированные на реализацию целей обучения. Если весь учебный процесс выстроен с акцентом на репродукции, то встает вопрос: в каком из его звеньев действительно происходит развитие мыслительных или коммуникативных способностей личности?

В частности, учебник иностранного языка (далее – ИЯ) как одно из определяющих средств обучения, задающих технологию всего учебного процесса, должен стать *лингводидактическим инструментом проектирования профессиональной личности – активного представителя и создателя своей профессиональной интеркультуры*. Такой подход, реализуя принцип интернационализации профессиональной подготовки специалиста [5], с нашей точки зрения, позволит заложить основы нового понимания междисциплинарности в современном образовательном процессе вуза – *междисциплинарности опережающего профессионально-личностного развития студента*.

Решение данного вопроса мы связываем с целенаправленным и сбалансированным развитием профессионального сознания студента. Будучи предметно специализированным отражением и «преображением»⁴ действительности, оно, как известно, включает в себя в качестве существенных составляющих предметно-операциональный и мотивационно-личностный аспекты [4]. Первый объединяет специальные знания, навыки, умения и профессионально релевантные качества личности. Формированием очевидных объектов обучения (знаний, навыков, умений) в вузе активно занимаются преподаватели-предметники в течение всего курса обучения, при этом чрезвычайно важный, но латентный объект развития (качества личности) нередко остаётся без внимания, что неудивительно, учитывая трудность его выявления, измерения, оценки⁵. Ещё менее формализуемым оказывается *мотивационно-личностный аспект профессионального сознания*, включающий систему профессионально-личностных установок, обеспечивающих осознанное, ценностно-смысловое отношение субъекта к осваиваемой деятельности и её ключевым задачам. Более того, несмотря на частотность употребления в образовательном дискурсе термина «мотивация» (к сожалению, часто необоснованного), эта составляющая профессионального сознания студента сегодня в учебном процессе вуза практически нивелирована. Между тем, как от-

мечают психологи, именно сформированность мотивационно-личностного аспекта профессионального сознания и обеспечивает готовность личности сделать специальность своей профессией [4]: выпускников инженерных факультетов работать инженерами, психологических – психологами, юридических – юристами и т. д.

Анализ положения дел в этой области позволил нам сделать следующие выводы:

1) мотивационно-личностный аспект профессионального сознания студента как значимый вектор развития личности необходимо целенаправленно и планомерно формировать; при этом важно опираться не на бытовые / поверхностные представления о мотивации и способах её развития, что, к сожалению, не редкость даже в педагогической среде (вспомним, к примеру, балльно-рейтинговую систему, позиционируемую некоторыми педагогами в качестве «панацеи» от ставшей «эпидемией» студенческой индифферентности к процессу и результатам своего обучения), а на научные данные, в частности закономерности, установленные в психолого-педагогических исследованиях;

2) развитие мотивационно-личностного аспекта профессионального сознания должно идти опережающими по отношению к предметно-операциональному аспекту темпами; это обеспечит уже на ранних этапах обучения студента в вузе «вызревание» особой матрицы мировосприятия – новой ценностной системы профессионально релевантных координат, придающей смысл и значение осваиваемым знаниям, навыкам, умениям, обретаемым в условиях как формального учебного процесса (что позволит снять с повестки дня проблему «ничейных знаний»), так и в автономном режиме;

3) чтобы обеспечить конкретность принимаемых в этом направлении усилий, целесообразно определить предмет учебного плана, который в силу своих сущностных свойств способен обеспечить подобное гуманитарное проектирование профессиональной личности в ходе учебного процесса и при этом отвечать объективным процессам общественного развития;

⁴ В своих предшествующих публикациях, в которых затрагивалась тема развития профессионального сознания личности, мы ограничивались указанием на отражательную сущность сознания, очевидно, недооценивая его «преображающий» потенциал, что постараемся учесть в последующих работах.

⁵ Мы видим решение данного вопроса в полисубъектной модели управления учебным процессом, предусматривающей дифференциацию объектов контроля и их перераспределение между субъектами учебного процесса – преподавателем, студентом, студенческой группой как коллективным субъектом деятельности – при активном использовании *Профессионального профиля иноязычных потребностей* [5], интегрированного в учебный процесс. Пример практической реализации подобной интеграции см. в нашей работе [6].

4) при выявлении такого предмета целесообразно подвергнуть пересмотру под этим углом зрения весь методический аппарат и с учётом результатов исследования разработать системный продукт – *учебник нового поколения*, который, с одной стороны, связывал бы внутренние и внешние контексты развития обучающегося, а с другой – был бы ориентирован на постоянное обновление контекстов профессиональной деятельности.

Отличительной особенностью мировосприятия современного молодого человека – будущего специалиста – является то, что в условиях глобализованного информационно-коммуникационного пространства его ценностно-смысловое отношение к осваиваемой деятельности складывается под воздействием глобального контекста развития профессии, с учётом мировых тенденций, опыта других стран и народов в данной сфере, что не может не сказаться на видении им своих «профессиональных горизонтов», выборе собственных приоритетов и траектории развития, адекватных формируемой таким образом картине мира. Мы полагаем, что естественным ключом к освоению подобного глобального контекста профессии может служить ИЯ. Более того, учитывая личностно ориентированный характер обучения в рамках современной парадигмы лингводидактики, можно утверждать, что ИЯ способен стать системообразующим предметом профессиональной подготовки личности, необходимым инструментом профессионализации в любой предметной области [5]. Соответственно, учебник ИЯ нового поколения должен реализовывать прогностический сценарий освоения этого предмета как инструмента целенаправленного развития мотивационно-личностного аспекта профессионального сознания студента в процессе *моделирования и освоения актуального глобального контекста развития профессии*. Такой контекст является многомерным и включает:

- контексты взаимосвязанного с другими областями знания развития осваиваемой студентом предметной области с акцентом на её «человеческом измерении»;
- профессионально релевантные национально- и социокультурные контексты, значимые для понимания прошлого, настоящего и будущего профессии;
- разнообразные образовательные контексты, которые студенты открывают, знакомясь с наиболее распространёнными и признанными

национальными моделями подготовки профессиональных кадров в данной области;

- би- / полилингвальные контексты межкультурного профессионального общения, реализуемые на нескольких лингвокогнитивных основаниях [5].

Таким образом, изучение ИЯ превращается в целенаправленно организуемый и иницируемый преподавателем / автором учебника *диалог смыслов*. Эти смыслы становятся фокусом, или результатом, полиперспективного личностного отражения нескольких измерений профессиональной сферы: национально-культурного, социокультурного, межкультурного. Особо подчеркнём, что в ходе учебной деятельности личностные, профессиональные, культурные смыслы вступают во взаимодействие, что и обуславливает создание *значимых в лингводидактическом отношении смыслов освоения лингвокогнитивного пространства профессиональных интеркультур*. Такой подход позволяет обеспечить формирование у студента осознанного ценностно-смыслового отношения к межкультурному аспекту осваиваемой предметной области и её ключевым задачам в свете глобального развития, превращает процесс освоения вторичного (по отношению к родной лингвокультуре) лингвосоциокогнитивного основания общения в осознанную потребность в профессиональном росте.

При этом важнейшим условием успеха является ориентация педагогического взаимодействия на *продуктивную учебную деятельность студента*, когда каждый субъект учения имеет возможность самостоятельно определиться с вектором развития профессиональной картины мира: преподавателем / автором учебника намечаются лишь «опорные точки» осваиваемого сегмента лингвокогнитивного пространства профессиональной интеркультуры, что позволяет прогнозировать возможные направления развития субъекта учения и регулировать эти процессы, соотнося результаты обучения с моделью формирования межкультурной иноязычной профессиональной (коммуникативной) компетенции.

В заключение подчеркнём, что для того чтобы описанные выше механизмы развития профессионального сознания студента работали, важно найти такие профессионально и социально значимые аргументы, которые способны обеспечить *эмоциональную вовлечённость* всех субъектов учебного процесса, надежно

«захватить» и длительно удерживать *внимание* каждого студента, стимулировать *интенсивное смыслообразование* на личностном уровне, «разбудить» *потребность* в определении собственной позиции по проблемному вопросу, в пересмотре известного, в собственных «открытиях», стремление внести свой вклад в общую «копилку познания», активно повлиять на процессы формирования пространства учебно-профессионального диалога. В нашей практике в качестве таких аргументов выступали: актуальные события, курьёзы, исторические факты, научные открытия, общественные дискуссии,

затрагивающие профессиональные каноны; культуры профессии, литературные персонажи, в особенном свете представляющие данное профессиональное сообщество, и т. п. [6]. Главное, на наш взгляд, – вооружая студента новым инструментом – способностью к современному уровню профессиональной коммуникации, – помочь ему при этом увидеть живую «ткань» осваиваемой профессии, привить вкус к творческому поиску, особому, полиперспективному, видению событий и явлений, к «заглядыванию за горизонт» привычного.

Список литературы

1. Андреев В. И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2006. 500 с.
2. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
3. Краевский В. В. Основы обучения. Дидактика и методика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Краевский, А. В. Хуторской. М.: Изд. центр АКАДЕМИЯ, 2007. 352 с.
4. Нечаев Н. Н. Профессионализм как основа профессиональной мобильности: материалы к пятому заседанию методологического семинара 8 февраля 2005 г. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 92 с.
5. Яроцкая Л. В. Иностранный язык и становление профессиональной личности (неязыковой вуз): монография. М.: Изд-во ТРИУМФ, 2016. 258 с.: ил., табл.
6. Яроцкая Л. В. Электронный документооборот в российских и зарубежных компаниях : учебник английского языка. М.: Изд-во ТРИУМФ, 2017. 116 с.

Сведения об авторе:

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент (ВАК), профессор МГЛУ, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права юридического факультета МГЛУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: методология лингводидактических исследований, педагогическое моделирование, компетентностный подход в обучении иностранным языкам, профессиональное развитие личности средствами предмета «Иностранный язык». Телефон: 89161554010, e-mail: lvyar@yandex.ru.

TRAINING AND DEVELOPMENT: DIALECTICS OF A FORMING PROFESSIONAL IN THE 21ST CENTURY

Lyudmila V. Yarotskaya

Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia.

The Abstract: *With formats of activity shifting in many spheres, there arises a necessity of devising an educational strategy adequate to meet the needs of the new generation of professionals ready to anticipate future trends in relevant areas, create innovative matrices of activity, and adapt to emerging profession-related contexts. The situation leads the pedagogic community to prioritize the matter of a student's development in terms of a professional. The well-established concept of developmental learning, with its focus on*

schoolchildren, evidently, needs reconsidering and finding a solution centered on a new actor – a student of a higher educational institution – and a system of social network different from that typical of school.

Thus, the article is devoted to substantiating a language pedagogy strategy to provide anticipating professional identity development in non-linguistics' students. The core of the educational process is seen in the binary prognostic simulation and development of students' competencies, and in the first place, personal qualities essential for graduates' further self-realization in the profession and career of their motivated choice. In this context, particular emphasis is laid on the poly-perspective representation of the goal-and-contents component of non-linguists' foreign language vocational training with direct reference to the developing professional identity, and teaching focused on providing a relevant framework for that process. The approach in question makes it possible to shift the status of professional development traditionally seen as one of professional training outcomes, and treat it, primarily, as the underlying factor of professional training and only then – as a learning outcome. The discipline "Foreign Language," due to its specific nature, developmental potential and current status, has every opportunity and thus is to trigger off the kind of transformation outlined in the article.

Key Words: *professional identity, professional training, professional development, anticipating development, prognostic simulation, professional consciousness, personal-motivation component, foreign-language vocational training.*

References

1. Andreev, V. I. Pedagogika vysshej shkoly. Innovatsyonno-prognosticheskij kurs: uchebnoje posobije [Higher school pedagogy. Innovative-prognostic course: manual]. Kazan': Tsentr innovatsionnyh tekhnologij, 2006. 500 p.
2. Verbitskij, A.A.o Aktivnoje obuchenije v vysshej shkole: kontekstnyj podkhod [Active Teaching and Learning in Higher Education: Context Approach]. Moskva: Vysshaja shkola, 1991. 207 p.
3. Kraievskij, V.V. Osnovy obuchenija. Didaktika i metodika: uchebnoje posobije dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Fundamentals of teaching and learning. Didactics and methods: manual for students of higher educational institutions] / V.V. Kraievskij, A.V. Khutorskoj. Moskva: Izd. Tsentr AKADEMIIJA, 2007. 352 p.
4. Nechaev, N.N. Professionalizm kak osnova professional'noj mobil'nosti: materialy k pjatomu zasedaniju metodologicheskogo seminaru 8 fevralja 2005 g. [Professionalism as a Basis of Professional Mobility: Materials for the Fifth Session of the Methodological Seminar, 8 February, 2005] Moskva: Issledovatel'skij tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2005. 92 p.
5. Yarotskaya, L.V. Inostrannyj iazyk i stanovlenje professional'noj lichnosti (nejazykovej vuz): monografija [Foreign Language and Developing a Professional Identity (Non-linguistics University): Monograph]. Moskva: Izd-vo TRIUMF, 2016. 258 p., ill., tabl.
6. Yarotskaya, L.V. Elektronnyj dokumentooborot v rossijskih i zarubezhnyh kompanijah: uchebnyj anglijskogo jazyka [Electronic Document and Records Management in Russian and Foreign Companies: Workbook for English Language Learners]. Moskva: Izd-vo TRIUMF, 2017. 116 p.

About the author:

Lyudmila V. Yarotskaya – Advanced Doctor (Pedagogy), Associate Professor, MSLU Professor; Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Law Faculty, MSLU (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: language pedagogy methodology, educational simulation, competency approach in foreign language teaching, developing professional identity through foreign language learning. e-mail: lvyar@yandex.ru.

* * *

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОНОГРАФИИ «ИСПАНИЯ КАК МЕТАФОРА»

Е.В. Астахова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В данной публикации автор представляет свою научную монографию «Испания как метафора». Цель исследования – познание национального образа Испании на стыке разных научных направлений: истории, культурологии, прагматической лингвистики, социальной психологии, литературоведения, имиджологии и имагологии. Рассматриваются особенности архетипа и менталитета жителей Испании, константы испанской картины мира, современные языковые явления в рамках национальной культуры и социоисторического контекста. Обращаясь к понятию метафора, которая выступает как этнокультурный концепт, автор обосновывает название книги. Освещаются основные положения глав монографии, посвящённые отдельным базовым концептам и ключевым словам: праздник, цвет, юмор, семья, комплимент и др. Представлен социолингвистический портрет испанского общества на фоне исторических перемен. Национальный характер, поведенческие стереотипы и детали быта рассматриваются в пространстве испанского языка и культуры. Уделяется особое внимание особенностям современного разговорного языка в разных стратах общества, изменения в лексических и синтаксических средствах коммуникации, трансформации в формах обращений. Прослеживаются взаимные образы Россия–Испания /Испания–Россия в историческом и современном контексте. Испания и Россия – разные, даже контрастные страны, с большими отличиями в ценностных ориентирах, но объединённые метафизической общей границей. Со стороны России интерес и притяжение к Испании сильнее, в том числе на интуитивном уровне. Несмотря на доступность любой информации, в России продолжают воспринимать Испанию сквозь призму символов, которые сложились на протяжении XIX–XX вв. и которые являются скорее интерпретацией, чем рациональным знанием. Анализируются стереотипные и реальные представления об Испании, символы и метафоры, связанные с этой страной. Дается краткий обзор библиографии.

Ключевые слова: «Испания как метафора», монография, национальный образ, национальный характер, социолингвистический портрет, испанский язык, Россия – Испания, стереотипы, символы, метафоры, библиография.

...Испания – это такая страна, куда ни с каких дорог не завернёшь, даже, если захочешь...

Здесь просто оказываешься однажды.

Обнаруживаешь себя. Входишь сюда на вдохе...

Олеся Николаева. *Испанские письма*.

Представляю читателям журнала «Филологические науки» свою научную монографию «Испания как метафора», которая вышла в издательстве МГИМО в конце 2017 г., объём – 16 п.л., с иллюстрациями, серия «Высшая школа МГИМО» [1].

Цель исследования – познание национального образа Испании на стыке разных научных направлений: истории, культурологии, прагматической лингвистики, социальной психологии, литературоведения, имиджологии и имагологии. Рассматриваются особенности архетипа и менталитета жителей Испании, константы испанской картины мира, современные языковые явления в рамках национальной культуры и социоисторического контекста. Монография предназначена для специалистов в области испанистики, преподавателей, студентов, изучающих испанский язык, а также широкого круга читате-

лей, интересующихся Испанией и любящих эту страну.

Название этой академической работы выбрано не случайно. Оно определено представлениями об Испании, которые в значительной части зарубежного сознания, в том числе российского, по многим признакам отвечают понятию метафоры. Метафора – ключ к пониманию национального видения мира, она обогащает понимание действительности, человеческих действий и языка. Метафора, кроме сравнения, выполняет множество функций, которые позволяют раскрыть и познать смыслы слов и явлений, создать экспрессивные и образно-эмоциональные оценки.

Границы самого концепта метафоры размыты, она многозначна, во многом обращена к эмоциям, воображению, интуиции и таким способом воздействует на разум. Метафора, если она удачна, помогает воспроизвести образ, в данном случае образ страны, национальный характер.

Великий испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в работе «Две великие метафоры» полагал, что «от наших представлений о сознании зависит наша концепция мира, а она в свою очередь предопределяет нашу мораль, нашу политику, наше искусство. Получается, что всё огромное здание Вселенной, преисполненное жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры» [2]. Ключевые метафоры, проецируемые на реальные ситуации, раскрывают многие скрытые явления.

Интересно, что в метафоре заключена и ложь и истина. Она передаёт противоречивость впечатлений, ощущений и чувств. Это в полной мере относится к представлениям об Испании, как в историческом, так и в современном контексте, которые не могут быть однозначными.

Писать о национальном образе какой-либо страны – неблагоприятная задача. Ведь это понятие складывается из множества объективных реальностей и субъективных впечатлений, сложившихся веками стереотипов, мифов, традиций старых и нарождающихся. Большую роль в этом ряду играют мифологемы, закрепившиеся в литературе и искусстве, которые являются особым способом познания реальности. К тому же каждый человек, заинтересовавшись какой-то страной, создаёт своё сугубо индивидуальное представление об этом регионе, его людях, их менталитете и поведении, обычаях и языке. Причём это восприятие во многом зависит от культурной и профессиональной принадлежности автора, особенностей его мышления. Кроме

того, образ страны в современном, стремительном глобальном мире подвергается нивелировке, сглаживающей национальные особенности и ценности.

В этой монографии сделана попытка показать отдельные аспекты социокультурной картины Испании, части мозаики богатого, искромётного, традиционного и меняющегося, консервативного и радикального, противоречивого и единого мира, каким является эта страна, в которой при наличии региональных и этнолингвистических различий присутствует единое пространство, обусловленное определёнными константами.

Существует «культурная логика» поведения. Этот культурный круг обусловлен как объективными факторами – географическим, климатическим, историческим, религиозным, социальным, этнопсихологическим, так и субъективными – собственная идентификация личности с культурой. Ценностные картины мира отражают нравственные проблемы, которые возникают перед любым человеком в жизни, основными из которых являются: что считать добром или злом; как должно поступать в тех или иных обстоятельствах; что хорошо и что плохо в межличностном общении и в социуме. Трактовка этих проблем связана с историческими условиями формирования той или иной культуры, укладом жизни. Каждая цивилизация характеризуется своей иерархией ценностей, которая складывается веками, создавая свои ритуалы и традиции. Менталитет – это и есть осознание национальных традиций.

Лингвисты, которые исследуют национальные культуры через ключевые слова, **русскую картину мира и национальный характер обозначают тремя важнейшими константами – душа, судьба, тоска** [3]. Если мы зададимся вопросом о ключевых словах характеристики испанского мира, то, по нашему мнению, ими будут – **семья (familia), честь (honor), радость жизни (fiesta)**.

«Описать национальное – это выявить уникальное», – писал русский философ Г. Гачев, автор многих работ о национальных образах мира. «Национальные особенности – это как выражение лица, интонация». Поэтому важно сообщить представление о национальном мире ярко и убедительно, используя поле ассоциаций, и смотреть на национальное не только прямо – «как на солнце», «а сбоку заглядывать, вроде случайное улавливать», использовать предположения, гипотезы, даже фантазии, «окольный путь – здесь оказывается ближе» [4, с.46].

В этой работе представлены несколько очерков-исследований, которые ни в коей мере не исчерпывают, а только открывают особенности национального мировидения испанцев через некоторые концепты. Главная цель – показать, что восприятие Испании *a la prima*, в жёлто-красных цветах, как радостную страну людей, постоянно наслаждающихся жизнью – не соответствует действительности. Но, как показывает история, мифы и стереотипы живут веками. Нельзя их отрицать, но нужно посмотреть на них новым взглядом.

В первой главе «Испания: взгляд из России», кроме экскурса в историю российско-испанских отношений, анализируются представления о национальном характере испанцев, который полон противоречий. К нему применимы такие прилагательные как «жёсткий и человечный, смиренный и бунтующий, энергичный и ленивый. Испанцы спонтанны и преисполнены достоинства, они демонстрируют всё то, что мы можем называть человеческим микрокосмосом. Это люди страсти, они могут концентрировать силу воли перед лицом особых обстоятельств, они способны на сверхчеловеческие поступки» [5, с.66].

Проведём параллель с представлением о русском характере Н. Бердяева, также оказавшимся эмигрантом. Философ подчёркивает такие черты как анархизм, спонтанность, неудовлетворённость. Русская душа, пишет он, представляет собой сочетание разнородных сущностных начал: «неисчислимого количества тезисов и антитезисов» – свободы и порабощённости, революционности и консерватизма, новаторства и инертности, предприимчивости и лени» [6]. А современные испанские авторы, говоря о русских, делают акцент на «бравату, сердечность, коммуникативность, гостеприимство, спонтанность, склонность к меланхолии, примат сердца над разумом, дух противоречия, неприязнь к прагматизму» [7].

Поиски смысла жизни, национальной идентичности всегда волновали и продолжают волновать испанских мыслителей, о чём тоже говорится в книге. *Поколение 98, поколение 14, поколение 27* – определения групп интеллектуалов, которые вели острые дискуссии о «сути Испании» – *El Ser de España* или о «проблеме Испании» (*Problema de España*), сущности национального характера, его духа и идеи.

Полемика и основное идеологическое столкновение двух поколений прослеживается по работам и личным отношениям двух великих

философов Мигеля де Унамуно и Ортеги-и-Гассета. Унамуно подчёркивал **трагическое восприятие жизни** испанцами, а о себе говорил: «У меня болит Испания» – “Me duele España”. Он делал упор на подлинные кастильские ценности (*casticismo*) – народность, доброту, религиозность, непротивление ходу истории, «жизнь против разума, просвещения».

Философские, исторические и духовные взгляды Ортеги-и-Гассета сводятся к противоположному тезису – необходимости *europizar España* – *европеизировать Испанию*. Для него «добиться синтеза жизни и разума» значит примирить «две Испании», не жизнь против разума, а жизнь и разум, в противном случае – прозябание Испании на задворках истории.

Вопросы, касающиеся *El Ser de España*, а также проблема «двух Испаний», продолжают и в настоящее время вызывать ожесточённые дискуссии. «Две Испании» были запечатлены пророческим Гойей на полотне «Битва на гарротах» (*Duelo a garrotazos* или *La riña*), где двое мужчин сражаются с такой яростью, что их ноги по колени ушли в землю. Эта фреска 1819 г. из «чёрных картин» (*pinturas negras*) – самый жестокий символ гражданской войны, раскола испанской нации и предупреждение последствий такого раскола.

«Цвет в образе Испании», пожалуй, наиболее лирическая глава монографии, где цвет выступает как символ и позволяет исследовать и исторические страницы, и поэзию, и литературу, и живопись, а также бытовое поведение. И, конечно, пейзаж, который, по словам Мигеля де Унамуно, открывает национальную идентичность.

«Чёрная легенда», «белая Испания», «жёлтая легенда» – имеют непосредственное отношение к истории страны и к её образу. Так, «чёрная легенда», искусственно созданная геополитическими соперниками Испании в XVI – XVII вв., раздута просветителями в XVIII в., надолго сохранилась в европейской истории и литературе.

«Жёлтая легенда» связана с романтическим представлением об Испании, широко растиражированным французскими и английскими литераторами и путешественниками, очарованными Андалусией, патриархальным бытом Кастилии, южными и горными пейзажами, историческими руинами и старинными замками. Они передавали в своих произведениях преувеличенно восторженный образ экзотической, но отсталой, «восточной», страны с «сильными

страстями». «Жёлтая легенда» – это по существу оборотная сторона «чёрной», тоже во многом выдуманная Испания – *España imaginada*, но именно этот образ нашёл благодатную почву в России, где родилась и уже никогда не увядала мечта о пленительной Испании Дон Кихота, Дон Хуана, Кармен, рыцарей «плаща и шпаги».

Русские художники прочувствовали эту страну через краски. Цвет, как чувственный метод познания, как концентрат символических смыслов, помог им увидеть главное. Чёрно-серые тона франкистского периода, яркие краски *мовиды* и перехода к демократии – *transición*. Наконец, сами города Испании выступают как символы разного цвета – красно-чёрный Мадрид, жёлтый зной Кордобы, сине-золотая Севилья. В испанском языке символика цвета, его эмоциональные и оценочные смыслы проявляются и в паремиях.

Цвет, являясь одним из сложнейших ментальных образований, позволяет проникнуть в образ такой яркой страны как Испания, страны неоднозначной, многослойной, чьи «обитатели знали всегда, что...чёрное только ещё больше подчёркивает алое и золотое» [8, с. 21].

«Географическая судьба», константные мифы и постоянная борьба между «мифологической» географией и географией «реальной» определяет **своеобразный дуализм, который всегда присутствует в Испании** – сосуществование праздничного и одновременно трагического, комического и серьёзного, жизни и смерти. Об этом говорит многое: ритуал корриды, исполнение фламенко, скорбные религиозные процессии и яркие, граничащие с язычеством, карнавалом праздники, разгул народных нравов и инквизиция (вспомним пушкинское – «с любовью набожность умильно сочетать»). Об этом же свидетельствуют страницы истории, в которых уживаются расцвет и упадок, литературные герои, страдающие меланхолией и одновременно олицетворяющие радость, любовь и полноту бытия во всех проявлениях. Это страна, по словам Федерико Гарсии Лорки, где «веками поют и пляшут», страна, где «дуэнде досуха выжимает лимоны зари», страна, «распахнутая для смерти». «В других странах смерть – это всё. Она приходит, и занавес падает. В Испании иначе. В Испании он поднимается» [1, с. 71].

В главе «Праздник как ключевой концепт национальной культуры» акцент делается на описании образа Испании при помощи понятий, связанных с праздником. Фиеста всегда вы-

ступала как первая ассоциация восприятия Испании за рубежом. Этот главный символ страны связан с историей Испании, он определяет и настоящее. Праздник насыщен многими смыслами и значениями, он и радостен, и трагичен. Знаменитое испанское *искусство жить* – **el arte de vivir** проявляется в многочисленных аспектах жизненного уклада и поведенческих характеристиках: межличностная коммуникация, трапеза, культура проводить время в кафе, барах и ресторанах, тертулии (ток-шоу, литературные и политические салоны, вечеринки). К этому ряду причисляются чисто испанские явления – мовида (в 1980-гг. особое социокультурное явление, основанное на культуре underground, как ответ на многочисленные табу времён авторитарного режима Франко, в настоящее время – часть социальной жизни крупных городов, «хождение» по барам и ресторанам, общение и гуляние особенно с вечера пятницы), ботельон (массовые собрания подростков и молодёжи, которые сопровождаются общением и потреблением алкоголя). Практически каждую неделю имеют место народные и религиозные праздники, дни города, дни района. Особую роль играют коррида и футбол, который вытесняет «национальный праздник», каким всегда в коллективном сознании обозначалась коррида.

Непосредственное отношение к сфере изучения национального характера и народной культуры имеет особый **лингвокультурный феномен коммуникационного поля** – *комплимент-пиропо*. Этому посвящён отдельный очерк. Особенности исторических и социально-психологических событий испанского общества находят отражение в этом явлении, которое смотрится «немодным» и даже не политкорректным на фоне глобальных изменений в сфере экономики и политики, в гендерных отношениях, которые затронули Испанию в конце XX и в начале XXI века.

Сериал *Cuéntame cómo pasó* послужил толчком для написания **главы о социолингвистическом портрете испанского общества**. Сериалы, если они удачны, в настоящее время играют роль романов. Этот фильм позволяет взглянуть на Испанию не чужими, а «своими глазами», через жизнь простой семьи, рассказать о тех изменениях в менталитете и поведенческих характеристиках, которые произошли в стране, начиная с конца 1960-х гг.

В этой главе много пластов: отношения в семье, бытовая культура, перемены в социальных

отношениях, детали поведенческой культуры. Есть заметки о современном разговорном языке, которые, надеемся, будут полезны для всех, изучающих испанский язык.

Несмотря на то, что, по словам Рамона Гомеса де ла Серна, *el español es un alma en pena* – испанец – страждущая душа, жители Испании – позитивны и не могут долго предаваться печали. **А частью позитивной коммуникации является юмор, которому посвящена небольшая глава.** Именно в Испании в XVI веке возник плутовской роман – *novela picaresca*, как литературный жанр, в котором сквозь горькую сатиру и с добрым юмором воссоздавались нравы и обычаи испанского Золотого века, авантурные приключения, гротескные ситуации. Современные испанцы любят и умеют смеяться, в том числе над собой, всегда готовы покритиковать своё правительство, местные власти и т.п., но не одобряют, когда это делают иностранцы, что следует обязательно учитывать при межличностной коммуникации.

Для интерпретации реальности мы используем затёртые истины, живём условностями и клише, ориентируемся на стереотипы. Прибегая к Твиттеру, Фейсбуку, упрощаем язык, видим мир через картинку Интернета, часто не способны к самостоятельному мышлению. Слово – непременная часть бытия, поэтому один из смыслов – постоянный творческий поиск слов. Взгляд сквозь призму поэзии, юмора и абсурда на повседневную реальность делает жизнь намного интересней [9, с.79]. Этому посвящена **глава, связанная с творчеством замечательного Рамона Гомеса де ла Серны.**

В монографии присутствует также глоссарий терминов-реалий, которые помогают понять многие лингво-социо-культурные явления: *дуэнде, ботельон, мовида, кастицизм, махизм* и другие.

Представлены в монографии также оригинальные тексты на испанском языке, которые служат иллюстрацией отдельных глав. Так, материал о взгляде испанцев на самих себя содержит занимательные сведения о стереотипах, которые господствуют в самой Испании в отношении жителей разных регионов. При этом важно помнить, что стереотипы не всегда отражают реальное положение вещей, но являются ключом к познанию.

Статья испанского журналиста с опытом работы корреспондента в Москве на образ нашей страны довольно точно передаёт мнения, иллю-

зии и мифы разных представителей испанского общества о России, которая чаще всего предстаёт далекой от реальности, что, впрочем, происходит и с Испанией в глазах российского социума. «Выдуманные» страны господствуют в сознании друг друга, что облегчает восприятие действительности, но не соответствует истинному положению вещей.

В зарисовке о приверженности всех жителей Испании, независимо от региона, культуре посещения кафе, баров и ресторанов раскрывается поведенческий код знаменитого «искусства жить» – отличительной и очень важной черты коммуникационного поведения. А в стихотворении великого испанского поэта Антонио Мачадо «España de charanga y pandereta» (дословно – *Испания бубна и чаранги*) показан образ Испании во всём многообразии и противоречиях с надеждой на её будущее: современную, мыслящую и активную страну.

Готовя эту научную работу, автор обращался ко многим источникам и исследованиям. Богаты информацией и впечатлениями описания российских дореволюционных учёных, писателей и путешественников В.П. Боткина, Е.Н. Водовозовой, И. Яковлева, Вас. Немировича-Данченко, композиторов Михаила Глинки, Игоря Стравинского, Сергея Прокофьева, воспоминания о пребывании в Испании русских художников К. Коровина, П. Кончаловского, М. Волошина, А. Бенуа, А. Головина, очерк М.И. Цветаевой о работе в Испании Н. Гончаровой.

Классическая работа академика М.П. Алексеева «Очерки истории испано-русских литературных отношений XV–XIX вв.» даёт обширный материал для исторического экскурса по теме «Россия и Испания: взаимные образы». В антологии «Испанские мотивы в русской поэзии XX века» (2011) выстраивается испанская картина мира в русском поэтическом сознании, а сборник «Русские в Испании» (2012) представляет интереснейшие свидетельства впечатлений наших путешественников в эту страну в XVII–XIX вв.

Размышления российских учёных М. Бахтина о традициях и характере, А. Лосева о символах и мифах, Ю. Лотмана о странах «пограничной культуры» и «повседневности», Г. Гачева о национальных образах мира, Ю. Степанова о сущности концептов, В. Багно об «общей границе» России и Испании, послужили для автора «теоретическим толчком» для практических выводов.

Были использованы оригинальные художественные произведения классиков испанской литературы Хуана Валеры, Бласко Ибаньеса, Бенито Переса Гальдоса, Эмили Пардо Басан, философские размышления Хосе Ортеги-и-Гассета, Мигеля де Унамуну, Рамиро де Маесту, Сальвадора да Мадариаги, стихи и статьи Федерико Гарсии Лорки, поэзию Антонио Мачадо, Мигеля Фернандеса. Особо следует выделить публикации последних лет: Томаса Переса Вехо «Воображённая Испания. История изобретения одной нации» (2015) – Tomás Pérez Vejo “España imaginada. Historia de la invención de una nación”, Хавьера Андреу Миральеса «Открытие Испании. Романтический миф и национальная идентичность» (2016) – Xavier Andreu Miralles “El descubrimiento de España. Mito romántico e identidad nacional”, Игнасио Мерино «Почему Испания. Символическая история» (2016) – Ignacio Merino “Una historia simbólica”.

Полезный фактический материал представлен в сводных монументальных работах испанских антропологов «Антропология народов Испании», «Культурная антропология в Испании», описание «народов Испании» у Х. Каро Бароха, К. Лисоны Толосана, Э. Фабрегата. В монографии о публичной дипломатии XXI века и политике «мягкой силы» Хавьера Нойа говорится о восприятии Испании «чужими» сквозь призму стереотипов и о необходимости создания современного образа страны через продвижение новых брендов – проект *marca país, marca España*.

Тема Испании всегда привлекала и продолжает привлекать внимание английских писателей, путешественников и учёных, которые посвятили этой стране многочисленные публикации: Г. Мортон, Г. Честертон, Д. Лоней, П. Престон и др. Французские исследователи Вилар А., Дефурно М. пишут об истории Испании, её повседневной жизни с историческим экскурсом. Мексиканский историк и антрополог Леопольдо Зео ищет интересные аналогии в пространственном расширении России и Испании и размышляет о Востоке и Западе, истинном и мнимом.

В контексте изучения национального образа следует отметить исследования современных российских историков, политологов, этнографов, культурологов, литературоведов, искусствоведов, филологов: В.Е. Багно, В.А. Ведюшкина, О.В. Волосюк, В.А. Иовенко, Т.П. Каптерева, А.Н. Кожановского, М.В. Ларионовой, Н.Р. Малиновской, А.А. Орлова, С.И. Пискуновой, М.М. Раевской, А.В. Садикова, В.Ю. Силуна-

са, С.М. Хенкина, и многих других, в том числе всех авторов двухтомной истории Испании (М.:Индрик, 2012, 2014 гг.).

Готовя свои очерки-исследования, автор использовал личные беседы, результаты социологических опросов в Испании, материалы электронной и печатной прессы, а также популярные телесериалы и фильмы о каждодневной жизни испанцев.

* * *

Одной из задач этого исследования было показать, что Испания и Россия – очень разные, даже контрастные страны, с большими отличиями в ценностных ориентирах, но объединённые метафизической общей границей.

Существует взаимное притяжение на эмоционально-культурном уровне, несмотря на расстояния, историю, климат и пространства. Нас притягивает друг к другу не схожесть характеров и исторической судьбы, а совместное отличие от судьбы и истории общеевропейской. Общая граница России и Испании проходит и через расколы и рефлексии обоих обществ о дальнейших путях развития каждой из стран.

Со стороны России интерес и притяжение к Испании сильнее, в том числе на интуитивном уровне. Несмотря на доступность любой информации, в России продолжают воспринимать Испанию сквозь призму символов, которые сложились на протяжении XIX-XX вв. и которые являются скорее интерпретацией, чем рациональным знанием. Это – образ романтической страны с сильными страстями, красочными праздниками, неторопливым стилем бытия и «искусством жизни». Примечательно, что в России часто посредниками представления страны выступали и продолжают выступать литературные персонажи – Кармен, Дон Жуан, Дон Кихот.

Многое изменилось и продолжает меняться в России, в Испании и в мире в целом, и нужно с осторожностью подходить к использованию известных стереотипов об исторических параллелях и схожести характеров. Тем более нельзя прибегать к известным шаблонным обобщениям об образах наших стран, часто не соответствующих действительности. Меняется «поведение этноса» в новых исторических условиях глобализации, меняются языковые реалии, термины, клише. Изучение этих новых явлений и ценностей – интересный вызов для всех, занимающихся испанистикой и испанским языком.

Многовариантность народов и их культур есть сокровище человечества. «Каждый народ одарён особым талантом видеть мир и создавать вещи таким образом, который не свойственен народу-соседу. Таким образом, народы дополняют друг друга на планете, и нам следует не просто иметь терпимость, толерантность к различиям между народами и их культурами, но питать любовь к ним так же, как мы уважаем разделение труда в производстве. **Возлюбленная непо-**

хожесть – вот что должно быть принципом во взаимных отношениях между цивилизациями», пишет Г. Гачев [10].

«Национальный космос» остаётся и не может исчезнуть. И его познание приближает к действительному взаимопониманию и позволяет нам успешно выстраивать межкультурную коммуникацию. Цели этой коммуникации, плодотворного диалога и служит данная монография.

Список литературы

1. Астахова Е.В. Испания как метафора: монография/Елена Астахова; МГИМО (ун-т) МИД РФ, каф. испанского языка. М.: МГИМО-Университет, 2017. 274 с. с цв.илл.
2. Ortega y Gasset, José. Las dos grandes metáforas (1924). Revista de occidente, 1957. Vol.2. p.387–400.
3. Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов: монография. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Гачев Г. Национальные образы мира: курс лекций. М.: АКАДЕМИЯ, 1998. 432 с.
5. Madariaga, Salvador de. Ingleses, Franceses, Españoles. Madrid-Barcelona, 1931. 251 p.
6. Бердяев Н. Судьба России. Книга статей. М.: Азбука, 2016. 416 с. URL: <http://www.e-libra.ru/read/193878-sudba-rossii.html>. (Дата доступа 12.12.2016)
7. Del Río Ruiz. Cuando miremos a Rusia. La Razón, 7.05.2004.
8. Gilbert K. Chesterton. El color de España y otros ensayos. Ediciones Espuela de Plata. 2009. 296 p.
9. Астахова Е.В. Грегории – особый литературный жанр: метафора+юмор / Е. В. Астахова // Филологические науки в МГИМО. №1 (9), 2017. С. 73–79.
10. Гачев Г. О национальных образах мира. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/>. (Дата доступа 10.11.2017)

Сведения об авторе:

Астахова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент ВАК, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Профессиональные интересы: лингвострановедение, культурология. E-mail: elastakhova@yandex.ru.

PRESENTATION OF THE MONOGRAPH «SPAIN AS METAPHOR»

E.V. Astakhova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The author presents a scientific monograph “Spain as metaphor”. The aim of the research is to learn the national image of Spain at the junction of different scientific directions: history, culture studies, pragmalinguistics, social psychology, literary criticism, image and imagology. Features of the archetype and mentality of the inhabitants of Spain, the constants of the Spanish picture of the world, modern linguistic phenomena within the framework of national culture and sociohistorical context are considered. Turning to the concept of metaphor seen as ethnocultural concept, the author justifies the book’s title. The main theses of the chapters are considered by analyzing some basic notions and key words that allow one to study a national image of the country from different points of view: fiesta, color, humor, family, piropo-compliment etc. A sociolinguistic portrait of the Spanish society is presented through historical changes. The national character and details of everyday life are considered in the space of the Spanish language. Special attention is paid to the peculiarities of modern spoken language in different*

strata of society, changes in lexical and syntactic means of communication and transformation in forms of addressing. The mutual images of Russia–Spain /Spain–Russia in historical and contemporary contexts are traced. The author studies the stereotypical and realistic view of Spain. A brief review of the bibliography is presented.

Key Words: *“Spain as metaphor”, monograph, national image, national character, social and linguistic portrait, Spanish language, Spain, Russia, stereotypes, bibliography.*

References

1. Astakhova E.V. Ispanija kak metafóra (Spain as a metaphor): monografiya/Elena Astakhova; MGIMO (un-t)MID RF, kaf. is-panskogo yazyka. M.: MGIMO, 2017. 274 s. s ill.
2. Ortega y Gasset, José. Las dos grandes metafóras (1924). Revista de Occidente, 1957. Vol.2.P.387-400.
3. Vezhbitskaya Anna. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov (Understanding cultures by means of key words): monografiya. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 288 s.
4. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira: kurs leksij (National Image of the world: lectures). M.: AKADEMIYA, 1998 . 432 s. S. 46.
5. Madariaga, Salvador de. Ingleses, Franceses, Españoles. Madrid-Barcelona, 1931 – 251 p. P.66.
6. Berdyaev N. Sud'ba Rossii. Kniga statej. (The destiny of Russia. The book of articles) M.: Azbuka, 2016. 416 s. Available at: URL: <http://www.e-libra.ru/read/193878-sudba-rossii.html>. Accessed 12.12.2016.
7. Del Río Ruiz. Cuando miremos a Rusia. – La Razón, 7.05.2004.
8. Gilbert K. Chesterton. El color de España y otros ensayos. Ediciones Espuela de Plata. 2009. 296 p.
9. Astakhova E.V. Gregerii –osoby literaturnyy zhanr: metafóra+yumor //(Gregery as a special literary genre: metaphor + humor) E.V.Astakhova // Filologicheskiye nauki v MGIMO. №1 (9). 2017. p. 73–79.
10. Gachev G. O natsional'nykh obrazakh mira (About national images of the world). URL: Available at: URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (Accessed 10.11.2017)

About the author:

Astakhova Elena V. – PhD in History, Associated Professor of the Department of Spanish, MGIMO-University (Russia, Moscow). E-mail: elastakhova@yandex.ru.

* * *

ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ СИМИН БЕХБАХАНИ

А.В. Березина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Симин Бехбахани (1927–2014) – всемирно известная иранская поэтесса, которую дважды номинировали на Нобелевскую премию. Данное исследование направлено на заполнение лакун, существующих в анализе художественных текстов этой иранской поэтессы, в частности на выявление отношений в пределах бинарной оппозиции «мужчина-женщина». Методологической основой работы стал инструментарий феминистской литературной критики. В своём раннем творчестве Бехбахани попадает в ловушку, подготовленную системой патриархальной культуры и языка, отражающих маскулинизированное сознание, так как пробует идентифицировать себя в маскулинной парадигме, совпадающей по своим основным параметрам с общечеловеческой. Образ мужчины часто наделён негативными характеристиками, а женщина представлена в образе жертвы. Данная психологическая установка совпадает с устойчивой в современном для поэтессы обществе нормой гегемонной маскулинности в соответствии с мужским хабитусом лидерства и доминирования. Вопрос равенства мужчины и женщины является сквозным лейтмотивом в творчестве Симин Бехбахани. Она подчёркивает желаемый статус женщины в качестве равного партнёра, в рамках дихотомической пары признаёт исключительно паритетные отношения, союз с мужчиной мыслит как гармоничное взаимодействие состоявшихся личностей, основанное на осознанном подходе к слиянию двух сердец. В ходе исследования был проанализирован весь поэтический материал Симин Бехбахани, а представленные стихотворения впервые переведены на русский язык автором статьи. Результаты исследования могут быть полезны востоковедам и литературоведам и использованы в ходе реализации учебных программ по филологическим дисциплинам.

Ключевые слова: Симин Бехбахани, феминистская литературная критика, бинарная оппозиция, гендерный дискурс, феминность, маскулинность.

Симин Бехбахани (1927–2014) – известная иранская поэтесса, которая, получив мировое признание, была удостоена ряда национальных и международных премий и наград. Она дважды стала номинантом Нобелевской премии в области литературы. Симин принимала активное участие в работе женских организаций и социальных институтов Ирана, и многие данные учреждения находились под идейным влиянием творчества поэтессы [7, с. 72]. Избрав газель¹ жанровой доминантой своего творчества, тем

самым Симин обрекла себя на «включение в традицию» и следование патриархальному канону. Это позволило некоторым исследователям, в том числе М. Бехфар, охарактеризовать раннее творчество Бехбахани как «талгин ва текрар» («намёк и повтор») [6, с. 84]. Однако по мере формирования индивидуального почерка Симин ввела газель в категорию «женского письма», таким образом оказавшись в числе тех редких мастеров слова, кто посредством авторской инициативы способствовал эволюции литературного канона.

¹ Газель – строфа восточного стихосложения, в которой рифмуются два полустишия (мисры) первого бейта, и та же рифма сохраняется во всех вторых полустишиях каждого последующего бейта.

Автор использует инструментарий феминистской литературной критики. В общем контексте этот вид литературной критики исходит из того, что каждое из созданных литературных произведений несёт на себе неизгладимый мировоззренческий код его автора. Проводя исследования любого словесного материала, нельзя пренебрегать влиянием, которое оказывает на текст пол творца, и анализировать произведения, созданные женщинами, вне гендерного дискурса. Феминистская литературная критика образует мощный идейно-эстетический принцип воссоздания и осмысления бытийности, реализующийся через обращение к образу женщины [2, с. 42–43].

Ключевым звеном в спектре гендерных исследований остаются выраженные в творчестве взаимоотношения внутри двоичной оппозиции «мужчина – женщина». К предмету анализа данного большого смыслового блока в рамках феминистской литературной критики можно отнести и выявление стереотипности взаимосвязей элементов, и репрезентирующие образ мужчины лексические средства, и интерпретацию относящихся к конкретному денотату коннотативных значений, и моделирование поэтессой собирательного маскулинного образа. Данное исследование направлено, в первую очередь, на выявление и сопоставление женского восприятия второго компонента бинарной системы в этнокультурном пространстве Ирана посредством концептуального анализа художественных текстов Симин Бехбахани.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу художественного материала, следует отметить, что, докатившись до Ирана в конце XIX века, волна феминизма столкнулась с национальными воззрениями, укладом жизни, большей когерентностью общественного устройства и религии. Идеи феминизма не заняли лидирующих позиций на философской и научной почве, подверглись воздействию национальных куль-

турных ценностей, порождая разночтения и интерпретации признанного на Западе учения [1, с. 82]. По мнению иранского исследователя феминизма М. Гупранлу, в Иране феминизм и гендерный дискурс подверглись реструктуризации, что исключило гегемонию данного течения [8, с. 42]. В своих работах ведущие иранские исследователи феминизма Парвин Пайдар, Махбубе Аббасизаде, Алиакбар Мехди доказывают, что феминизм в Иране существует в адаптированной под местный менталитет и реалии форме [9, с. 32].

Идеи феминизма затронули многие стороны жизни иранского общества, однако наиболее яркое проявление они нашли в персидской литературе XX века [1, с. 84]. Наряду с «ше'р-э ноу²» («новой поэзией») эволюционировала и классическая школа стихосложения, сводившаяся к принципам аруза, то есть традиционного квантативного стихосложения. Представительницей подобной манеры письма является Симин Бехбахани, в рамках классической формы представившая новое прочтение борьбы за гендерное равноправие.

В своём раннем творчестве Бехбахани попадает в ловушку, подготовленную системой патриархальной культуры и языка, отражающих маскулинизированное сознание, поскольку пробует идентифицировать себя в маскулинной парадигме, совпадающей по своим основным параметрам с общечеловеческой. В сознании иранского читателя не возникает конфликта восприятия канонической газели в силу женского авторства – гендерный фактор, как правило, проявлен лишь в традиционной «подписи» («тахаллус») Симин в последнем бейте. Описание любимого в сборнике «Джа-йе па» («След», 1956) лежит в рамках сложившейся литературной традиции: в выборе средств выразительности и вербализации образа мужчины сохраняется специфика «маскулинного письма», сюжетная линия строится на классической взаимосвязи влюблённого и возлюбленной:

Если в саду кипарис нарисуют,
Он уступит в росте любимому [5, с. 152].

Обеты, данные твоим прекрасным очам,
Этой ночью разбила о локоны твои.
С мольбою, стоном, криком
Разорвала оковы своего безумного сердца³... [5, с. 153].

² Под этим термином в литературоведении принято понимать не только новую, свободную форму стиха, но и новую проблематику, видение явлений мира, поэтическую образность и способы организации словесного материала [Кляшторина, с. 7].

³ Здесь и далее перевод с персидского А.В. Березиной.

Если в предложенных отрывках нивелировать категорию рода и увидеть его глазами иранских читателей, перед нами предстанет абсолютно «мужской» текст. В восточной поэзии кипарис всегда являлся символом красоты человека: он высокий, стройный, красивый. Пожалуй, мы не найдём лирика, который не воспел бы эти качества кипариса и не сравнил бы его с человеком или со своей возлюбленной. Художественный приём усиления качеств любимой, подчёркивая её превосходство над средством сравнения, Симин также заимствует у классиков. «Бот» («идол»), «можган-э боланд» («длинные ресни-

цы»), «чешм-э делангиз» («прекрасные очи»), «золф» («локоны»), употреблённые в отношении партнёра и для его описания, дают прямую отсылку к дескрипции внешности красавицы.

Подобная поэтическая манера представлена и в сборнике «Чельчераг» («Люстра», 1957), где Бехбахани не только не протестует против мужского стиля письма, но и беззаветно ему следует. И хотя изображённое лирическое переживание можно соотнести с личностью автора, стилистические средства его выражения остаются стереотипными, а лексика – гендерно-немаркированной:

После долгой дороги пришёл он ко мне,
Расстроенный, жаждущий, горячий и усталый.
Во взоре видится бушующее горе,
На челе осела пыль упрёка.
Взор упал на меня, и он вдруг улыбнулся,
Я расцвела от этой солнечной улыбки
Наполнил чашу вином и радостно пригубил,
Ах, помню, как впервые встретилась с его губами... [5, с. 203].

В лирике Бехбахани спорадически звучит недовольство характером взаимоотношений с супругом. И хотя в художественном тексте нет прямого описания мужчины, содержится кос-

венная информация, дающая представление об усреднённом, стереотипном образе, подспудно формирующая в сознании читателя негативное к нему отношение:

У ног твоих ропщу:
«О, как ты непостоянен и раздражителен,
Не улыбаешься мне при встрече,
Не говоришь со мною ласково...» [5, с. 106].

Наряду с превалирующим протестным характером письма поэтессе присуща демонстрация истинно феминных чувств и качеств: как и каждая женщина, она требует эмоционального удовлетворения, чувственного проявления со стороны мужчины, ей необходимо ощущать себя любимой, желанной и слабой. Физическое размещение героини «дар пиш-е па» («у ног») относительно партнёра служит иллюстрацией общего просительного-зависимого положения иранской женщины, а умоляющий тон повествования даёт представление о сложившихся в социуме поведенческих программах. Образ мужчины вписан в парадигму патриархата и отражает распреде-

ление социального пространства между полами. Маркерами психотипа мужского поведения выбраны прилагательные «состмехр» («непостоянный») и «бадхой» («раздражительный»), которые несут явную негативную окраску. Данные качества относятся к комплексу характеристик, определяемых гендерными ролями.

Симин довольно часто вводит в поэтический текст многосмысловое понятие «хасрат», которое может переводиться на русский язык как «томление», «тоска», «печаль», «сожаление», «скорбь», «сильное желание», «зависть (без зла)» [4, с. 503]. И каждый конкретный контекст наделяет данную лексику своей коннотацией:

Завидую доле той женщины,
Разделяющей ложе с тружеником;
Такая жена не куплена мужем за золото,
Она – его компаньон, партнёр и супруга...
Ты, женщина, ищущая выход!
Освети же и мой путь!
Я не чужая, я тоже безутешна;
На миг возьми мои дрожащие руки в свои... [5, с. 92].

В приведённом отрывке автор явно испытывает чувство белой зависти внутрисемейному климату другой женщины и тихое сожаление о том, что в её жизни определённые мечты и чаяния остались нереализованными. Для неё колоссальное значение имеют равные, доверительные, партнёрские отношения с мужчиной, то есть естественная гармония в пределах дуальной пары. Она выносит за рамки отношения, строящиеся на материальной зависимости, как неэффективные и неприемлемые для эволюционирующего и прогрессивного социума. Здесь Симин поддерживает и положительно оценивает гендерный стереотип, сложившийся в патриархальной традиции, касающийся профессиональной деятельности мужчины, называя его «ранджбар» («тружеником»). Однако рассматривая и женщину как носителя определённых социальных функций, не ограничивающуюся бытом и семьёй, она призывает ориентироваться на выстраивание межличностных взаимоотношений на высоком конструктивном уровне.

Поэтесса сожалеет об отсутствии такого естественного баланса и выражает острую по-

О, словно римская статуя, кого из богов ты изображаешь?

Символ весны и молодости, воинственный Меркурий...

Любитель охоты и коней, поэзии и страсти,

Соединились в тебе милость и грубость, кентавр нашего века [5, с. 853].

Вначале все маскулинные характеристики героя возведены в абсолют: он предстаёт перед читателем в образе прекрасного и бесстрашного римского бога. Он олицетворяет собой синтез красоты внешней и внутренней, представленной не только храбростью и силой, но и любовью к

Твоим арканом на шее, о бог охоты, связана,

Ведь аркан не отпустит меня никогда.

[5, с. 854].

Поэтесса филигранно и мастерски перебрасывает «мостик» от интимной лирики к остросоциальной поэзии, проецируя беспомощное состояние женщины «сар дар каманд-э то» (с «твоим арканом на шее») на культурную, общественную, экономическую, политическую плоскости. Так красочно и свежо автор вдруг раскрывает тёмную сторону любимого: его жёсткость и неумолимость. Первая часть газели Симин лишена критической составляющей и протестных настроений. При этом художественные средства и техники раскрытия образа мужчины, общее настроение текста и кульминационный момент, в котором Бехбахани называет своего любимого «шахзадэ-йе накоджаи» («несуществующим принцем»), невероятно близки. В образе мужчины собраны неосуществимые мечты и разбитые

требность в рассогласовании традиционного полородового поведения. Она «дардманд» («безутешна») и с «даст-е ларзан» («дрожащими руками») просит утешения у женщины, реализовавшей себя в семейной жизни более успешно. Симин не идеализирует отношения, к которым стремится, и осознаёт все сопутствующие тяготы, но видит их развивающимися, «джуйандэ-йе рах» («ищущими путь») и вселяющими надежду. Она обращается к конкретной женщине и чётко транслирует наличие подобного положительного примера в своём близком окружении. Отрывок пропитан твёрдой уверенностью в эволюционное развитие иранского общества с неминуемым пересмотром традиционных взглядов и усилением социальной роли женщины, хотя поэтесса и не рассматривает возможность включения намечающихся тенденций в собственную жизнь.

Спорадически описание партнёра встречается и в поздней лирике Симин, в частности в газели «Эй хамчу тандис-э руми» («О, словно римская статуя»), написанной в 1993 г.:

Поэтесса предлагает нам посмотреть на её партнёра глазами влюблённой женщины, этот идеализированный образ соотносится с античными представлениями об «идеальном мужчине». Героиня же представлена в образе жертвы мужчины:

надежды женщин в межкультурном контексте, без оглядки на этническую идентичность.

В сплетении социального и психологического аспектов поэтесса ставит акцент либо на самоощущении, либо на изображении какого-либо третьего лица, часто женского пола. Отношения внутри дихотомического единства проявлены через интимные переживания автора, при этом образ мужчины часто остаётся нераскрытым. В описаниях партнёра возникают клишированные сравнения и метафоры, которые апеллируют к эстетике классического мотивного блока «влюблённый – возлюбленная» и не создают в воображении читателя сколько-нибудь реалистичный образ.

В лирике Симин мужчина часто показан в активном взаимодействии с женщиной, что до-

казывает важность принципа построения отношений внутри гендерной дихотомии, тонкости взаимосвязи её элементов. Образ мужчины часто наделён негативными характеристиками, а женщина представлена в образе жертвы. Данная психологическая установка совпадает с устойчивой в современном для поэтессы обществе нормой гегемонной маскулинности в соответствии с мужским хабитусом лидерства и доминирования. И хотя в её творчестве представлены привычные архетипы женщины и мужчины, их типичные культурно-смысловые коды в пределах традиционного патриархального мировоззрения, спорадически в лирике поэтессы мы можем проследить амбивалентность характера женщины и трансформацию стереотипных гендерных ролей. Мужчина становится жертвой в отношениях, героиня же активно проявляет свою маскулинную природу.

В описании партнёра Симин Бехбахани в основном строго придерживается классической парадигмы маскулинного письма в описании объекта любви. Если она и обращается к пейзажным элементам, то исключительно в каноническом контексте, вследствие чего характеристика мужчины не содержит ни субъективной оценки,

ни гендерных маркеров. Текст настолько универсален, что может быть применён к описанию любого человека.

Вопрос равенства мужчины и женщины является сквозным лейтмотивом в творчестве Симин Бехбахани. Она подчёркивает желаемый статус женщины в качестве равного партнёра, в рамках дихотомической пары признаёт исключительно паритетные отношения, союз с мужчиной мыслит как гармоничное взаимодействие состоявшихся личностей, основанное на осознанном подходе к слиянию двух сердец.

Итак, образ мужчины присутствует в лирике поэтессы в авторском художественном выражении. В отличие от детальной описательной характеристики самого героини, партнёр «прорисован» отдельными мазками, посредством которых автор предлагает самому читателю «дорисовать» героя, сложить в своём воображении сколько-нибудь правдоподобный и реалистичный образ. Симин формулирует тезис об одноприродности мужчины и женщины, подспудно, а иногда и беззастенчиво транслирует свою мечту – добиться тождества внутри бинарной оппозиции, гендерного равенства.

Список литературы

1. Березина А.В. Феминизм глазами иранцев и украинцев // Филологические науки в МГИМО, 2017. №1 (9). С. 80–86.
2. Березина А.В. Эволюция образа мужчины в лирике Форут Фаррохзад / А.В. Березина // Гуманитарный вектор, 2017. Том 12. №2. С. 42–48.
3. Кляшторина В.Б. Новая поэзия в Иране. М.: Наука, 1975. 254 с.
4. Персидско-русский словарь. В двух томах. / под ред. Ю.А. Рубинчика. – М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 1. 790 с.
5. بهیانی س. مجموعه اشعار. تهران: نگاه، ۱۳۸۵. ص. 1198.
6. بهفر م. عاشقانه ها: عاشقانه سرایی در شعر پارسی. گذری بر عاشقانه های سیمین بهیانی. گلستانه، ۱۳۷۸، شماره ۸. ص. ۸۰-۹۰.
7. فخری ث. سیمین بهیانی. هلال، ۱۳۴۳، شماره ۴۸. ص. 69-73.
8. قوپرانلو م. علل عدم هژمونی فمینیسم در ایران. تهران: پژوهشنامه، ۲۰۱۰، شماره ۵۴. ص. 39-82.
9. نمازی، م، پرواز را بهخاطر بسپار. تهران: مهر برنا، ۱۳۸۴. ص. 280.

Сведения об авторе:

Березина Анна Владимировна – доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сферы научных интересов: литература и культура Ирана, лингвистический анализ, литературная критика. E-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru.

RELATIONS WITHIN THE BINARY OPPOSITION IN THE WORKS BY SIMIN BEHBAHANI

A.V. Berezina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *Simin Behbahani (1927–2014) is a world-famous Iranian poetess, who was twice nominated for the Nobel Prize. The present research is aimed at filling the gaps that exist in the analysis of literary texts of this Iranian poetess, in particular, at identifying the relationship within the “man-woman” opposition.*

In her early poetry Behbahani falls into a trap prepared by the system of patriarchal culture and language that reflects the masculinized consciousness, as she tries to identify herself in a masculine paradigm that coincides in its basic parameters with the universal one. The image of a man is often endowed with negative characteristics, and the woman is represented as a victim. Such psychological attitude coincides with the norm of hegemonic masculinity that is sustainable in the contemporary for the poetess society in accordance with the male habit of leadership and domination. The equality of men and women is a cross-cutting theme in the works of Simin Behbahani. She emphasizes the desired status of a woman as an equal partner, in the dichotomous couple recognizes exclusively parity relationships, understands a union with a man as a harmonious interaction of established personalities, based on a conscious approach to the fusion of two hearts. During the study, all the poetic material of Simin Behbahani was analyzed, and the presented poems were translated into Russian for the first time by the author of this article. The research results may be useful to orientologists and literary critics and can be used in the implementation of training programs of philological disciplines.

Key Words: *Simin Behbahani, feminist literary criticism, binary opposition, gender discourse, femininity, masculinity.*

References

1. Berezina A.V. Feminizm glazami irantsev i ukraintsev [Feminism through the Eyes of Iranians and Ukrainians] // *Filologicheskie nauki v MGIMO – Philology at MGIMO*, 2017, no. 1 (9). P. 80–86.
2. Berezina A.V. Evoliutsiia obraza muzhchiny v lirike Forug Farrokhzad [Evolution of Image of a Man in the Poetry by Forough Farrokhzad] // *Gumanitarnyi vektor – Humanitarian Vector*, 2017, vol. 12, no. 2. P. 42–48.
3. KliashTORINA V.B. Novaia poeziia v Irane [New Poetry in Iran]. Moscow, Nauka, 1975. 254 p.
4. *Persidsko-russkii slovar'. V dvukh tomakh. [Persian-Russian Dictionary. In Two Volumes] / pod red. Iu.A. Rubinchika. – Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1970, vol. 1. 790 p.*
5. Bekhbakhani S. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Tegeran, Negakh, 2006, 1198 p. (in Persian).
6. Behfar M. *Asheghnameha // Asheghname sorayi dar she'r-e parsi // Gozari bar asheghnamehaye Simin Behbahani [Lyrics // Romanticism in Persian Poetry. Overview of the Lyrics of Simin Behbahani] // Golestane*. 1999, no. 8. P. 80–90 (in Persian).
7. Fahri S. *Simin Behbahani // Halal*. 1964, no. 48. P. 69–73 (in Persian).
8. Ghupranlu M. *Ellale adame hezhemuniye feminism [Reasons for Absence of Feminism Hegemony in Iran]*. Pajuheshname, bahar-e 2010, no. 54. 82 p (in Persian).
9. Namazi M. *Parvaz ra be khater besepar [Keep the Flight in Mind]*. Tehran, Mehr-e borna, 2005. 280 p. (in Persian).

About the author:

Berezina Anna V. – Doctor of Philosophy, Senior Lecturer, Indian, Iranian and African Languages Department, MGIMO-University (Russia, Moscow). Research interests: literature and culture of Iran, linguistic analysis, and literary criticism. E-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru.

* * *

ВЕНГЕРСКИЙ СЛЕД В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.М. ГИЛЯЗОВА

М.М. Хабутдинова

Казанский федеральный университет,
42008, Россия, Казань, Кремлевская 18.

В статье рассматривается роль венгерской темы в творчестве татарского писателя А.М. Гилязова. Материалом для анализа послужили как художественные произведения писателя, так и его публицистическое и эпистолярное наследие.

Доказано, что интерес к Венгрии обусловлен у А.М. Гилязова биографическим фактором. С венграми татарский писатель впервые столкнулся во время учёбы в Казанском университете. Студенты из Венгрии, обучавшиеся на юридическом, историко-филологическом факультетах вуза, были хорошо образованны, отличались знанием нескольких языков. Более близкое знакомство с венграми состоялось в условиях сталинского лагеря в Караганде в 1950–1955 гг., куда А.М. Гилязов попал после ареста. Здесь он подружился с Арпадом Галгоци. Венгры держались в Карагандинском лагере сплочённо, во всём помогая друг другу. Они выделялись среди узников уровнем образованности, отличались чувством собственного достоинства. А.М. Гилязов проникся ещё в лагере уважением к представителям этого народа, что и послужило основой для творческого осмысления венгерской темы в будущем.

В произведениях писателя венгры выступают в роли эпизодических персонажей. На основе анализа архивных материалов нами выявлены прототипы героев-венгров, реконструирован протосюжет венгерской темы. Доказано, что образ Венгрии и её граждан у писателя является многослойным конструктом, включающим в себя представление о государстве и его политике, культуре и национальном характере.

Ключевые слова: татарская литература, Аяз Гилязов, проза, публицистика, Венгрия, венгры.

Введение

Если обратиться к творчеству татарского писателя Аяза Гилязова (1928–2002), то легко обнаружить присутствие венгерской темы в его наследии. Нас заинтересовала специфика репрезентации Венгрии в произведениях классика татарской литературы. Мы отобрали и систематизировали тексты, где А.М. Гилязов формирует образ Венгрии и венгров как *Другое*. В орбите нашего внимания оказались повесть «Берэу» («Один») [4, с. 10–102], очерк «Татарстан могжизасы» («Чудо Татарстана») [6], роман-воспоминание «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») [3, с. 9–411] и письма [5]. Научная новизна нашей работы состоит в комплексном изучении представлений татарского писателя о Венгрии, которые стали частью национальной картины мира татарского народа.

Методология

Теоретической базой нашего исследования стали работы С. Дюкина [7], Т. Бреевой [1–2], Л. Хабибуллиной [2, 14] и других. При рассмотрении образа Венгрии и венгров мы используем имагологический, историко-культурный, литературоведческие методы.

Обсуждение

Стоит отметить, что контекст российско / советско – венгерских отношений на протяжении целого столетия развивался в негативном ключе. Это было обусловлено тремя фактами: подавление войсками Российской империи венгерской революции 1848–1849 гг.; участие венгров в составе Австро-Венгерской империи в Первой Мировой войне на стороне противников России; антикоммунистический режим Хорти (1920–1944), который начал своё существование

с подавления Венгерской Советской республики и закончил массовым участием венгерской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на стороне нацистской Германии. Пребывание Венгрии в социалистическом лагере позднее было омрачено восстанием 1956 года.

Венгерская тема в творчестве А.М. Гилязова встречается не только в прозе писателя, но и в публицистике и письмах. Интерес к Венгрии вызван, с одной стороны, биографическим фактором. Татарский писатель учился с венграми в Казанском университете. В КАРЛАГе (Карагандинский лагерь), куда А.М. Гилязов попал после ареста и приговора по 58-й статье, он сблизился с художником Арпадом Галгоци (1928). После реабилитации, став писателем, А.М. Гилязов состоял в деловой переписке с венгерским переводчиком – полиглотом Даби Иштваном (1943). С другой стороны, венгерская тема в его творчестве эксплуатируется в целях укрепления татарской идентичности. А.М. Гилязов делится в ряде произведений своими наблюдениями над венгерским национальным характером, чтобы разбудить в своих современниках чувство национальной гордости и убедить в необходимости противостояния ассимилятивным процессам, которые стали результатом национальной политики в СССР. Татарский писатель в своих размышлениях о природе национального отталкивается от истории древних контактов татар с венграми. Предки венгров мадьяры, продвигаясь в Европу со стороны Алтая, Сибири, проходили по правому берегу Камы через территорию современного Татарстана, смешивались с местным финно-угорским, автохтонным населением и взаимодействовали с тюрками – предками татар. На это указывают сохранившиеся артефакты, а также древние курганы на территории Татарстана и Башкортостана. В венгерском языке встречаются тюркские заимствования, относящиеся к периоду «до Переселения» (V–VI вв.) и из пласта «кумано-печенежской» лексики (X–XIII вв.) (См. подробнее [12]). Татары и венгры обнаруживают общее в ментальности. Сравнительно-сопоставительный анализ современных венгров и татар в аспекте национальной идентичности оказался не в пользу последних, что стало основой для формирования критических взглядов татарского писателя. А.М. Гилязов в своих произведениях пропагандирует национальные ценности татарского народа, знакомит с историей и национальными образами мира, уделяет внимание проблеме национального характера. Венгер-

ский опыт сохранения национальной идентичности в XX веке, по убеждению писателя, может быть востребован татарами, над которыми нависла угроза ассимиляции.

Результаты

В ходе анализа художественных текстов А.М. Гилязова выяснилось, что образ Венгрии складывается у татарского писателя на основе личного опыта и из стереотипных представлений о стране в целом (государственная политика, история, культура, традиции) и её гражданах (национальный характер, стереотипы). У писателя был личный опыт общения с венграми в годы учёбы в Казанском университете и период пребывания в лагере КАРЛАГ.

Впервые к венгерской теме А.М. Гилязов обратился в повести «Берәү» («Один») (1959) [7, с. 10–102], опубликованной лишь спустя 7 лет после её создания. Размышляя над судьбой своих ровесников, в годы Великой Отечественной войны героически трудившихся в тылу, татарский писатель протестует против миграции татар по территории СССР в поисках лучшей доли. А.М. Гилязов расценивает отъезд татар как предательство. Критики выдвинули в адрес автора серьёзное обвинение: «очернение советской действительности». Произведение было опубликовано лишь на волне успеха повести «Өч аршын жир» («Три аршина земли») (1962), которая получила в 1963 году премию журнала «Дружба народов» [8].

На русский язык повесть «Берәү» («Один») была переведена М. Ганиной и вначале была опубликована под названием «Вернись к истоку» (1973) [4], а затем – «При свете зарниц» [6]. А.М. Гилязов в своих воспоминаниях указывает, что эта повесть является данью памяти «детям войны». «Война унесла не только жизни многих моих знакомых, но и погубила целое поколение, представители которого должны были стать мне ровесниками. Целое поколение выпало из истории человечества...», – так он объяснил природу авторского замысла в одном из своих интервью (Цит. по: [7, с. 497–498]). Рисуя жизненную драму главного героя повести Исхака Батуллина, писатель размышляет о роли родины и семьи в жизни своих современников (См. подр. [15: 190–191; 16: 578–588]). А.М. Гилязов впервые обращается к венгерской теме, когда описывает учёбу героя в Казанском университете. И. Батуллин ходит на заседания литературного кружка на историко-филологическом факультете университета, где «студенты обычно читали друг другу свои творения, обменивались мнениями по поводу тех

или иных литературных новинок» [13, с. 147], встречались с писателями. А.М. Гилязов, рисуя портреты кружковцев разных национальностей, акцентирует внимание на студентах-венграх. Писатель успешно эксплуатирует потенциал антитезы: венгерские – татарские студенты, молодые авторы – известный татарский поэт. Каждый участник литературного кружка увиден и оценён взором главного героя повести. В остро сатирическом ключе даётся портрет известного поэта – члена Союза писателей ТАССР. Исхак, слушая выступление настоящего, “живого поэта”, испытывает вначале любопытство и восторг, а затем – недоумение и недовольство: «свою поэму “О счастье” известный поэт «читал громко, грубым голосом, словно на кого-то сердясь, нелепо размахивая правой рукой» [...]. «Поэт был среднего роста, рыжий, с бурым лицом человека, любящего «заложить за воротник»». «Потом читали стихи члены кружка, в их стихах жизнь тоже была сытной, прекрасной, «лучшей в мире»...» [7, с. 71]. «Стихи о необыкновенно прекрасной жизни» «громкоголосового поэта» оставили в душе героя горестный след, т.к. не соответствовали реальному положению дел в послевоенной деревне [7, с. 72]. В памяти Исхака после заседания то и дело оживали образы венгерских студентов. Это студент-историк, «кудрявый черноусый парень в красивом, полуспортивного покроя костюме», игравший на пианино венгерскую национальную танцевальную мелодию «Чардаш». Четыре его товарища, державшиеся в студенческой аудитории «уверенно, по-хозяйски», которые, никого не стесняясь, говорили на родном языке. Оказалось, что они знают не только русский язык, но и целый ряд европейских языков [7, с. 73]. Исхак остро переживает из-за того, что его друзья-татары неуверенно чувствуют себя в университете, так как плохо говорят по-русски. В его душе ещё не затянулась рана, полученная в годы учёбы в школе. Исхак как-то вывел своё имя на школьной доске старотатарской вязью. Учительница высмеяла его на уроке за то, что «он, как мулла, учит «божественные» буквы. Мардия апа отвела мальчика к директору, где его отругали за то, что он «учит буквы Корана»» [7, с. 70]. Тем не менее Исхак тайком выучил арабские буквы, чтобы читать письма матери.

Советская пропаганда утверждала, что «СССР – оплот всего передового», а внешний мир – пространство кризисов и угнетения, источник агрессии. Венгры на кружке выделялись

не только своим поведением, но и внешним видом (костюмы, пальто, европейская обувь). Возвращаясь с кружка, герой невольно сравнивает венгров с татарами и приходит к неутешительному выводу: «Стихи о необыкновенно красивой жизни... Потом венгры, так же просто, как их рябой Василь на трёхрядке, игравшие на пианино... Ведь и в Венгрии была война, фашисты. Когда же эти парни успели выучить европейские языки, когда они учились музыке?.. Его мать, сёстры, работая дни и ночи, не смогли из-за войны купить Исхаку даже простую тальянку, о которой он так мечтал... Есть, значит, у судьбы любимые и нелюбимые дети...» [7, с. 72].

Исхак Батуллин восхищается уровнем образования венгров после венгерской гимназии. Он мечтает, чтобы его дети в будущем были похожи на венгерских студентов. Исхак надеется, что, получив достойное образование на родном языке, сможет изменить жизнь в родном селе к лучшему. Однако действительность не оправдала его надежд. Исхак после столкновения с уполномоченным из района сбежал из Куктау на Урал в поисках лучшей доли. Внутренние монологи героя позволяют писателю раскрыть жизненную драму не только Исхака, предавшего родину, но и матери, мечтавшей воспитать сына-хлебороба себе на замену.

Сопоставив портреты венгров из повести с описанием национального характера венгров в энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона: «Во всей фигуре и выражении лица мадьярского крестьянина проглядывается чувство собственного достоинства и спокойствие, не позволяющее даже и подозревать, какую бурную энергию способен он проявить во время возбуждения», мы пришли к выводу о том, что психологический портрет венгров у А.М. Гилязова схвачен верно (Цит. по [7, с. 61]).

Рисуя конфликт Исхака Батуллина с председателем колхоза и уполномоченным, писатель констатирует, что у татар в рамках советской реальности было мало шансов стать «баловнями судьбы». Исчезновение школ с родным языком обучения вело к русификации и ассимиляции татар. Таким образом, венгерская тема помогает А.М. Гилязову в создании подтекста. Мы сталкиваемся со скрытой критикой государственного устройства и национальной политики в СССР. Скитание и странствия в произведении преподносятся как трагический образ, утвердившийся в исторической памяти этноса, что сближает татарского писателя с венгерскими авторами

(Э. Ади «Всегда опаздываем всюду...», Ш. Петефи «Глупый Ишток»») (См. подр. [11, с. 26]).

Нам удалось разыскать прототипов венгерских героев повести. Во время презентации венгерского перевода романа А. Гилязова «Давайте помолимся!» [21] 16 июня 2017 года в Будапеште мы познакомились с Жужанной Варгой, чей отец – Михай Варга – учился в 1948–1953 гг. в Казанском университете на историко-филологическом факультете. Она предоставила нам фотокопии выпускного фотоальбома курса и рассказала о судьбе однокурсников отца. Оказалось, что М. Варга учился в одной группе с татарскими литературоведами Энгелем Нигматуллиным и Ильдусом Ахунзяновым. А. М. Гилязов учился параллельно с ними на татарском отделении университета. Среди его сокурсников были Ибрагим Нуруллин, Нил Юзеев, Рашат Гайнанов, Абрар Каримуллин, которые в будущем стали известными татарскими литературоведами и текстологами.

Вместе с М. Варгой в 1953 г. на историко-филологическом факультете учились венгерский кинорежиссер Витез Габор, Вирт Адам, киноматург Лукачи Дюла, переводчик Юхас Йожеф (1928-2016). Все они посещали литературный кружок. Юхас Йожеф прославился в Венгрии как выдающийся лингвист и переводчик. В 1971 г. на венгерском языке увидела свет книга «Житие протопопа Аввакума». Ее перевел с русского языка Юхас Йожеф. Он является также составителем и главным редактором Венгерского толкового словаря (1972). Достижения выпускников-членов литературного кружка 1948-1953 гг., с одной стороны, свидетельствуют о неординарности их личности, с другой стороны, косвенно указывают на высокий уровень обучения в Казанском университете в послевоенный период.

Вместе с М. Варгой в 1953 году на историко-филологическом факультете учились венгерский кинорежиссер Витез Габор, Вирт Адам, радиожурналист Лукач Дюла, поэт, переводчик Юхас Йожеф (1928–2015). Все они посещали литературный кружок. Юхас Йожеф стал главным редактором будапештского журнала «Уй раш», лауреатом премий Баумгартена (1948), Атилы Йожефа (1950), Премии им. Кошута (1951, 1973), «Золотой венец» (1992), Премии «Prima Primissima» (2007) и др. Известно, что он переведил труды Протопопа Аввакума на венгерский язык. Достижения выпускников – членов литературного кружка 1948–1953 гг., с одной сторо-

ны, свидетельствуют о неординарности их личности, с другой стороны, косвенно указывают на высокий уровень обучения в Казанском университете в послевоенный период.

К венгерской теме А.М. Гилязов вновь возвращается при работе над очерком «Татарстан могжизасы» («Чудо Татарстана») [10, с. 223–299]. Размышляя о голодной юности в послевоенной деревне, о судьбе своего поколения, татарский писатель приводит в очерке ряд архивных документов (телеграммы, донесения, отчеты) из журнала «Коммунист» (№4, 1975), где содержится информация об объёмах продовольственной поддержки, которую оказал СССР европейским странам, освобожденным от фашизма [10, с. 233]. Осмысляя эти документы, датированные 1944–1945 гг., раскритикованные в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, А.М. Гилязов размышляет о том, как дорого обошлась эта продовольственная помощь его землякам:

«Помню, как в 1944 мы до осени возили хлеб в Челны. Хлеб! Мы везли, оторвав из своей доли. Оказывается, поставляемые нами хлеб, молоко, мясо предназначались для питания не только соотечественников! Советский солдат спас народы Европы не только от фашистского рабства, но и на деле, в реальности продемонстрировал, что включает в себя интернациональный дух. В то время, когда большая часть страны пребывала в разрухе, в тылу был страшный дефицит продовольствия, наши отцы-братья под дождём немецких снарядов делились хлебом, мясом с детьми евреев, коммунистов» (Подстрочный перевод здесь и далее наш – М.Х.) [10, с. 233-234].

Читая документы, рассказывающие о продовольственной помощи, оказанной Будапешту, Варшаве, Вене, Праге, Белграду, Берлину, А.М. Гилязов испытывает чувство гордости за своё поколение, вынесшее на своих плечах все тяготы войны: «Послевоенные годы укрепили нашу совесть: хотя мы голодали, однако мы нашли в себе силы бороться, победили, мы были очень храбрыми и скромными. Я горжусь тем, что увековечил чистоту духа людей военной поры во многих своих произведениях» (подстр. пер.) [10, с. 235].

Венгрия, как в повести, так и в очерке, позиционируется как страна социалистического лагеря. Так, например, размышляя о значении нефтепровода «Дружба», в 1964 г. А.М. Гилязов называет Венгрию «братской социалистической республикой» [10, с. 235]. Писатель гордится тем,

что жители родной республики внесли после Великой Отечественной войны посильный вклад в восстановление народного хозяйства в странах Восточной Европы.

В письмах А.М. Гилязова перестроечной поры Венгрия получает новую характеристику – это родина его друзей, место отдыха советских граждан за границей. В сталинском лагере А. Гилязов успел познакомиться и подружиться с узниками-венграми. После реабилитации ему не удалось выйти с ними на связь, хотя Венгрия превратилась в одну из стран социалистического лагеря в Европе. В архиве сохранились письма писателя, которые свидетельствуют о том, что он не раз пытался разыскать своих венгерских друзей. Так, например, в письме к венгерскому переводчику тюркской литературы Даби Иштвану от 26.08.1989 г. А. Гилязов просит его помочь разыскать лагерного друга Арпада Галгоци: «На тюремных-лагерных дорожках я встретил много мадьяров. Среди них был талантливый художник по имени Арпад Галгоци. Не встречал ли ты это имя на небосклоне венгерской культуры? Арпад Галгоци был высоким, статным и красивым венгром!» (подстр. пер.) [9, с. 330].

В ряде писем вновь звучала тема свободлюбивой Венгрии, знакомая нам по повести «Берэу» («Один») [4]. Так, в письме к Г. Шарафутдинову от 19 октября 1989 г. воодушевлённый демократическими переменами в стране А. М. Гилязов делится с другом своими наблюдениями и опасениями: «В Казани большие изменения! Молодёжь стрелой взметнулась вверх, не успеваешь за ними взглядом уследить, пусть дарует Аллах им милосердие, превратит их в живущих заботами народа ... Неужели эпоха принесёт изменения и в Татарстан? Надолго ли? Ветры из Польши, Венгрии, коснувшись дверей обкома, заставили их вздрогнуть? Пусть всё будет к хорошему, к добру! Татарский народ зажат, забит, его дух-сила расшатаны, писатели без голоса, те, кто со своим словом, лишены сил» (подстр. пер.) [9, с. 350-351].

В письме к жене от 19 октября 1989 г. из Дома творчества в Малеевке, осмысляя характер переживаемых перемен в стране, А.М. Гилязов замечает: «Сегодня партия переживает трудные времена, её судьба под дамокловым мечом. В странах, таких как Польша, Венгрия, коммунистов отстранили от управления государством, это не случайное веяние, этот процесс скоро охватит и другие страны» (подстр. пер.) [9, с. 352].

Мы можем констатировать, что в письмах писателя Венгрия превращается в страну, которая первой возвестила миру о крушении коммунистической системы. В дальнейшем эта мысль получит расшифровку в итоговом романе-воспоминании А.М. Гилязова «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!»): «Вожди-коммунисты потихонечку поднимают головы... Да, им мало Берлинской стены, восстаний в Венгрии и Чехословакии, распространения большевистской чумы в Анголе, Эфиопии, Никарагуа, во Вьетнаме и Кампучии, они хотят на всех пяти континентах установить свой кровавый, диктаторский режим... Ни в одной стране, куда смогли протянуть руки коммунисты, не установился порядок. Не нашлось пока средства от этой хвори, опустившей Земной шар» (пер. Н.Ишмухаметова) [5, с. 53].

А. Гилязов создаёт в романе целую галерею портретов узников ГУЛАГА разных национальностей. Читатель получает возможность познакомиться с неоднозначным укладом жизни в КАРЛАГе. Из потока лагерных будней писатель выхватывает лики заключённых, надсмотрщиков, лагерного начальства, демонстрируя мастерство портретной характеристики, чтобы читатель осознал все ужасы лагерной жизни. Особую роль при этом играет антитеза. Богатство души арестантов противопоставляется в романе их неприглядному внешнему облику. Государство стремилось превратить своих граждан в безликую серую массу «винтиков», а в романе они увековечены под своими именами. От зоркого взгляда писателя не ускользнул талант каждого, неповторимые черты их натуры. А.М. Гилязов изобразил арестантов достойными людьми. Чтобы увековечить их память, для каждого писатель нашёл доброе слово.

В галерее узников особое место занимают образы венгров. Заключённые называют их порой мадьярами, «мадьярами-немцами», помятуя об участии венгров в Великой Отечественной войне на стороне Германии. А.М. Гилязов отзывается об этих арестантах с глубоким сочувствием и уважением. Писатель акцентирует внимание на трудностях, с которыми им пришлось столкнуться, находясь в сталинском лагере: отсутствие связи с родными («мадьяры-немцы», «не имеющие возможности получать письма с родины» [5, с. 209]), коммуникативные проблемы («не знающие ни слова по-русски арестанты-венгры» [5, с. 255]), голод, физические нагрузки. В романе А.М. Гилязов делится своими наблюдениями

над национальным характером узников разных национальностей, оказавшихся в критической ситуации (например, голод в лагере). Венгры держались в лагере дружно, выхаживали ослабевших от голода товарищей.

Особое место в галерее портретов венгерских узников ГУЛАГа занимает образ Арпада Галгоци: «Раз уж упомянул, то выскажу несколько слов уважения в адрес Арпада Голгоци (написание ФИО даётся в авторской интерпретации – М.Х.). Видным был этот венгерский парень: подвечьи тонкий в талии, по-мужски высокий и крепкий, изящный, как и положено людям искусства, большеглазый и очень красивый. Он был художником зоны. Сколько жён, детей и матерей за тысячи километров плакали, наверное, над нарисованными им портретами близких людей!.. Именно там, в зоне, я понял, каким бывает «фотогеничное» лицо. Некоторых Арпад рисует «точь в точь», а кто-то его карандашу не поддается.

Арпад тоже пропал. А может, в пятьдесят шестом, когда ненасытные советские войска вошли в венгерскую столицу, город Будапешт, этот парень с поэтической душой, на своей шкуре познавший истинную суть советского режима, власти большевиков, с голыми руками вышел против окровавленных, мчащихся с рёвом и лязгом советских танков? Гордым был венгр Голгоци...» (Пер. Н. Ишмухаметова) [5, с. 266-267].

В процессе нашей исследовательской работы нам удалось разыскать друга А.М. Гилязова. Арпад Галгоци известен в Европе как переводчик русской литературы. Он перевёл произведения 68 русских поэтов – около 500 стихотворений. Венгерский писатель является кавалером ордена Дружбы – высшей государственной награды России, которую вручают иностранным гражданам. Эту награду переводчик получил из рук Б. Ельцина. Арпад Галгоци по приглашению Казанского федерального университета дважды приезжал в Казань и способствовал тому, чтобы книга А.М. Гилязова была переведена на венгерский язык. Русский и венгерский переводы романа вышли в свет с предисловием Арпада Галгоци. «Он был мне другом, братом! Это была настоящая мужская, лагерная дружба», – вспоминает венгерский переводчик о дружбе с А.М. Гилязовым в КАРЛАГе.

Судьба их свела в одном лагере на короткий срок (3,5 месяца). Однако эта встреча оставила заметный след в их творческой биографии. В 1990-е гг. А.М. Гилязов и А. Галгоци приступили

к созданию автобиографических произведений, где одной из ключевых тем станет тема ГУЛАГа. Перу А. Галгоци принадлежит трилогия книг «Венгры в ГУЛАГе» (2007–2009) [18-20]. В память о татарском друге в 2017 году венгерский писатель написал рассказ «Ни шагу» [3].

Во время презентации венгерского перевода романа «Давайте помолимся!» [21] в Будапеште мы познакомились также с сыном «именитого венгерского саксофониста», обладателя «хохочущего саксофона». Речь идёт о герое романа – Лайоше Мештерхази. А.М. Гилязов с восхищением вспоминает о «знаменитом венгерском музыканте», даровавшем во время «благоговейного слушания» волшебной музыки арестантам возможность «почувствовать себя людьми» [5, с. 339].

В романе упоминается также безымянный венгерский врач, который спасал истощённых заключённых, рискуя жизнью, в лагерной больнице.

Мы остановились на наиболее ярких образах венгров, встречающихся в романе. А.М. Гилязов старается быть максимально объективным в своих оценках. Писатель констатирует, что венгры в подавляющем большинстве своём были настроены против советской власти, являлись «кровными врагами сталинского и советского деспотизма». В то же время встречались в их среде и исключения из правил: «майор советской армии, мадьяр по фамилии Ходяш». Венгр был уверен, что оказался в пересыльной тюрьме по ошибке. Во время спора заключённых Ходяш выступил в защиту Сталина: «Если бы про всё это знал Сталин, он бы... Эти обманщики водят за нос и партию, и нашего вождя». Однако сокамерники «выслушали его в непривычной тишине, озлобленно оглядываясь» [5, с. 54].

Татарский писатель подробно описывает содержание своих ночных разговоров с Арпадом Галгоци о политическом режиме, литературе, истории Золотой Орды, живописи. А.М. Гилязов был бригадиром, поэтому А. Галгоци шутил обращаясь к нему «Хан Батый». У них был один литературный наставник – Сергей Сергеевич Козлов-Куманский, большой поклонник поэзии Пастернака и Мандельштама. Любимым произведением двух друзей стала поэма М.Ю. Лермонтова «Демон». В архиве татарского писателя сохранились два рисунка А. Галгоци карандашом.

Таким образом, моделируя поле «венгерской национальной идентичности» в романе,

А.М. Гилязов включает в него следующие доминанты: национальную гордость, радикальный национализм, социальный консерватизм. Татарский писатель указывает на изящество и красоту внешнего облика венгров. Не ускользнула от его внимания и их образованность и тяга к искусству. А.М. Гилязов обращает внимание на жизненность венгров, на их позитивный настрой, высокую духовность, трудолюбие, эмоциональность, чувствительность, склонность к самообразованию.

Оказавшись в одиночной камере, А.М. Гилязов размышляет о Боге. С сожалением он констатирует, что в детстве родители дали ему атеистическое воспитание. Наблюдая за заключёнными в лагере, писатель пришёл к выводу, что в кризисных ситуациях узники всегда обращаются к Богу: «Вообще, мужчины на зоне плачут редко. Если и плачут, то никому не показывают своих слёз. «Йа хода!» – сокрушаются татары, «О боже!» – вскрикивают русские, «Иштенем!» – говорят венгры. Во время таких возвышенных обращений к Всевышнему, к последнему и единственному помощнику и защитнику, конечно же, не обходится и без невольных слёз. Каждый обращается к нему по-своему, на родном языке, на языке веры. И о слёзах должен знать только Всевышний!.. Слёзы, пролитые во время общения с Сыном небес, разве это не самые дорогие наши слёзы?! В них правда, искренность, чистота, потому что Богу не врут...» (Пер. Н.Ишмухаметова) [5, с. 349].

В 2017 г. роман А.М. Гилязова был переведён на венгерский язык и заинтересовал венгерских читателей [21]. В течение года книга выдержала два переиздания. В Венгрии дорожат памятью о ГУЛАГе и революции 1956 года. История страны

тесно переплетается у венгров с семейной, личной историей. Венгры уделяют огромное внимание поддержке собственной идентичности, поэтому дорожат любым упоминанием о себе как нации в мировой литературе. Роман заинтересовал их не только историзмом и объективным анализом проблемы тоталитаризма в XX в., но и тем, что в книге увековечены под своими именами реальные узники-венгры, из портретов которых складывается образ гордого венгерского народа [17; 22].

Выводы

Венгерская тема прочно вошла в творческое сознание татарского писателя Аяза Гилязова. В модели восприятия *Другого* А.М. Гилязов базируется не на принципе отрицания *чужого / другого*. Венгрия превращается для него в «островок свободы духа» в годы социализма, а венгры – в народ-побратим, имеющий общую с татарами историческую родину на Волге, пример для подражания в деле конструирования собственной национальной идентичности. Культурный дискурс восприятия страны у А.М. Гилязова переплетается с политическим. Образы венгров в его творчестве отличаются глубокой типизацией. Татарский писатель продемонстрировал великолепное знание человеческой природы. А.М. Гилязов стремится к универсализации национальных характеристик в некий психологический тип. В глубинах сознания венгров татарский писатель разглядел обилие экспрессивности, динамику, социальную активность, нацеленность на противодействие реальности. Венгерский национальный характер у А.М. Гилязова строится на отождествлении национальной и культурной идентичности.

Список литературы

1. Бреева Т.Н. Специфика конструирования образа Чужого / Другого в славянском фэнтези // Филология и культура. Philology and Culture. 2014, № 1 (35). С. 163 – 167.
2. Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: РИЦ «Школа», 2009. 612 с.
3. Галгоци А. Ни шагу / пер. с венг. Н.Ишмухаметова // URL: <http://sntat.ru/kultura/ni-shagu-rasskaz-arpada-galgotsi-tovarishcha-ayaza-gilyazova-po-gulag/> (дата обращения 19.01.2018).
4. Гилязов А. Вернись к истоку // Девичьи письма. М.: Современник, 1973. С. 49–152.
5. Гилязов А.М. Давайте помолимся! Казань: Тат.кн.изд-во, 2017. 511 с.
6. Гилязов А. При свете зарниц // Гилязов А. При свете зарниц. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1986. С. 7–109.
7. Гилязов А.М. При свете зарниц. Казань: Тат.кн.изд-во, 2017. 511 с.
8. Гилязов А. Три аршина земли // Дружба народов. 1964. №6. с.65–104.
9. Гыйләжәв А.М. Сайланма эсәрләр 6 т. т.5. Казан: Тат. кит.нәшр., 2016. 743 б.
10. Гыйләжәв А.М. Татарстан можжизасы. Казан: Тат. кит.нәшр., 1978. 334 б.
11. Дюкин С. Венгрия и Россия. Опыт сравнительного ментального анализа. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2017. 100 с.

12. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд; пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 222 с.
13. Егоров А. Три интервью о А. Гилязове // Казанский альманах. 2009, № 5. С.131–148.
14. Хабибуллина Л.Ф. Национальное и профессиональное в русской и английской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2013, № 2(32). С. 340–343.
15. Хабутдинова М.М. Национальный хронотоп в творчестве А. Гилязова // Вестник ТГПИУ. 2010. №2(20). С.188–196.
16. Хәбетдинова М.М. Аяз Гыйләжәвнең башлангыч чор ижатына гомуми күзәтү // Гыйләжәв А. Сайланма әсәрләр 6 т. т.2. Казан: Тат. кит.нәшр., 2014. С. 502–589.
17. Bemutatták a Gulágról írt könyvet // Rakosmente. 2017. 19.06.
18. Galgóczy. Á. A túlélés művészete. Budapest, Valo Art, 2007. 248 p.
19. Galgóczy. Á. Fények a vaksötétben. Budapest, Valo-Art, 2008. 264 p.
20. Galgóczy Á. Azalagut Vege. Budapest, Valo-Art, 2009. 248 s.
21. Giljazov A. Imadkozzunk! Budapest: HVG PRESS. 2017. 416 s.
22. Tibor H. Magyarjárás Tatárországban A.Giljazov egykori Gulág rab könyvbemutatója // Rakosmente. 2017. 16.06.

Сведения об авторе:

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Казанского федерального университета. Научные интересы: история русской и татарской литератур, текстология, имагология, искусствоведение. E-mail: mileuscha@mail.ru.

THE HUNGARIAN THEME IN THE WORKS OF AYAZ GILYAZOV

Milyausha M. Khabutdinova

Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Tatarstan, Russia.

The Abstract: *The article reveals the role of the Hungarian theme in the works of a Tatar writer Ayaz Gilyazov. Literary productions of the writer as well as his journalistic and epistolary heritage served as a material for analysis.*

We have proved that interest in Hungary is due to A. Gilyazov's biographical facts. The Tatar writer first encountered Hungarians during his studies at the Kazan University. Students from Hungary, who studied on the juridical and history and philology faculties of the University, were well educated, had knowledge of several languages and behaved with dignity. Closer acquaintance with the Hungarians took place in Stalin's Gulag camp in Karaganda (Karlag) in 1950–1955, where A. M. Gilyazov got after the arrest. According to the Soviet sources, 550.000 Hungarians were brought into the Gulag camps from Transcarpathia and Hungary. Among them was Arpad Galgoci, with whom Ayaz Gilyazov was tied by a strong male friendship. The Hungarians held in Karlag together, helped each other. They stood out among the prisoners by the level of their education, and the sense of self-esteem. That's why, Ayaz Gilyazov, while staying in the camp felt a deep respect to the representatives of this nation. It became the basis for a creative interpretation of Hungarian theme in the future.

In A. Gilyazov's prose Hungarians act in the roles of cameo characters. We revealed the prototypes of the Hungarian heroes in the archival materials and we reconstructed the prototype of the Hungarian theme. It is proved that the writer created the image of Hungary and the citizens as a multilayer construct that includes the notion about the state and its politics, culture, and national character.

Key Words: *Tatar literature, Ayaz Gilyazov, prose, journalism, Hungary, Hungarians.*

References

1. Breeva T.N. Spetsifika konstruirovaniia obraza Chuzhogo/Drugogo v slavianskom fentezi [The specifics of alien/another one image construction in the Russian fantasy] // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2014. № 1 (35). p. 163 – 167. (in Russian)
2. Breeva T.N., Khabibullina L.F. Natsional'nyi mif v russkoi i angliiskoi literature. [The national myth in Russian and English literature]. Kazan': RITs "Shkola", 2009. 612 p. (in Russian)

3. Galgóczy A. Ni shagu [Not a step!] / per. s veng. N. Ishmukhametova // URL: <http://sntat.ru/kultura/ni-shagu-rasskaz-arpadagalgotsi-tovarishcha-ayaza-gilyazova-po-gulag/> (data obrashcheniia 19.01.2018).
4. Giliarov A. Vernis' k istoku [Go back to the source] // Devich'i pi's'ma. M.: Sovremennik, 1973. S. 49–152. (in Russian)
5. Giliarov A.M. Davaite pomolimsja! [Let us pray!]. Kazan, Tatknigozdat, 2017. 511 p. (in Russian)
6. Giliarov A. Pri svete zarnits [By the light of summer lightnings] // Giliarov A. Pri svete zarnits. Kazan': Tat. knizhn. izd-vo, 1986. S. 7–109. (in Russian)
7. Giliarov A.M. Pri svete zarnits. [By the light of summer lightnings]. Kazan', Tatknigozdat, 2017. 511 p. (in Russian)
8. Giliarov A. Tri arshina zemli [Three arshins of land] // Druzhiba narodov. 1964. №6. S.65–104. (in Russian)
9. Gilyazov A.M. Sailanma əsərlər 6 t. [Selected works in 6 t.] t.5. Kazan: Tat. kit.nəshr., 2016. 743 b. (In Tatar)
10. Gilyazov A.M. Tatarstan mogizasy. [The miracle of Tatarstan]. Kazan, Tat. kit.nəshr., 1978. 334 b. (in Tatar)
11. Diukin S. Vengriia i Rossiia. Opyt sravnitel'nogo mental'nogo analiza. [Hungary and Russia. The experience of comparative mental analysis]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2017. 100 p. (in Russian)
12. Dybo A.V. Lingvisticheskie kontakty rannikh tiurkov: leksicheskij fond: praturkskij period. [Linguistic contacts of early Turks: the lexical Fund: the protoTurkic period] M.: Vost. lit., 2007. 222 s. (in Russian)
13. Egorov A. Tri interv'iu o A. Gilyazove [Three interviews about Ayaz Gilyazov] // Kazanskii al'manakh. 2009, № 5. p.131–148. (in Russian)
14. Khabibullina L.F. Natsional'noe i konfessional'noe v russkoj i angliiskoj literature [The national and confessional components in Russian and English literatures] // Filologija i kul'tura. Philology and Culture. 2013, № 2(32). p. 340–343. (in Russian)
15. Khabutdinova M.M. Natsionalni chronotop v tvorhestve A. Gilyazova [National Chronotops in the Works of A.Gilyazov] // Vestnik TGGPU. 2010. №2(20). S.188–196 (in Russian).
16. Khabutdinova M.M. Aiaz Gilyazevnen bashlangy chor izatyna gomumi kuzetu [A review of the early work of A. M. Gilyazov] // Gilyazov A. Sailanma əsərlər 6 t. t.2. Kazan: Tat. kit.nəshr., 2014. 502–589. (in Tatar)
17. Bemutatták a Gulágról írt könyvet // Rakosmente. 2017. 19.06. (in Hungarian)
18. Galgóczy. Á. A túlélés művészete. Budapest, Valo Art, 2007. 248 p. (in Hungarian)
19. Galgóczy. Á. Fények a vaksötétben. Budapest, Valo-Art, 2008. 264 r. (in Hungarian)
20. Galgóczy Á. Azalagut Vege. Budapest, Valo-Art, 2009. 248 s. (in Hungarian)
21. Giljazov A. Imadkozzunk! Budapest: HVG PRESS. 2017. 416 s. (in Hungarian)
22. Tibor H. Magyarjárás Tatárországban A.Giljazov egykori Gulág rab könyvbemutatója // Rakosmente. 2017. 16.06. (in Hungarian)

About the author:

Milyausha M. Khabutdinova – PhD, associate professor of Tatar Literature Department, Kazan Federal University. Spheres of research and professional interest: the history of Russian and Tatar literatures, textual criticism, imagology, art. E-mail: mileuscha@mail.ru.

* * *

俄汉表人成语的语言文化对比分析
杨岚 北京外国语大学
(北京市海淀区西三环北路二号 100089 中国)

摘要：成语是一个民族语言的精华，具有鲜明的民族特色。表人成语是经常使用的一类成语，在日常交际中发挥着重要的作用。俄汉语中都有大量的表人成语，其在语义和修辞机制方面的特点印证了人类认知与思维的共性，在结构、隐喻取象和先例来源方面的差异则更多地揭示了两种语言与文化的个性。

关键词：表人成语；语言特点；
文化分析；俄汉语对比

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО
И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

Ян Лань

Пекинский университет иностранных языков,
100089, Китай, Пекин, район Хайдянь, ул. Сисаньхуань бей 2.

Фразеологизмы представляют собой соль языка народа, они имеют яркую национальную специфику. Обозначающие человека фразеологизмы являются одним из самых употребительных видов фразеологизмов, которые играют важную роль в бытовой коммуникации. В русском и китайском языках существует большой запас обозначающих человека фразеологизмов, их семантические и стилистические характеристики свидетельствуют об общности механизмов познания и мышления человечества, а их различия в структуре, метафорическом использовании и прецедентном происхождении раскрывают самобытность двух языков и культур.

Ключевые слова: обозначающие человека фразеологизмы, языковые свойства, культурные коннотации, сопоставление русского и китайского языков

1. 引言

比较是人们认识客观世界的重要方法。两种语言的可比性是建立在人类语言共同性基础上的。人类思维规律有一致性，这种一致性是人类生理机制的共同性和生存空间的同一性所决定的。语言的共同性既表现在人类语言的形式和功能上，也表现在人类共同的认知理性上。语言的差异是由各自民族的不同文化所决定的。语言是民族文化的载体，它随民族的发展而发展。但人类有着共同的认知基础。认知形式上的差异可通过概念结构和语言结构来寻找它们的对应关系，寻找差异背后隐藏着认知基础的共同语言规律。（王福祥、吴汉樱 2007: 170）

成语是某一语言中人们长期习用的、言简意赅的固定词组或短句。成语是一个民族语言的精华，是一个民族人民智慧的结晶，具有鲜明的民族特色，是公认的文化蕴涵最丰富的语言单位。对俄汉成语进行语言文化方面的对比研究，不仅可以使我们更加深入地了解两种语言中成语单位的语言特性和文化内涵，还可以让我们在比较中更加清楚地认识两种语言和文化间的共性和个性。揭示俄汉两种语言文化间的异同对外语学习、外语教学、双语词典编撰、翻译理论、跨文化交际等也具有直接或间接的启示意义。

表人成语是人们在使用一门语言时经常使用的一类成语，在人们的日常交际中发挥着重要的作用。俄语和汉语中都有大量的表人成语，我们在大量的俄汉语辞典和论著中共搜集到530个左右的俄语表人成语和250个左右的汉语表人成语，这说明俄汉语中的表人成语是非常典型的一类语言单位，值得我们关注。很多表人成语背后都有着深厚的文化内涵，如若不了解其背后的文化内涵，则无法理解成语的意义，例如：*валаамова ослица*，*жрецы Фемиды*，*冬烘先生*，*高阳公子*等。因此，对俄汉语中表人成语进行语言文化方面的对比分析是非常具有现实意义的。

2. 俄汉表人成语的结构特点

俄语表人成语的结构不固定，呈多样性，通常由两到五个不等的单词组成，例如：*стреляный воробей*（老于世故的人），*рыцарь на час*（一时之雄，片刻豪杰），*волк в овечьей шкуре*（阴险狡诈的伪君子），*рыцарь без страха и упрёка*（见义勇为、品德高尚的人）。

按照语法结构特征，俄语成语可以分为句子型成语和词组型成语。俄语表人成语均为词组型成语。根据结构的复杂程度，俄语表人成语可以分为简单词组式表人成语和复合词组式表人成语。简单词组式表人成语中只有一种语法联系，构成简单词组式表人成语的语法联系主

要为一致联系和支配联系，例如：*важная птица*（要人），*глухая тетеря*（聋子），*баловень судьбы*（命运的宠儿），*дитя природы*（大自然的产儿；没有受过城市影响的人，未染都市习气的人）等。此外还有并列联系等，例如：*гог и магог*（可怕的人；有权势的人），*маг и волшебник*（神通广大的人）等。复合词组式表人成语中有两种或两种以上语法联系，例如：*отставной козы барабанщик*（无足轻重的人，地位卑微的人），*последняя спица в колеснице*（无足轻重的人）等。俄语表人成语中简单词组式表人成语所占的比重明显大于复合词组式表人成语。

汉语表人成语的结构则比较固定，呈单一性，以四字格为基本形式（占97.2%），例如：*正人君子*，*泥足巨人*，*良师益友*，*达官贵人*等。刘洁修指出：“汉语成语几乎90%以上都是四个字的，这跟汉语词汇的构造规律、声调规则以及传统的诗文形式密切相关。”（刘洁修 1985:7）汉语表人成语主要由偏正结构和联合结构构成，例如：*后起之秀*，*谦谦君子*，*魑魅魍魉*，*金童玉女*等。

3. 俄汉表人成语的语义特征

成语作为一种语言单位，具有结构（形式）和语义（内容）两个对立统一的方面。由于人类思维的共性和所面对的客观现实的相似性，俄汉表人成语在语义特征方面呈现出一致性的特点。关于成语的意义，丁昕等指出：“词的词汇意义由概念意义与构词意义、范畴意义结合而成，而成语意义则只是概念意义与范畴意义结合的结果。成语的概念意义由各成素综合地、概括地、不可分解地表达，成语的范畴意义一般由语法上的主导成素表达。”（丁昕、李桂芬 1994:58）除了概念意义和范畴意义外，俄汉表人成语还具有明显的评价意义。

3.1 俄汉表人成语的概念意义

俄汉表人成语的概念意义是表示具有某种特征的人。这种特征涉及方方面面，包括人的外貌特征、性格特征、身份地位特征、道德品质特征、职业特征等等。下面仅仅列出一些典型的类别：① 指出人的外貌特征的俄汉表人成语，例如：*аршин с шапкой*（个子矮的人），*коломенская верста*（非常高的人），*出水芙蓉*，*绝代佳人*等。② 指出人的性格特征的俄汉表人成语，例如：*бедовая голова*（不顾死活的人，天不怕地不怕的人），*горячая голова*（急性子，暴性子人），*谦谦君子*，*轻薄少年*等。③ 指出人的身份地位特征的俄汉表人成语，例如：*большая рука*（大人物，有权势的人物），*птица низкого полёта*（小人物），*达官贵人*，*贩夫走卒*等。④ 指出人的道德品质特征的俄汉表人成语，例如：*люди доброй*

воли (正直的人们), 大雅君子, 衣冠禽兽等。⑤ 指出人的职业特征的俄汉表人成语, 例如: тупейный художник (理发师), гороховое пальто (密探), 梨园子弟, 绿衣使者等。

3.2 俄汉表人成语的范畴意义

“范畴意义是一种语法意义, 是成语意义的组成部分, 它与成语的概念意义密不可分, 二者是一种内容和形式的关系, 互相依存, 互相补充。只不过范畴意义具有高度抽象性, 它不涉及概念意义, 它只伴随概念意义。”(丁昕、李桂芬: 1994:58) 俄汉表人成语均为名词性成语, 具有事物性 (предметность) 的概括范畴意义。

3.3 俄汉表人成语的评价意义

“成语的品评意义是指对人或事物稳固的、恒常的特征的正面或负面评价。俄语中有许多成语都有品评意义, 品评意义是成语意义的组成部分。成语的语义特征在很大程度上取决于品评因素。”(丁昕2007: 190-191) 绝大多数俄汉表人成语都具有明显的评价意义, 因为它们在表人时倾向于说明这个人是什么样的, 具有什么样的特征, 而不是这个人是谁。例如: белая ворона (标新立异, 与众不同的人), голова садовая (木头脑袋; 马大哈), ходячая энциклопедия (活百科), ненасытная утроба (填不饱的大肚汉; 贪得无厌的家伙), 闲云野鹤, 美人香草, 两脚书橱, 绝代佳人等。

4. 俄汉表人成语构成中的修辞机制

一方面, 成语在语言表达中形象鲜明、表现力强, 历来是重要的修辞手段, 另一方面, 成语本身的构成也借助于诸多修辞手段。对俄汉表人成语中的修辞机制进行探讨, 有利于我们更加深入地了解成语的内部构成机制、理解成语的意义。由于人类思维和认知的相似性, 用于构成俄汉表人成语的修辞机制大概一致。

4.1 隐喻

隐喻是指以本体和喻体相似的特征为基础, 用一类事物来喻指另一类事物, 俄汉表人成语中常见的隐喻主要包括以下几类:

4.1.1 物体隐喻, 例如: пятое колесо в колеснице (多余的人), отрезанный ломоть (嫁出去的女儿, 脱离家庭自立的人; 脱离了原来生活方式的人), приказный крючок (小官吏; 刁难人、冷酷无情的人), мешок с соломой (窝囊的人, 草包), 沧海遗珠, 断线风筝, 酒囊饭袋, 两脚书橱等。

4.1.2 动物隐喻, 俄语表人成语中具有非常丰富的动物隐喻现象, 例如: ворона в павлиньих перьях (徒有其表; 硬充好汉的人), канцелярская крыса (小职员, 小官吏), морской волк (老练的水手), тёмная лошадка (脾气、性格、品质鲜为人知的人), заблуд-

шая овца (误入歧途的人), змея подколотная (指阴险恶毒的人), мокрая курица (可怜虫; 意志薄弱的人, 优柔寡断的人, 窝囊废), первая ласточка (先驱) 等。汉语表人成语中的动物隐喻现象也很常见, 例如: 初生之犊, 井底之蛙, 无名鼠辈, 识途老马等等。

4.1.3 植物隐喻, 例如: бесплодная смоковница (不能生育的妇女; 不出成果的学者、作家等, 无成就的人), тепличное растение (娇生惯养、弱不禁风的人), пенёк берёзовый (蠢材, 傻瓜), старый хрен (老家伙, 糟老头子), 并蒂莲花, 出水芙蓉, 凡桃俗李, 岁寒松柏等。

4.2 借代

借代又称换喻, 是用相关事物的名称来指称事物的一种修辞。如果说隐喻是基于两事物间的相似性, 那么借代是基于事物间相关性而形成的。(张会森2002:57) 俄汉表人成语中常见的借代类型有:

4.2.1 以物饰名称代指穿戴或使用: 例如: первая перчатка (拳击冠军), казённые перья (御用文人), гороховое пальто (旧俄的密探), белые воротнички (白领职工), 烟蓑雨笠 (烟雨中穿蓑衣戴斗笠的人, 代指隐士), 布衣黔首等。

4.2.2 以特征名称代指特征的具有者: 例如: оскорблённая невинность (无端受侮的人, 受冤屈的人), святая простота (非常天真的人), 上智下愚 (最聪明的人与最愚笨的人) 等。

4.2.3 提喻, 提喻作为借代的一个分支, 是指以部分喻整体, 或以整体喻部分的一种修辞。俄汉表人成语中常见的是用人的身体部位和身体的构成部分代指人, 俄语中由这种修辞构成的表人成语相当多, 很多身体部位都可以用来代指人, 例如: ветреная голова (轻率的人, 不可靠的人), лишний рот (吃闲饭的人, 成为他人包袱的人), медный лоб (不开窍、冥顽不化的人), недрёманное око (不眨眼的监视者; 死死盯梢的暗探), ненасытная утроба (填不饱的大肚汉; 贪得无厌的家伙), правая рука (左膀右臂, 主要助手), свой глаз (自己的耳目, 亲信), толоконное брюхо (大饭桶, 大草包), голубая кровь (贵族血统的人), кость от кости (亲骨肉) 等。相比而言, 汉语中这种类型的表人成语相对较少, 例如: 明眸皓齿 (形容女子貌美, 也指美丽的女子), 雾鬓云鬟 (形容女子细密而蓬松的美发, 也借指美女), 雪鬓霜鬟 (指白发, 代指老年人), 一手一足 (代指一个人) 等。

4.3 代称

代称又称迂喻, 是用描写性的名称 (通常是词组) 来代替事物本来名称的一种修辞。代称

可以增强言语的多样性,避免单调。例如,俄汉表人成语中的这类成语有: царь природы (指人), тупейный художник (指理发师), 万物之灵 (指人), 梁上君子 (指小偷), 绿衣使者 (指邮递员), 梨园子弟 (指戏曲演员) 等。

4.4 夸张

夸张修辞包括夸大和缩小两类。前者是对人、事物或现象做夸大其实际的描述,后者是对人、事物或现象做有意缩小描写,以突出人物的形象或事物的特征,给人留下深刻的印象。两者在俄汉表人成语中都有涉及,例如: коломенская верста (大高个子), пожарная каланча (大高个子), 吞舟之鱼, аршин с шапкой (矮个子), 沧海一粟等。

4.5 逆喻

逆喻又称矛盾修饰法、精警,这是将意义上相互排斥的两个词结合在一起,看来似乎矛盾而实则含义深刻的修辞方式。(吕凡等1988:47) 例如: деловой бездельник (无事瞎忙的人), живой мертвец (生理上活着,心理上却空虚如同死人一般的人), 行尸走肉等。

5. 俄汉表人成语的文化分析

5.1 俄汉表人成语中的隐喻和民族文化

上面分析俄汉表人成语构成中的修辞机制时我们已经提到了隐喻,隐喻作为一种辞格是构成俄汉表人成语的重要手段之一。此外,隐喻不仅仅是一种修辞手段,还是一种基本的认知方式。作为一种认知方式,隐喻与民族文化密不可分。

5.1.1 隐喻与民族文化

隐喻是人们通过一种事物认识另一种事物的认知方式,正如 Lakoff & Johnson (1980:5) 所指出的,“隐喻的实质是用一类事物理解和体验另一类事物”。(转引自徐盛桓2014:365) 人们之所以把两类事物联系起来,是因为对他们产生了相似联想,而这种相似联想是属于主观认知领域的。我们知道,人是处于一定民族文化背景中的人,因此其主观认知不可避免地会带有本民族文化的烙印。“归根到底,隐喻是一种文化行为,不考虑文化因素的影响,便无法解释两个不同事物如何在人的观念之中联系起来,也无法解释人们对隐喻感悟的深层机制”(王松亭1996:65) 因此,隐喻具有民族文化特色,不同民族语言中的隐喻反映着它们对世界的认识,反映着它们各自的文化。

5.1.2 俄汉表人成语隐喻中的文化

俄汉表人成语中都存在大量的隐喻,其主要类型均为动物隐喻、植物隐喻、物体隐喻三种。但是由于俄汉两种文化的差异,在具体的隐喻取象方面存在着差异。

例如:俄罗斯人用成语 соль земли 来喻指“民族的精华,社会中坚,民族、社会最杰出的代表”。那么为什么俄罗斯人会把“盐”和“精华”联系在一起呢?这与俄罗斯独特的文化背景是分不开的,与基督教在俄罗斯的传播有关,这一隐喻首见于《圣经·新约·马太福音》:耶稣对他的弟子们说:“Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поприще людям.”(От Матфея, 5-13) 圣经中这样取喻,是因为当时盐是极其珍贵的东西,同时又是人类不可缺少的东西。(王松亭1999:220) 随着基督教文化在俄罗斯的广泛传播,人们便习惯用这一表达来表示“民族的精华,民族、社会最杰出的代表”,因为一个民族、社会最杰出的代表也是极其珍贵,同时对于民族、社会的发展来说是不可缺少的,因为有这样的文化背景,所以俄罗斯人民才会把这两者联系起来,构成隐喻。在中国,基督教传播并不广泛,所以大多数人并不了解《圣经》,所以“盐”在汉语中并没有构成类似的隐喻。

汉语表人成语“人中之龙”指“人中豪杰”,用“龙”来喻指“豪杰”这也跟我们传统的汉文化有关,龙是中国神话传说中的神异动物,为百鳞之长。常用来象征祥瑞,龙自古以来就是我们中华民族的图腾,我们习惯称自己为“龙的传人”,总而言之,龙在汉文化中具有非常正面的形象,因此我们会把“龙”和“豪杰”联系起来,因为在我们中国人的认知中,这两者之间具有相似之处,都是正面形象。而在俄罗斯,龙常常被描绘成一种邪恶的动物,他们常常称龙为“恶龙”,因此在俄罗斯文化中不存在用“龙”来指“豪杰”的隐喻。

此外,即使在用同一种本体构成隐喻时,俄汉表人成语也表现出差异,例如:同样是用“鸡”这一动物喻指“人”,俄语中 мокрая курица 指“可怜虫;意志薄弱的人,优柔寡断的人,窝囊废”,表示人的内部品质特征,而汉语中“落汤鸡”喻指“浑身湿透或名利受到极大损失的人”,表示人的外部形态和形象特征。此外,同样是用“马”这一动物喻指“人”,俄语中的 тёмная лошадка 指“最终才被发现的暗中操纵者或参与者;脾气、性格、品质鲜为人知的人”,而汉语中的“黑马”是“比喻竞赛或竞选中的意外获胜者,或者料想到能取胜或作出优异表现的不知名的竞争者”。同一种本体之所以在俄汉表人成语中获得不同的隐喻义是由于中俄人民由于受不同文化影响在构成隐喻时常常会关注事物的不同特征、侧重事物的不同方面,从中提取出不同的喻义从而构成不同的隐喻。

在构成俄汉表人成语时,都习惯用动物隐喻、植物隐喻、物体隐喻来指人体现了中俄人民认知方式和思维方式的共性,在具体的隐喻

取象和提取隐喻义方面, 俄汉表人成语虽有相似之处, 但更多地体现的是差异, 这种差异一方面是两国文化背景的差异, 另一方面是在不同文化背景影响下人们认识事物时会关注事物不同方面、不同特征的差异, 即认知方式的差异。

5.2 俄汉表人成语中的先例现象

5.2.1 文化空间与先例现象

“文化空间”(культурное пространство)的概念最早由 В.В. Красных 和 Д.Б. Гудков 提出。所谓“文化空间”是指文化在人的意识中的存在形式, 是心智文化(ментальная культура)。民族制约性是文化空间的基本属性, 不同民族语言文化共同体有各自的文化空间, 即民族文化空间。(李向东2015:111-112)

民族文化空间的核心是民族认知库(национальная когнитивная база), 进入认知库和文化空间核心的基本单位是心智事实(ментефакты)。心智事实可以有不同的分类标准, 按照“信息性-形象性”(информативность-образность)特征可以将其分为三类: 知识(знания)、观念(концепты)和表象认识(представления)。(И.В. Захаренко и др.2004: 11-12) 表象认识可以是集体的, 也可以是个体的, 其核心要素是具有丰富文化含义的形象。表象认识具有形象性、情感色彩和评价性等重要特征。

按照唯一性和多样性(единичность и множественность)、有原型与无原型(прототипичность и отсутствие прототипичности)的标准, 表象认识分为四类: 先例现象(прецедентные феномены)、神灵(духи)、人造物(артефакты)和定型(стереотипы)。(В.В. Красных 2002: 40) 其中, 先例现象是具有唯一性和原型性特征的一类表象认识。例如:《圣经》中的“犹大”是唯一的, 也是原型的。原型是建立某种形象的基础。当现实或非现实世界的某种现象(人、情景、文本、话语等)获得先例地位后, 它就成为人们认知、评判事物和现象的感知恒量(инвариант восприятия)。例如, 人们现在常常用“犹大”来指“叛徒、背叛别人的人”。

什么是先例现象呢? И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков (2004:16) 等在参考 Ю.Н. Караулов 观点的基础上指出, 具有以下特征的现象可以称为先例现象:

- 1) 为民族语言文化共同体所有成员所熟知(具有超个性特征);
- 2) 具有实际的认知(认识和情感)作用;
- 3) 在民族语言文化共同体成员的言语中多次复现。

先例现象的超个性特征是指该民族语言文化共同体所有成员至少知道该现象的存在并对该现象有某种共同的认识, 这种共同的认识使得先例现象在言语中复现时, 不需要特别的解释

就能为交际双方所理解, 这一点与其认知作用密不可分。

5.2.2 俄汉表人成语中先例现象来源

俄汉表人成语中都存在先例现象, 但是其来源有所不同。俄语表人成语中的先例现象的主要来源是:

1) 《圣经》等宗教典籍

《圣经》是俄语表人成语中先例现象的重要来源之一。许多俄语表人成语中包含源于先例文本《圣经》的先例名、先例情景等先例现象, 它们成语义的形成是基于《圣经》中的人物形象或故事情节。例如, 俄语表人成语 кающаяся Магдалина 源自《圣经》中的人物 Мария Магдалина, 传说这位女子原本是个荡妇, 在耶稣治愈了她, 从她体内驱走7个魔鬼之后, 她便为自己的淫荡生活悔过, 成为耶稣的忠实信徒, 后来人们便用 кающаяся Магдалина 指“改邪归正的女子; 悔罪得救的淫荡女子”。成语 Фома неверный 也是源自圣经人物, 传说中 Фома 是耶稣使徒之一, 他不相信基督复活的消息, 后来人们便用 Фома неверный 来指“不相信别人话的人”。此外, Иов многострадальный (多灾多难的约夫, 多苦多难的人), ветхий Адам (旧人, 灵魂须再生的罪人), бесплодная смоковница (不能生育的妇女; 不出成果的学者或作家等, 无成就的人), валамова ослица (秉性沉默恭顺却突然发议论或提抗议的人; 愚蠢而固执的女人), гог и магог (可怕的人或事; 有权势的人), колосс на глиняных ногах (泥足巨人, 外强中干的庞然大物) 等都是来自《圣经》中的先例名或先例情景, 俄语表人成语中这类成语很多。

2) 俄罗斯及外国经典文学作品

俄语中有大量成语出自俄罗斯经典作家的文学作品, 克雷洛夫的寓言, 格里鲍耶陀夫的喜剧, 普希金和莱蒙托夫的诗篇, 果戈理和契诃夫的小说等都为后世提供了大量的成语资源, 其中有许多表人成语来自这些作品中的先例名, 来源于这些作品中所塑造的形象。例如: 成语 свинья под дубом 就来自克雷洛夫的同名寓言, 克雷洛夫在这个寓言中塑造了一个享受着橡树果实却不知感恩还要用鼻子拱橡树根的一个猪的形象, 从这个意义出发, 人们后来便用这个成语指“忘恩负义、愚蠢的人”。此外, 这类成语还有 двадцать два несчастья (倒霉的人, 不走运的人, 来自《樱桃园》), человек в футляре (把自己禁锢在个人小天地里, 狭隘庸俗, 害怕一切新事物的人, 来自契诃夫同名小说), рыцарь на час (一时之雄, 片刻豪杰, 昙花一现的英雄, 来自涅克拉索夫同名诗篇), маг и волшебник (双料的魔法师, 喻神通广大的人, 来自喜剧《克利钦斯基的婚事》) 等等。

除了俄罗斯本国文学作品外，俄罗斯表人成语中还有一些先例现象来自外国经典作品。例如：**принцесса на горошине**（豌豆公主，娇生惯养的人，源自安徒生童话《豌豆公主》），**калиф на час**（片刻之王，短期掌权的人，源自《一千零一夜》中片刻之王），**голый король**（愚蠢虚荣的人，不具有所追求的尊严，源自安徒生童话《皇帝的新衣》）等等。

3) 俄罗斯民间传说等和古希腊罗马神话故事

俄语表人成语中的先例现象还有一部分来自俄罗斯民诗、民歌、民间故事、神话传说等。例如：**Аника-воин**（逞强好胜的人，狂妄自大不自量力的人）来自俄罗斯古代民间传说中的主人公武士安尼卡，他自恃英勇无敌，向死神挑战，结果自取灭亡。此外，还有**царевна несмеяна**（谦卑的姑娘，来自民诗），**Баба-яга**（指凶恶、好唠叨、丑陋的老婆子，来自民间故事），**Василиса премудрая (прекрасная)**（美貌与智慧并存的女人，源自神话）等。

古希腊罗马神话故事中的人物形象也是俄语表人成语的先例来源。例如：**жрец Фемиды**（法官）来源于古希腊神话中正义女神**Фемиды**的祭司，**двуликий Янус**（两面派）来源于有两张脸的古罗马的门神**Янус**。

4) 历史典故

俄语表人成语中有一部分来自历史典故，历史典故为其提供了先例情景。例如：**казанская сирота**（假装可怜的人）就源于下面的先例情景：1552年伊凡四世征服喀山汗国。该国的王公贵族为了讨好俄皇，竭力装成可怜而顺从的样子，以期获得宽恕，被称作“喀山弃儿”。此外，这类表人成语还有：**коломенская верста**（指非常高的男人），**вольный казак**（自由自在的人），**не помнящий родства Иван**（六亲不认的伊万，数典忘祖的人）等等。

汉语表人成语中先例现象主要来源为：

1) 佛教典籍

佛教是世界三大宗教之一，历史悠久，在我国有非常大的影响。佛教典故是汉语表人成语中先例现象的重要来源。例如，“混世魔王”，佛教中认为“波旬”为魔界之主，佛教传入汉地以后，人们称波旬为“混世魔王”，意思是“扰乱世界的众魔之王”，后来被用来指“给人们带来严重灾难或造成很大麻烦的人”。（朱瑞玖2003：10）此外，汉语表人成语的这类成语还有：开山祖师、哼哈二将、善男信女、大肚子弥勒佛等等。

2) 历史典故

汉语表人成语中的先例现象很大一部分来自

历史典故、历史人物，这些历史典故大多在文献中有所记载。例如：“管鲍之交”就来源于西汉司马迁《史记》中记载的管仲和鲍叔牙的先例情景。“扶不起的阿斗”来源于先例名“阿斗”，原指三国时期刘备的儿子，他为人不思进取，只会整天玩乐，即使有诸葛亮这样的名臣辅助和教导也无济于事，最终导致江山落入他人手中。人们便用“扶不起的阿斗”来形容始终无法扶持成才的人。此外，还有东床快婿、冬烘先生、败军之将等。

3) 本国经典文学作品

汉语表人成语还有一些来自我国古代经典文学作品中的先例语句。例如，“沧海一粟”语出宋朝苏轼《前赤壁赋》中，“寄蜉蝣于天地，渺沧海之一粟”，“二八佳人”出自他的《李铃辖座上分题戴花》诗“二八佳人细马驮，十千美酒渭城歌。”“绝代佳人”出自杜甫的《佳人》：“绝代有佳人，幽居在空谷。”

从俄汉表人成语中先例现象各自的来源来看，无论是俄语表人成语还是汉语表人成语，历史典故都是其先例现象的重要来源。由于宗教信仰不同，俄语表人成语的宗教先例现象主要来自基督教的《圣经》，而汉语表人成语的宗教先例现象主要来自佛教典籍。此外，由于俄罗斯一直以来受外来文化影响较多，所以俄语表人成语中有相当一部分来自异文化的先例现象，而汉语表人成语中的先例现象则主要来自中华文化。

6. 结语

综上所述，从语言特点来看，在结构方面，俄语表人成语的结构不固定，呈多样性，通常由两到五个不等的单词组成，内部语法联系主要为一致联系和支配联系；汉语表人成语的结构则比较固定，呈单一性，以四字格为基本形式，主要由偏正结构和联合结构构成。在语义特征方面，俄汉表人成语的概念意义、范畴意义和评价意义特征呈现出一致性。在构成成语的修辞机制方面，构成俄汉表人成语的修辞手段主要有隐喻、借代、代称、夸张、逆喻等。从文化分析来看，俄汉表人成语在隐喻取象方面受各自文化背景的影响而存在差异。俄语表人成语中先例现象主要来源于《圣经》等宗教典籍、俄罗斯及外国经典文学作品、俄罗斯民间传说等和古希腊罗马神话故事、历史典故等，而汉语表人成语中先例现象主要来源于佛教典籍、历史典故、本国经典文学作品等。总的来说，俄汉表人成语在语言内部机制方面更多地体现的是共性，而在语言外壳和文化方面则表现出较多差异。

参考文献:

1. 王福祥、吴汉樱.现代语言学及其分支学科[M].北京: 外语教学与研究出版社, 2007.
2. 刘洁修.成语[M].北京: 商务印书馆, 1985.
3. 丁昕、李桂芬.俄语成语的语义特征[J].解放军外国语学院学报. 1994 (2). С. 56-59.
4. 丁昕.丁昕集[C].哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2007.
5. 徐盛桓.隐喻的起因、发生和建构[J].外语教学与研究 (外国语文双月刊). 2014 (3). С. 364-374.
6. 张会森.修辞学通论[M].上海: 上海外语教育出版社, 2002.
7. 吕凡、宋正昆、徐仲历.俄语修辞学[M].北京: 外语教学教学与研究出版社, 1988 с.
8. 王松亭.隐喻的感悟及其文化背景[J].外语学刊 (黑龙江大学学报校庆专号). 1996 (4). С. 63-66.
9. 王松亭.隐喻的机制和社会文化模式[M].哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1999.
10. 李向东、杨秀杰、陈戈.当代俄罗斯语言与文化研究[M].北京: 北京大学出版社. 2015.
11. 朱瑞玟.佛教成语[M].上海: 汉语大词典出版社. 2003.
12. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков. Русское культурное пространство, лингвокультурологический словарь. Москва: Гнозис. 2004.
13. В. В. Красных. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис. 2002.

作者信息:

杨岚 北京外国语大学 2015级现代俄语方向研究生
 通信地址: 中国北京市海淀区西三环北路二号
 手机: 86-13126675126
 邮箱: yangpuma@163.com.

Сведения об авторе:

Ян Лань – магистрант Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (Китай, Пекин). Сфера интересов: лингвистика, язык и культура. Email: yangpuma@163.com.

A CONTRAST ANALYSIS OF LINGUISTIC AND CULTURAL DIFFERENCES BETWEEN PERSON-DESCRIBING PROVERBS IN RUSSIAN AND CHINESE

YANG Lan

Beijing Foreign Studies University,
No.2 North Xisanhuan Road, Beijing, 100089
P.R. China

The Abstract: *Proverbs represent the essence of a language. They are filled with cultural and linguistic characteristics. Proverbs describing a person are one of the most often used categories that play an important role in our daily life. There are many proverbs of this type in Russian and Chinese. Their similarity in semantics and rhetoric demonstrates the human's commonness in cognition and thinking, while their differences in formal structure, metaphor image and source of precedent reveal the individuality of Russian and Chinese and their respective cultures.*

Key Words: *person-describing proverbs; linguistic characteristics; cultural analysis; contrast between Russian and Chinese.*

References

1. Wang Fuxiang, Wu Hanying. Modern linguistics and its branches [M]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2007.

2. Liu Jiexiu. Proverbs [M]. Beijing: The Commercial Press, 1985.
3. Ding Xin, Li Guifen. The Semantic Features of Russian Idioms [J]. Journal of PLA University of Foreign Languages, 1994 (2) .
4. Ding Xin. The Semantic Features of Russian Idioms [C]//Ding Xin. The collections of Ding Xin. Harbin: Heilongjiang University Press, 2007.
5. Xu Shenghuan. The origination, germinaton, and construction of a metaphorical expression [J]. Foreign Language Teaching and Research (bimonthly), 2014,(3).
6. Zhang Huisen. General Theory of Rhetoric [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2002.
7. Lv Fan, Song Zhengkun, Xu Zhongli. Russian rhetoric [M]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 1988.
8. Wang Songting. Metaphorical perception and its cultural background [J]. Journal of Foreign Languages,1996, (4).
9. Wang Songting. Metaphorical mechanism and social cultural patterns [M]. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 1999.
10. Li Xiangdong, Yang Xiujie, Chen Ge. Studies on contemporary Russian language and culture [M]. Beijing: Peking University Press, 2015.
11. Zhu Ruiwen. Buddhist idioms [M]. Shanghai: Chinese Dictionary Press, 2003.
12. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Russkoe kul'turnoe prostranstvo, lingvokul'turologicheskij slovar'[Z]. Moskva: Gnozis, 2004.
13. Krasnyh V.V. JEtнопсихология i lingvokul'turologija[M]. Moskva: Gnozis, 2002.

About the author:

YANG Lan – postgraduate student of Russian Institute BFSU (China, Beijing). Email: yangpuma@163.com.

* * *

RUSSIAN ABSURD TEXTS

S.V. Chernova, A.D. Ferguson

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Australian Technical and Further Education (TAFE), English Language Intensive Courses for Overseas Students (ELICOS), 66 Ernest Street, South Brisbane, Queensland 4101.

The article is devoted to the study of comical absurdity. The aim of this article is threefold: first, to outline basic characteristic features of comical absurdity and examine lexical stylistic devices in absurd texts; second, provide a classification of absurd messages; finally, to outline common scripts of Russian absurd anecdotes. The authors come to the conclusion that basic characteristic features of comical absurdity are inductive or deductive errors, lack of time, place, number or action coincidence, tautological repetitions, nonselection, and parody. Imagery and expressivity of comical absurdity are created with the help of metaphors, personification, overstatement, understatement, oxymoron, and pun. The authors divide irrational messages into pseudo-absurd, relatively absurd and verily absurd postulates. Three common scripts of Russian absurd anecdotes are outlined depending on the clarity of verbalization and a communicative purport. The results of this research would help to avoid confusion, which is not rare in discussions on comical absurdity.

Ключевые слова: *comical absurdity, pseudo-absurd postulates, relatively absurd postulates, verily absurd postulates, semantic characteristics, pragmatic characteristics, syntactic characteristics, anthropological characteristics, nonsense, anecdotes.*

The beginning of the 21st century is provoking the increased interest in absurdity. This article is devoted to the study of comical absurdity. The aim of this article is threefold: first, to outline basic characteristic features of comical absurdity and examine lexical stylistic devices in absurd texts; second, provide a classification of absurd messages; finally, to outline common scripts of Russian absurd anecdotes.

In the ordinary consciousness of native speakers, absurdity is characterized by such conceptual parameters as: “lack of clarity/obscurity”, “inconsistency of common sense”, “discrepancy between an existing state of world affairs manifested in the violation of generally accepted social norms and values”.

In the scientific and artistic consciousness absurdity is the “way to prove the falsity of the thesis”, a certain reaction to the “alienation from the world” and an “aesthetic category”.

We distinguish the concept of “absurd (absurdity)” and “nonsense”. Absurdity is a symptom of a specific situation, when something, which is con-

trary to common sense, life experience or logic, is allowed as possible or might take place in reality, while nonsense is absolutely unthinkable and considered to be an artificial set of incompatible words devoid of any meaning or hidden senses.

Absurdity is mainly caused by the appearance of “polysemantic logic”. In “unambiguous logic” the statement can be either true or false while in “polysemantic logic” everything is possible and has equal probability [3, p. 259].

Nowadays there are a lot of different statements in which rationality and absurdity are mixed in different proportions. Some of them provoke a feeling of ineptitude, while others are full of deep hidden sense. Something that is nonsensical for one person can be full of sense for another one in particular circumstances.

In “polysemantic logic” comical absurdity is a peculiar way of considering our reality. Knowing its specific features helps to avoid the communicative failures in cross-cultural communication.

TRAITS OF ABSURD TEXTS

Though the boundary between some rational and irrational statements is rather vague, there are some traits that are peculiar to the organization of most absurd texts. The basic characteristic features are the following: inductive or deductive errors; lack of time, place, number or action coincidence; tautological repetitions; nonselection and parody.

Inductive or deductive errors appear when entry (particular/general) dispatches do not correlate with their (general/particular) final conclusions. They are mainly cases in which absurd reasoning contains some logical mistakes:

In view of the fact that there are subterranean waters, there are also subterranean fishes.

Such inductive or deductive errors can be examples of either intentional or unpremeditated acts. The latter appear mostly in the speech of uneducated people or small children. The feeling of absurdity appears as a result of simple logical mistakes, which in most cases produce a comical effect.

When paralogism is deliberately created and the speaker's intention is to confuse the interlocutor or convince him or her of an eccentric idea, we deal with absurd sophisms, which can be defined as outwardly correct cases of some absurd thoughts:

Чем больше учишься, тем больше знаешь.

Чем больше знаешь, тем больше забываешь.

Чем больше забываешь, тем меньше знаешь.

Чем меньше знаешь, тем меньше забываешь.

Но чем меньше забываешь, тем больше знаешь.

Так для чего учиться? [13]

The more you learn, the more you know.

The more you know, the more you forget.

The more you forget, the less you know.

The less you know, the less you forget.

But the less you forget, the more you know.

So why learn?

Such 4-lined absurd sophisms are very popular in Russia and show the traditional love of wordplay. This wordplay involves twisted and unusual wording, which is aimed at amusing the listener by showing how intelligent the speaker is. Russian absurd sophisms are instantly spread by young people and mainly focus on common social vices.

The next basic characteristic feature of absurd texts is the lack of time, place, number, action or name coincidence.

– Когда ты в последний раз навещал свою бабушку?

– Одним октябрьским утром в сентябре, прошлым июлем.

– *When did you last visit your granny?*

– *One fine October morning, in September, last July.*

The combination of time coordinates and image semantics can be violated in the same absurd text:

– *По стене ползет кирпич, видит – висит календарь.*

– *Который час? – спрашивает кирпич.*

– *Среда, – отвечает календарь.*

– *Ура! – обрадовался кирпич. – Скоро лето!*

– *A brick is crawling on the wall and sees the hanging calendar.*

– *“What is the time?” – asks the brick.*

– *“It is Wednesday”, answers the calendar.*

– *“Hurray!” – cheered the brick. “Summer is coming soon!”*

Quite a number of similar contradictory sayings are reproduced in a rhymed form and full of unclear discrepancy:

По стене ползёт стакан,

Деревянный как кирпич,

Ну и пусть себе ползёт,

Муха тоже вертолёт [14].

A glass is crawling on the wall

It is as wooden as a brick.

So what? Let it float,

A fly is a helicopter, too.

This Russian poem for children illustrates the lack of time, place and image coincidence. It is impossible for any glass to climb up the wall and to float simultaneously. In addition, a disturbed semantics of images is on the surface: “A glass which is as wooden as a brick”, “A fly which is also a helicopter”.

There are a lot of different absurd variations of this linguistic tease which can be placed in a separate group under the general title “По стене”/ “On the wall”. The general traits of such absurd texts are: 1) they are four-lined rhymes; 2) they describe personified inanimate objects including animals (usually hares or camels); 3) they are full of semantic and unclear logical discrepancy.

Tautological repetition is another prominent characteristic of most absurd texts.

– *Слушай, как называется твоя новая причёска?*

– *А как ты догадался, как называется моя новая причёска?*

– *Твоя новая причёска называется «Как называется твоя новая причёска»?*

– Нет, моя новая причёска называется «А как ты догадался, как называется моя новая причёска» [15].

– Listen, how is your new hair-cut called?

– And how did you guess how my new hair-cut is called?

– Is your new hair-cut called “How is your new hair-cut called?”

– No, my new hair-cut is called “And how did you guess how my new hair-cut is called?”

The term “tautology” is frequently used to show the negative attitude of the critic to all kinds of synonymic or syntactic repetitions; it is usually accepted as a fault of style in so called “rational texts”. In absurd texts tautology is presupposed, adding its zest and producing a certain comical effect as can be seen from the example above.

The term “pleonasm” is closely connected with tautological repetitions. It can be defined as the use of more words (or even word-parts) than necessary to express an idea clearly [16]: «ромашка растительная», «щука рыбная», «китаец человеческий», «железо металлическое», «лев звериный» («plant daisy», «fishy pike», «human Chinese», «metal iron», «animal lion»). It is important to avoid tautological repetitions and unnecessary redundancies in order not to turn clear and concise texts into absurd ones.

“Nonselection” [10] is another distinguishing feature of absurd texts. We understand this phenomenon as a mixture of problems and events united together without taking into consideration their incommensurable pragmatic value:

Я сломала ноготь! О боже! Кровь течёт, умру сейчас. Завещание. Быстро все сюда!!! [17].

Oh, damn. I've broken my finger nail. I am bleeding and going to die! I am ready to make a will. Come to me fast!!!

As a result, the difference between vital and insignificant things becomes blurred; reasons and consequences do not correlate with each other. All problems, actions and events become of equal worth in the world of polysemantic logic.

Absurd texts are also frequently characterized by the presence of parody elements:

Яблоня от яблока недалеко падает [18].

An apple tree doesn't fall far from its apple.

This saying, containing a parody element, in itself produces a comical effect upon Russian people due to the fact that it is an inverted variant of a famous Russian proverb “Yabloko ot yabloni nedaleko padaet”, which means that children often take after their parents in character, tastes, opinions, habits, etc.

An English variant of this proverb is “The apple does not fall far from the tree” or “Like father, like son”. It should be mentioned that there is some difference in connotation between the first and the second English proverbs. “The apple does not fall far from the tree” is commonly used in a negative meaning to describe some vicious character traits. “Like father, like son” is often used more positively or jokingly. The mock variant of the latter proverb might sound like “Like son, like father” that is unavoidably considered absurd.

Any parody is supposed to be critical [4] and provides “a relatively polemical allusive imitation of another cultural production or practice” [1]. Due to this fact it is not uncommon that a lack of cultural background knowledge can make mock folk texts of one culture seem absolutely irrational or absurd for members of some other cultures, as the implicit precedent texts can be unfamiliar to them, thus they are incapable of decoding the implied meaning of such creative works.

И остановил Иванушка коня своего и пошёл водицы напиться. И поскакали они потом дальше — конь и козлёночек [19].

Ivanushka left his horse and went to quench his thirst. And they galloped together after that: a horse and a goat.

This line can seem absurd only to those who have never read the Russian folk tale “Sister Alenushka and her Brother Ivanushka.” According to its content, Ivanushka was extremely thirsty and asked his sister whether he might drink from the hoof. Alenushka gave a negative answer explaining that if he broke that prohibition he would turn into a baby goat. Ivanushka did not obey and upon drinking was at once transformed into a baby goat. So this Russian anecdote shows that absurd perception of some jokes is culturally determined and that particular background knowledge is needed to decipher their implied or “hidden” meanings.

Not only Russian folk tales but also quite a number of different superstitions can become the basis for creating absurd jokes:

САМАЯ СТРАШНАЯ ПРИМЕТА – когда чёрная кошка в пятницу, 13 числа разбивает зеркало пустым ведром... [20].

The most terrifying Russian superstition is when a black cat is breaking the mirror into small pieces with the help of an empty bucket on Friday 13th.

Russians strongly believe in ill omens, and the things mentioned in the preceding joke “a black cat”, “a broken mirror,” and “a woman with empty buckets” are traditionally considered to be signs of bad

luck in Russia. Russians make fun of these superstitions, but deep down many of these beliefs are taken seriously.

LEXICAL STYLISTIC DEVICES IN ABSURD TEXTS

Absurdity can also be realized with the help of different lexical stylistic devices. At the lexical level its imagery and expressivity are commonly created with the help of a metaphor, personification, overstatement, understatement, oxymoron, pun etc.

Absurdity is metaphorical in nature. It has a unique ability to combine absolutely unrelated things and thereby cause a feeling of extreme astonishment. Sometimes the translation of the initial metaphorical statement from Russian into the English language cannot reveal implied symbolism and therefore seems absurd.

Продаются часы с боем. Бой будет ходить вслед за Вами и носить часы [21].

The musical clock with tunes is being sold. The boy will follow you everywhere and carry the clock.

It is known that an absurd metaphor is able to bring together the images, in which the presumed likeness and symbolism are vaguely unclear.

Приходит маятник к врачу и жалуется: – Я заколебался! [22].

The pendulum came to the doctor and said, “I’m sick and tired of vibrating.”

The metaphor shown above involves likeness between inanimate and animate objects. The Russian equivalent of the phrase “to be sick and tired of vibrating” is “zakolebatsja” which means “to be extremely tired”/ “to be all in.” The Russian word is emotionally coloured, has a negative connotation and gives rise to vulgar associations among Russian people.

The next lexical stylistic device, which can be found in quite a number of Russian absurd jokes, is overstatement. The comical effect is achieved through deliberate exaggeration of the size, shape, proportion, strength or importance of described objects:

– *Как тебя зовут?*

– *Чебурашка.*

– *Как ты докажешь, что ты Чебурашка?*

Чебурашка махнул ушами, начался ураган, разрушил дома. Больше никто не просил никаких доказательств [23].

– *What is your name?*

– *Cheburashka.*

– *How can you prove your words?*

Cheburashka waved his ears, a hurricane began to blow, and many houses were smashed. Nobody asked for any further proofs after that.

Cheburashka, also known as Topple in earlier English translations, is a famous fictional character in children’s literature, originating in the story written by Eduard Uspensky in 1965. This Russian cult character can be described as a funny little animal, somewhat between a monkey and a bear, which is remarkable for its big ears. Cheburashka’s characteristics are friendliness, openness, innate goodness and amusing creativity. Cheburashka’s aggressiveness is a preposterous plot in itself.

When quantities and qualities are deliberately underrated we deal with typical understatement:

– *Как поймать крокодила с помощью пустого спичечного коробка, бинокля и пинцета?*

– *Нужно посмотреть на крокодила через перевёрнутый бинокль, он станет маленьким-маленьким. Затем его нужно взять пинцетом и поместить в спичечный коробок [24].*

– *How can we catch a crocodile with an empty match box, binoculars and a pair of tweezers?*

– *You should look at the crocodile through inverted binoculars. It becomes tiny. Then you should take a pair of tweezers and place it in the matchbox.*

English is well known for its preference for understatement in everyday speech, while in the Russian language overstatement comes first.

“Oxymoron” expresses a semantic contradiction in absurd texts:

– *О чём этот текст?*

– *Я не знаю.*

– *Но ты же читал его громким шёпотом.*

– *Да, но я не слушал [23].*

– *Hey, what is the text about?*

– *I don’t know.*

– *But you read in a loud whisper.*

– *Yes, I did but I didn’t listen to it.*

Oxymoron is a combination of two words with opposite meanings (e.g. “loud” and “whisper”), which exclude each other. It reveals the contradictory sides of one and the same phenomenon. Such semantic incompatibility not only creates unexpected combinations of words, violating the existing norms of compatibility, but also reveals some unexpected qualities of the denotatum as well. Oxymorons are inherently absurd: “speaking silence”, “cold fire”, “living death”, etc.

Nowadays, computers play a crucial role in all spheres of human life, and linguistics is not an exception. Old words have gained new meanings and become polysemantic. This process is

reflected in the Russian anecdotes containing puns:

I know why you start squealing when you get down to working with your computer. It happens because you see a mouse.

There are very many absurd situations Russian people face in their everyday lives. Most of them occur in the professional sphere; comically absurd situations are retold by word of mouth and might turn into true-to-life fables:

A young inexperienced woman, after graduating from the university, came to the personnel department with all her documents to get fixed up in a job. She was given an application form to fill in. In the graph "social status" ("socialnoe polozenie") she wrote "not in the family way" ("ne v polozenii").

In the Russian language there is a certain phrase "v polozenii" which means "pregnant" or "in the family way." This absurd mistake appeared due to the fact that the informal meaning of a polysemantic phrase was chosen which was inappropriate for the situation of that official communication.

CLASSIFICATION OF ABSURD MESSAGES

It is fallacious to believe that all absurd jokes intermingle into one ruck of meaningless messages. If we study absurd messages in context, it becomes obvious that they as variable as rational postulates. It is possible to give a classification of all absurd messages, dividing them at least into three separate groups: 1) pseudo-absurd postulates; 2) relatively absurd postulates; 3) verily/ truly absurd postulates.

Pseudo-absurd postulates are utterances that can be mistakenly taken as *absurd ones at first but receive their rational explanations in the end*:

"There was a door bell. The man opened the door. He saw a hamster, a chipmunk, a hippo and a giraffe in the doorway. The hamster starts its conversation: "Good morning. We receive a call that you frequently use hallucinogens."

It is worth mentioning that sometimes the opposite process takes place and absurd texts may seem rational at first sight:

When will I get up if I set my alarm clock at 8 o'clock, my father shifts the set time one hour later, my mother shifts the set time two hours earlier than my father does and I have already eaten ten water melons?

Those jokes in which absurdity becomes evident only in the end can be called pseudo-rational postulates.

Relatively absurd postulates are those that demand special background knowledge in order to be decoded and understood:

*Tri gerlici pod vindom, pryali leitli invingom...
Spichit sekonda gerlica: „Kabi ya bila kingicei,
Ya b dlya fazera kinga super pati sozvala...*

It's a parody of Pushkin's famous work "The tale of Tsar Saltan". The original lines of the poem are rewritten with the help of some common English words: "gerlica" – "girl"; "pod vindom" – "under the window"; "leitli invingom" – "late in the evening"; "spichit" – "speaks"; "sekonda" – "the second" and etc. The pidgin-like-language used here is clear only to those Russian people who know at least a few English words.

Phonetic transcription of English words is frequently used to produce a comical effect, and relatively absurd postulates often include interlingual homonyms:

Prodam chasi s boem. Boi budet hodit za vami i nosit chasi.

"Chasi s boem" in Russian means "a striking clock" in English. "Prodam chasi s boem" is the same as "I'll sell a striking clock." In the second part of this relatively absurd Russian anecdote it becomes evident that "chasi s boem" means "a clock with a boy." The boy will be sold with a clock and will carry it. This anecdote exemplifies both linguistic and existential absurdity.

On the whole, this type of absurdity can be called "smattering absurdity." The statement "keden frin saksan nanin" seems senseless till we learn that it is phonetic transcription of the first four numerals, which some African tribes (especially "yalunka") use while counting.

Truly absurd postulates are absolutely insoluble statements that "contradict common sense, life experience or logic" [11]:

All birds are flying to the South but one of them is flying to the left.

Truly absurd postulates can be subdivided into semantic, pragmo-logical and pragmo-evaluative absurdity.

SCRIPTS OF RUSSIAN ABSURD ANECDOTES

After due reflection on different plots of Russian absurd anecdotes we may distinguish the following scripts:

1. "X" says something having a certain communicative aim but the verbalization of the purport of communication is not clear at the level of words or word phrases, thus his/ her speech creates

an abundance of mostly semantic type of absurdity which can be expressed in semantic contaminations, semantic disarray, semantic antonymy and semantic distortion.

2. “X” says something having a certain communicative aim but the verbalization of the purport of communication is unclear and the logic of the produced sentences is broken, as a result we deal with pragmo-logical absurdity when initial statements are ill-sorted with subsequent actions and vice versa.

3. “X” has a certain communicative aim. The verbalization of this aim is relatively clear and consistent but the speech act cannot be brought into correlation with the existent life situation or generally accepted social rules of conduct. Such dissonance causes pragmo-evaluative absurdity.

A lot depends on the Receptor’s perception and his/her readiness to achieve mutual understanding with his/her interlocutor. Sometimes it happens that “X” says something having a certain communicative aim, but its verbalization is rather vague and the logic

of the produced sentences is broken, but “Xs” words aren’t regarded absurd though they are inconsistent. Due to Receptor’s concern “X” manages to achieve his/ her communicative aims, but it is important to outline that if “Xs” words conflict with previous experience, general truth or vital social values, “Xs” words are doomed to be regarded as nonsensical.

Sometimes it is rather hard to appreciate absurdity for its true value without analyzing the context in which it is used. Rational statements are frequently misunderstood and misinterpreted as irrational ones and vice versa.

In conclusion, it is worth saying that playing its highly unusual innovative role absurdity is directly aimed to startle the listener, shaking him or her out of comfortable, conventional thoughts and judgments, and the monotony of life. Such a preposterous play with “the strait jacket of logic” (Sigmund Freud), realized in anecdotes, gives the feeling of freedom and delight both for the speaker and the amused listener.

References

1. Dentith S. Parodija [Parody]. *Novaja kriticheskaja idioma* [The New Critical Idiom], Routledge, 2000. 224 p.
2. Galperin I.R. *Stilistika* [Stylistics], Moskva: Visshaja Shkola, 1977.
3. Getmanova A.D. *Logika* [Logics]. Moskva: Vlados, 1995. Pp. 259-260.
4. Hatcheon L. *Teorija parodii: uchenija dvadcat-pervogo veka. Formy iskusstva* [The theory of parody: the teachings of the twenty-first century. Forms of art], New York: Methuen, 2001.
5. Ivleva S. *Semanticheskij absurd* [Semantical absurd], Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe Izdatelstvo, 2008. p. 460 – 468.
6. Ivleva S. *Komicheskij absurd v Internet_Kommunikacii* [Comical absurdity in the Internet Communication], Izdatelstvo Permskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta, 2008. p. 271–282.
7. Ivleva S. *Pragmatischeki-logicheskij absurd* [Pragmo-logical absurdity], Volgograd: Kolledj, 2010. p. 19–25.
8. Ivleva S. *zhenskaja absurdnaja logika* [Female absurd logic], Volgograd: Paradigma, 2008. p. 94–102.
9. Ivleva S. *Pragmo-ocenochnyj absurd* [Pragmo-evaluative absurdity], Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe Izdatelstvo, 2009. p. 383–388.
10. Fokkema, D.W. *Semanticheskaja i sintaksicheskaja organizacija postmodernistskogo teksta* [Semantic and syntactic of post-modernist texts], Amsterdam: John Benjamins, 1986. p. 81–98.
11. Karasik V.I. *Jazykovej krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
12. Karasik V. I. *Jazykovye kljuchi* [Language personalities], Volgograd: Paradigma, 2007. 520 p.
13. *Filosofija* [Philosophy] [Electronic resource]. Available at: <https://otvet.mail.ru/question/33071471> (accessed on 10 June 2017).
14. *Russkij folklor* [Russian folklore] [Electronic resource]. Available at: <http://www.unn.ru/folklore/absstih.htm> (accessed on 10 June 2017).
15. *Russkie anekdoty* [Russian anecdotes] [Electronic resource]. Available at: <https://www.anekdot.ru/id/475899> (accessed on 10 June 2017).
16. *Literaturnye priemny* [Literary devices]. Pleonasm [Electronic resource]. Available at: <https://literarydevices.net/pleonasm/> (accessed on 10 June 2017).
17. *Russkij forum* [Russian forum]. *Shutki* [Jokes] [Electronic resource]. Available at: https://ask.fm/eva_malin (accessed on 10 June 2017).
18. *Russkie meshnye poslovitsy i pogovorki* [Russian funny proverbs and sayings] [Electronic resource]. Available at: <http://fb.ru/article/197594/yabloko-ot-yabloni-nedaleko-padaet-smysl-pogovorki> (accessed on 06 June 2017).
19. *Russkie skazki* [Russian fairy tales] [Electronic resource]. Available at: <http://anecarchiv.ru/o-zveryushkax/i-ostanovil-ivanushka-konya/> (accessed on 25 July 2017).
20. *Zakrytyi zhenskij forum* [Private female forum] [Electronic resource]. Available at: <http://girls-only.org/5205578.html> (accessed on 15 July 2017).

21. Kolleksiya onlain anekdotov [Collection of online anecdotes] [Electronic resource]. Available at: <https://anekdotovstreet.com/anekdot/prodayutsya-chasy-s-boem-boy-budet-hodit-vsled/95754/> (accessed on 29 May 2017).
22. Zhivoj zhurnal [Life journal] [Electronic resource]. Available at: <http://doktor-killer.livejournal.com/4396571.html> (accessed on 29 May 2017).
23. Luchshie russkie anekdoty [Best Russian anecdotes] [Electronic resource]. Available at: <http://anekdoty.onru.ru> (accessed on 29 May 2017).
24. Russkij jumor [Russian humour] [Electronic resource]. Available at http://www.russianla.com/common/humor/story.php/16536?id_cr=(accessed on 15 July 2017).

About the authors:

Chernova Snezhana Valeryevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, English Language Department No. 1 of MGIMO University. Email: Snezhana85@yandex.ru.

Andrew Douglas Ferguson – a Master of Arts in International Relations at Deakin University Sydney, Australia. English Teacher in TAFE Brisbane, Southbank, Australia. Email: andy.ferg@live.com.

* * *